

ВЫСШЕЙ КАТЕГОРИИ ТРУДНОСТИ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Эта книга по праву входит в нашу «Уральскую библиотеку путешествий, приключений и фантастики». В ней есть все, что характерно для произведения приключенческого жанра. В суровых условиях зимнего Севера происходят поиски пропавшей группы туристов — лыжников. Загадочны следы, оставленные группой, противоречивы догадки ищущих, сложна и очень тревожна вся ситуация в целом. Но главное, может быть, в другом — в характерах туристов, вышедших в этот поход, и в характерах тех, кто стремится прийти им на помощь. Какая доброта, самоотверженность и мужество обнаруживаются в самом обыкновенной человеке в момент опасности! Может быть, суть в споре: прав или неправ был командир группы Глеб Сосновский, в споре, который предоставляется решить самому читателю.

Повесть «Высшей категории трудности» — первая книга молодого свердловского журналиста Ю. Яровой, Следует представить его читателю.

Юрий Евгеньевич Яровой родился в 1932 г., на Дальнем Востоке. Заканчивая среднюю школу, параллельно закончил курсы младших геологов и работал в золоторазведочной партии.

После окончания Ленинградского политехнического института работал конструктором на заводе, затем был избран секретарем заводского комитета комсомола. С комсомольской работы Ю. Яровой перешел в журналистику. Его статьи и очерки печатались в газетах «На смену!», «Молодежь Алтая». Затем он был корреспондентом радио, несколько лет отдал научной работе. В настоящее время Ю. Яровой — редактор отдела современности журнала «Уральский следопыт».

1

«Кожар, городская прокуратура, тов. Новикову.

18 июня 1963 года.

Товарищ Новиков!

Я прошу вас, если это можно, вернуть мне мой дневник. Я решила ответить на ваши вопросы. Может быть, после того, как я уже дважды отказалась ответить на них, мое письмо вызовет у вас удивление, поэтому я постараюсь объяснить, чем оно вызвано.

Когда вы допрашивали меня в первый раз, вы требовали исповеди. Я не понимала и не хотела понимать, для чего вам нужно знать такие подробности, которые не доверишь даже дневнику. А дневник был у вас в руках. Но тогда я молчала по другой причине: я молчала потому, что мне было страшно вспоминать.

Теперь я могу ответить на ваши вопросы. Но прежде всего я хочу объяснить, почему же я все — так решила на них ответить.

Однажды мне на глаза попался афоризм: человеческая память — это сито. Отсеивает горе — оставляет радость. Это, наверное, правильно, потому что вряд ли бы иначе у меня хватило мужества написать вам письмо. Ведь, чтобы ответить на ваши вопросы, мне надо все вспомнить...

Там, в Кожаре, вы часто повторяли слово «мужество».

Вы мне говорили о «мужестве очевидца, о мужестве свидетеля». Я все помню, но дело не в этом. Каждый из нас и очевидец и свидетель. И каждый мог рассказать вам обо всем, что вас интересует.

Но я хорошо запомнила ваши слова, которые мучают меня уже полтора года: я не простой свидетель, а главный.

Да, именно эта ваша уверенность, что я не простой свидетель, а главный, может быть, виновник, — вот что заставило меня вспомнить все и написать вам письмо. Да, я отлично вас поняла: если я не «исповедуюсь», я еще раз распишусь в малодушии, в трусости.

Когда врач, прилетевший с вертолетом, не сказал мне, что с Глебом все в порядке, я

поняла, что случилось самое страшное. Вот тогда я почувствовала, что мне все, абсолютно все равно. Что со мной будет, как я буду жить дальше и зачем я буду жить, — мне было все равно...

Но я ничего не забыла. До чего я бы ни дотрагивалась, каждая вещь напоминала о Глебе. Меня оберегали от воспоминаний, никогда в моем присутствии не произносили его имени, а я все равно все помнила.

Кого бы я ни слушала, я слышала его голос, его смех. Я не чувствовала себя ни виноватой, ни больной, просто я ничего не чувствовала... Так было почти полтора года.

А вот сейчас я снова в походе и снова сижу у костра, а вчера даже попробовала подтягивать песню. Я не знаю — плохо это или хорошо. Скорее всего плохо. Наверное, поэтому я и пришла, в конце концов, к мысли, что я должна вам рассказать, что я должна ответить вам на ваши вопросы.

Прошло полтора года, вы, наверное, уже забыли и про Рауп, и про нас. И возможно, что это запоздалое письмо сейчас нужно не столько вам, сколько мне самой.

А поход на Телецкое озеро был задуман еще два года назад. Он был задуман еще им, Глебом Сосновским. Вот видите, я уже могу спокойно писать его имя и фамилию. Может, я и в самом деле просто выздоровела. Я вам об этом пишу потому, что именно здесь, на Телецком озере, я пришла к мысли написать вам письмо. Я расскажу, как это случилось.

В Артыбаш мы добрались на попутном грузовике около десяти утра. Телецкое озеро было затянуто дождевой кисеей. Мы ничего не видели, кроме дождя. Из нашей «десятки» только трое бывали на Телецком озере, остальные, как встречи с чудом, ждали Артыбаша.

Около одиннадцати, когда мы за турбазой уже разбили палатку и развели костер, с низовьев подул сильный ветер и погнал дождевую тучу наверх, к Чулышману.

Я в это время сидела на скале, под кедром. Здесь было относительно сухо, тихо. Я думала, что мне делать. За вчерашний день, первый день пешего похода от Турочака до порогов, где нас прихватила попутная машина, я поняла, что у меня не хватит сил вернуться к тому, что безвозвратно потеряно и вызывает такую боль. Возможно, что я переоценила свои силы, возможно, что мне рано было идти в поход, а может, я смертельно устала, так или иначе, но я решила вернуться домой. И сейчас, сидя под кедром, я придумывала, что скажу ребятам. Но ничего путного придумать не могла. На меня напала апатия. Ни о чем не хотелось думать, ничего не хотелось делать.

И вдруг ветер, холодный «низовик», погнал дождевую завесу по озеру. Мокрое облако, прочно осевшее на озере, закружилось и начало таять, открывая отвесные, поросшие хвойной щетиной берега. Это была удивительная картина: из дождевой тучи рождались зеленые утесы.

Вслед за темно — зеленой щетиной проявились пепельно — оранжевые вершины. По ним змеились языки вечных снегов. Через вершины скатывались в озеро облака, а ветер набрасывался на них, и они бесследно растворялись в воздухе. А потом открылось небо: невероятно синее и чистое, и пепельные вершины, берега и свинцовое озеро осветило солнце. И сразу все: тайга, вечные снега, утесы, капли дождя, застрявшие в сосновых иглах, и само озеро — все засверкало и оживило. И тогда — то я вдруг вспомнила, что уже видела что — то подобное. Достаточно было на секунду закрыть глаза, как я вспомнила, где и когда я видела такой яркий свет. Да, это было там, на Соронге.

И вдруг воспоминания перестали давить меня. Словно все, что произошло полтора года назад в долине Соронги, случилось не со мной. Я просто все это видела со стороны... Наверное, я объясняю путано, но именно все так и было, я как бы раздвоилась. Я даже удивилась: неужели это я, разбившаяся на камнях, обмороженная, прошагала двадцать километров по снегу? Неужели это у меня потом хирург отрезал на руке пальцы? Со мной что — то случилось. Впервые без отвращения я взглянула на свою левую кисть, пошевелила коротышками и почувствовала к ним даже какую — то симпатию. И тогда я поняла, что стала другим человеком, что я хочу жить, хочу опять смеяться, хочу опять петь и радоваться. Я тогда еще не думала — плохо это или хорошо. Уже потом я решила, что это плохо. А тогда

я просто почувствовала, что могу вспомнить обо всем и ответить на ваши вопросы. И не просто могу, а должна ответить.

Да, это было там, в долине Соронги, на пятый или шестой день, когда сквозь низкие тучи, из которых беспрестанно валил снег, пробилось солнце. Там я видела такой же ослепительный свет. Я отчетливо вспомнила, как, увидев луч, с трудом пробившийся сквозь замерзшее окошко, я встала, прошла к двери и распахнула ее настежь.

Я едва устояла на ногах. От слабости, от боли в глазах, от холодного воздуха и еще — от такого же ослепительного света. Я сделала шаг, кто — то за мной закрыл дверь, я оперлась о стенку и зажмурила глаза. Глазам было больно, и я заплакала. Это не были слезы отчаяния, которые душили меня позже, в больнице и дома. Тогда, на Соронге, я плакала просто от света...»

2

«Я плакала просто от света...»

Страница кончилась. Я перевернул, листки выскользнули из рук и рассыпались по столу.

— Ничего, я сложу их сам, — сказал Новиков и ладонями сбил листки в пачку. — Вы понимаете, почему она написала письмо?

— Мужество очевидца?

— Нет, — покачал головой Новиков, — больше. Она признала себя виновной.

— Но разве следствие не закончено?

— Следствие давно закончено. В конце концов, нового она открыла немного. Гораздо важнее, что признание в виновности она сделала сама, добровольно. Я оказался прав в этом предположении, — усмехнулся он, — Вы помните наш последний разговор, там, в лагере?

Новиков подравнял листки и вложил в конверт. Поймав мой недоумевающий взгляд, он сказал:

— Подождите. Главное вы знаете. Я был уверен, что она напишет. Как видите, не ошибся.

Он держал письмо в руке, не убирая его в стол и не отдавая мне.

— Когда вы уезжаете?

— Сегодня, — ответил я.

— А как вам понравился Кожар? Я имею в виду летний, — опять усмехнулся он. Положил конверт на стол, снял очки и извлек из кармана носовой платок. Без очков он выглядел усталым и даже голос его звучал как — то иначе — глухо и равнодушно. — Зимний Кожар вы уже видели... Вы ведь у нас второй раз?

Да, в этом городке я второй раз. Деревянные, несокрушимые дома с крытыми дворами, скрипучие деревянные тротуары, пыль на дороге, пыль на траве и деревьях — летом Кожар мне не понравился, ему не хватает полярного колорита — сугробов, обледеневших дорог и тяжелого инея на ветвях. Только синеющие на горизонте горы напоминали о той, что это Приполярный Урал.

Я приехал по делу, не имевшему никакого отношения к той первой командировке, — и вдруг телефонный звонок из прокуратуры в гостиницу. Звонил Новиков. Мы с ним не виделись полтора года, и, естественно, его голос я не узнал. «Я хочу побеседовать с вами по делу, связанному с Раупом...» — Только после того, как он произнес «Рауп», я сообразил, кто со мной разговаривает.

Прокуратуру я нашел без труда. Нашел и кабинет с табличкой «Прокурор г. Кожара Новиков Н. В.». В кабинете было душно и накурено, хотя, насколько я помню, прокурор не курил.

Новиков. Он почти не изменился — тот же синий мундир с блестящими пуговицами, те же очки без оправы в виде эллипсов на бледном узком лице. Та же ироническая улыбка в уголках рта...

Мы обменялись обычными в таких случаях фразами о здоровье, о работе, поговорили о наших общих знакомых. Потом Новиков взял лежавший перед ним конверт и вынул из него пачку твердых листков, видимо, вырванных из блокнота и исписанных мелким почерком.

— Вы помните Васенину? На днях я получил от нее письмо...

И я прочел это письмо, точнее, начало письма...

— ... начит, Николай Васильевич, хотя следствие и закончено, вы по — прежнему ищите виновных в этом деле?

— Если говорить точнее, — я ищу истину. С моей точки зрения, вина Васениной не так уж велика.

— Знаю. По вашему заключению, главным виновником является Глеб Сосновский.

— А по — вашему, он — герой. — Новиков быстро, одним движением набросил очки на переносицу. Усталости и равнодушия как не бывало: — Я прочел этот ваш очерк «Отдай сердце людям». И название, и сравнение с Горьковским Данко, наверное, очень эффектно в литературном отношении, но по сути неверно. Вы считаете Сосновского героем...

— А вы преступником? — мной овладело раздражение. Эта манера сидеть прямо, как в судебном зале, этот сухой иронический тон так памятен мне. Как и раньше, я попытался вывести его из себя: — В такой же степени преступником вы можете считать и меня: я каждый день перехожу улицу при красном светофоре.

Новиков окинул меня оценивающим взглядом и сказал с усмешкой:

— Преступления такого рода оцениваются тридцатикопеечным штрафом. — Усмешка исчезла. — Но вполне возможно, что когда — нибудь и на вас будет заведено дело. Если из — за вашего пренебрежения к сигналам светофора какой — нибудь шофер задавит прохожего. Неправильное поведение человека всегда оценивается той мерой зла, которое он приносит обществу.

— Извините меня за неудачное сравнение, — немного отступил я. — Но, Николай Васильевич, мера общественного зла никак не применима к поступку Глеба Сосновского. Все, что он сделал, он сделал ради других.

— Только это вам и ясно, только это для вас очевидно. Немного надо мужества, чтобы отстаивать очевидное, — в голосе Новикова прорвалась горечь. Это было совершенно неожиданно для меня. — А ведь вы знакомы с этим делом глубже, чем другие. Почему вы не хотите взглянуть на это дело объективно и беспристрастно? Почему вы не хотите понять меня?

— А почему, — ответил я вопросом на вопрос, — вы не дали мне возможности ознакомиться с дневниками, когда я просил вас об этом?

— Шло следствие, — коротко ответил Новиков. — И я тогда еще не видел необходимости давать вам все материалы...

— Тогда, а сейчас?

— Сейчас я собираюсь дать вам дневники...

Новиков встал, подошел к сейфу, извлек оттуда несколько потрепанных тетрадей в клеенчатых переплетах. Положил их на стол передо мной.

— Узнаете?

Странно, я их помнил почему — то другими — гораздо толще и внушительней.

— Я хочу вас попросить вернуть эти дневники по принадлежности. Предупреждаю, — Новиков усмехнулся, — копии с дневников можно снимать только с разрешения владельцев. А вот уже специально для вас перепечатанные копии протоколов следствия, — на стол легла стопка машинописных листов. Немного подумав, Новиков взял конверт с недочитанным мною письмом Васениной и протянул мне: — В этих же материалах есть и мое письмо к вам. Я ведь не знал, что мы встретимся. Вас не удивил мой звонок в гостиницу?

— Да, Николай Васильевич, не ожидал...

— Я увидел вас в окно. Постучал в стекло. Но вы так быстро ходите. Я стучу, а вы... — Новиков вдруг засмеялся.

Новиков смеется! Ото была вторая неожиданность для меня. Я не помнил его

смеющимся. Я поймал себя на том, что смотрю на этого человека так, как будто только что с ним познакомился. Впервые замечаю, что волосы у него какие — то пегие, наверное, от седины, что на макушке хохолок, а мне всегда казалось, что голова у него, как прилизанная.

Я чувствовал себя захваченным врасплох. У меня в руках те самые тетради, которые я хотел заполучить полтора года назад. И дал их мне тот самый Новиков, у которого я так долго и безуспешно их выпрашивал.

Мы проговорили еще около часу. Новиков снова бесстрастным тоном напомнил мне основные положения своего заключения. Я отвечал ему. Мы опять говорили на разных языках.

Шагая на вокзал по скрипучим тротуарам, я думал: зачем же все — таки Новиков пригласил меня зайти к нему? Почему именно теперь он предоставил в мое распоряжение все материалы по тому делу? В памяти, заслонив все прочие дела и заботы, всплыла моя первая командировка в этот далекий приполярный городок.

3

Их искали на территории в пять тысяч километров, территории, которую трудно представить, не имея перед глазами крупномасштабной карты. Их имена в течение четырех дней повторялись в десятках телеграмм и рапортов, разносились по всему Уралу радиостанциями...

Вечером 11 февраля 1962 года телеграф посеял первую тревогу: «Всем председателям городских, поселковых и сельских Советов северной группы районов. 10 февраля истек контрольный срок выхода из тайги отряда туристов физико — технического института в составе восьми человек. Руководитель похода Сосновский. Предполагаемые пункты выхода: Бинсай, Ловань, Точа. Сообщите имеющиеся сведения. Зам. председателя облисполкома Турченко».

Они не вышли ни в Бинсай, ни в Ловань, ни в Точу...

О группе Сосновского мы в редакции узнали 13 февраля. В тот же день мне было приказано вылететь в Кожар, где должен был находиться штаб поисково — спасательных работ.

Меня не хотели брать, самолет был грузовой, до отказа нагруженный ящиками. Летчики везли в Кожар консервы, масло, палатки, спальные мешки, радиостанции. Продукты и спасательное снаряжение были, разумеется, важнее корреспондента, но мне все же удалось пристроиться. Известно, что авиация к журналистам питает слабость.

Я так спешно собирался в командировку, что не знал толком, все ли захватил необходимое. Когда самолет набрал высоту, где меня уже не могли посадить, я вывернул карманы.

Блокнот, фотоаппарат, командировочное удостоверение. Все на месте. Пункт назначения — Кожар, а там куда бог пошлет. Редакторское напутствие — несколько листков. На первой страничке — восемь фамилий, обведенных жирной рамкой, фамилия Сосновского подчеркнута.

На второй страничке — набросок карты. От Кожара — к деревушке Бинсай и далее по какой — то речке — пунктирный след. След обрывается у горной вершины. «Рауп, 1680 метров?» Век живи — век удивляйся: никогда не предполагал, что наш редактор так ловко умеет чертить карты.

У начала пунктирной линии дата: «26 января». Насколько я помню, из торопливого рассказа редактора — это единственная дата и вообще факт, в котором никто не сомневается.

На следующих листках были какие — то фамилии, обрывки фраз: «Контрольный срок?... Продукты. На сколько?... Штаб. Турченко. В ВЦСПС уже знают. Оружие? Рация не полагается... Нападение заключенных? Снежный обвал?... Что за озеро у подножия Раупа?...» Вручая эти листки мне, редактор, сказал: «Ничего, на месте во всем разберешься».

В Кожар самолет прилетел ночью.

Проплутав с полчаса по сугробам, я пересек по едва различимой тропке долину реки и выбрался на крутой берег. Вокруг лежала непроглядная темень, кое — где просверленная красновато — желтыми огоньками. Прямо передо мной возвышалась гостиница — старое, скрипучее двухэтажное здание.

В гостинице начались долгие препирательства с администраторшей. Оказалось, в спешке я забыл дома паспорт. Выручил высокий сухопарый полковник. Он вышел откуда — то сбоку в зеленой меховушке со стаканом в руках. У него было длинное лицо, на котором поблескивали золотые очки. Узнав, что я корреспондент и что я разыскиваю Турченко, полковник Кротов провел меня в продолговатую, битком набитую людьми комнату. Летчики в кожаных куртках, туристы, заросшие, грязные, с воспаленными от ветров глазами, двое военных и пожилой полный мужчина в штатском. У окна, грузно навалившись на стол, сидел человек в полувоенном темносинем кителе. Это лицо мне знакомо. Григорий Васильевич Турченко — зам. председателя облисполкома.

В комнате душно, облака табачного дыма, пахнет мокрой кожей, потом и бензином.

Турченко, видимо, тоже недавно прибывший сюда, выясняет обстановку, задает вопросы, подчас резкие и язвительные. Отвечают ему то полковник, то летчики, то полный пожилой мужчина и еще один человек в штатском — кареглазый брюнет, которого я вначале не заметил. И среди этого гама полковник, который привел меня, ухитряется что — то писать.

Я вытащил блокнот, стал слушать и записывать. Два вертолета МИ-4, три самолета АН-2 и четырехместный ЯК-12 — таков состав эскадрильи, спешно стянутой в Кожар из разных мест. Но, насколько я мог понять, вся эта эскадрилья второй день безуспешно болтается в воздухе на высоте полторы — две тысячи метров. Горы закрыты густой облачностью, даже на аэродром налетают частые бураны.

Из ответов на вопросы Турченко я уловил, что к сегодняшнему вечеру в поиски втянуто около шестидесяти человек: летчики, радисты, местные жители и специальные спасательные отряды, составленные из альпинистов и туристов — перворазрядников. Кроме того, два отряда туристов, только что вышедшие из тайги и проделавшие трехсоткилометровый лыжный поход, приехали в Кожар выручать своих товарищей. Они еще не успели отдохнуть и привести себя в порядок.

Кто — то зачитал вслух прогноз погоды: с запада на Приполярный Урал надвигается снежный циклон. Если в ближайшие день — два туристы не отыщутся, авиацию из поисков придется исключить совсем. Циклоны на Приполярном Урале сопровождаются такими снегопадами, что от тяжести снега рвутся провода. По две — три недели ни один самолет не может подняться в воздух от Печоры до Салехарда.

— Метели могут начаться уже завтра, — сказал полковник. — Значит, главный упор придется перенести на спасательные отряды...

Больше всего меня удивило, что, видимо, никто из членов штаба не знал, где надо искать пропавших туристов. Все самолеты летали вдоль Главного хребта, но ведь сосновцы должны пересечь его только в одном месте, у Раупа? Непонятно...

4

Когда поезд отошел от Кожара — я выпросил у проводницы отдельное купе, Поезд прибывает к обеду, — значит, в моем распоряжении достаточно времени, чтобы прочесть дневники. Там, в горах, мы их листали по очереди, торопливо, нервно, пытаясь найти одно — ответ на мучившую всех загадку. Читать все подряд просто не было времени, а позже, в Кожаре, они были причислены к вещественным доказательствам и попали в сейф к прокурору.

Тетрадей три. Дневник групповой — его вели по очереди, дневник Нели Васениной и третий — собственно, не дневник, а записная книжка Люси Коломийцевой. Я начал с группового дневника.

«День первый, 26. I. 1962 г.

Итак, снова в поход! И снова, в третий раз!!! Ну, погодите, вы еще пожалеете об этом!!!

— Вундервундом предлагаю Броню! — объявила Люсия, и вся турбанда немедленно вздела руки.

— Даешь вундервунда!

Броня — это я. Я, естественно, был против, по Глеб меня успокоил:

— Писать дневник будут все. Твоя обязанность начать.

Я поверил. Я начал. О чем писать, когда все что — то жуют, поют и восторгаются по любому поводу?

Мы, туристы, воображаем, что мы гениальные, А мне бабушка сказала, что мы ненормальные!

Это поет наша Люсия. Даже в вагоне она ухитряется приплясывать. Меж рюкзаков и по ногам.

Накануне в общежитии она уговаривала Норкина набить на ботинки стальные подковки. «Чтоб лыжные шипы не рзали кожу на подошвах», — объяснила Люсия. Норкин отпустил одну из своих «шюточек»: «Ты, мол, цыганка, и не подкованная резво пляшешь». Люсия фыркнула, прошлась довольно нелестно насчет Колиной физиономии {а по — моему, она неотразима, особенно для цыганок!}, и союз распался. «За цыганку ты еще получишь», — пообещала Норкину Люсия, а наши ноги были спасены от подков.

А за «цыганку» Коля, кажется, еще не получил. Он сидит в сторонке от Люсии и вообще старается не попадать в сферу действия ее кулаков. Люсию он побаивается больше декана. Правда, декан не дерется, но приказы за плохое посещение лекций и «хвосты» вывешивает часто. Злые языки утверждают, что декану Коля снится даже ночью. Не знаю, насколько это правда, но беседовать он с Колей любит. После каждой такой душеспасительной беседы Коля выходит из деканата, высоко подняв роскошную голову. Он идет по коридору, не замечая никого вокруг, и на его бледном челе написано гордое презрение к мирской суете. Бедные девушки! Они провожают его такими страдальческими взглядами... Увы!

А теперь я разделаюсь с Сашенькой. Нет, меня слух не обманул: и на этот раз «даешь вундервунда Броню!» он кричал громче всех. Не спасут тебя, Саша — Маша, ни твои невинно голубые глаза, ни твои соловьиные речи. Знаю я теперь твое благородство! Твой вопль «даешь вундервунда!» я не забуду до конца похода!

Если бы я был королем, я бы назначил трубадуром Сашу Южина. Не своим, конечно, а нашего доблестного командира. Саша не признает поговорки «не поминай имя бога всуе» и почти каждую фразу начинает с прославления подвигов Глеба: «А вот Глеб...» и так далее.

И еще наш Саша обожает говорить о романтике. Как, например, сейчас:

— «Ненаселенка» — это мужество и романтика. Трескучий мороз, обледеневшие бахилы на ногах, которые досточтимый Николай Гаврилович Норкин презрительно зовет чунями, раскаленная посреди палатки печка, от которой всегда пахнет паленой шерстью, и страшно холодные спальные мешки. И две недели — ни единой души. Да здравствует «ненаселенка!»

Обычно Саша смущается и краснеет. А сейчас он прямо Цицерон. Разница лишь в том, что Цицерон произносил свои речи с трибуны и целому сенату, а Саша — с верхней полки и одному — единственному Васе Постырю. Вася слушает. Он еще не знает, что Саша о романтике может говорить по пять часов кряду.

— А вечером, — продолжает с жаром Саша, — когда от усталости голова не держится на плечах, снова работай: руби — пили сухостой, ломай еловый лапник, растягивай окаменевшую палатку...

— А зачем ты голову берешь в поход? — ехидно интересуется Вася. — Оставил бы дома, глядишь — не потерял... — Такие реплики на Сашу действуют, как ушат холодной воды. Он мгновенно краснеет и молит о пощаде:

— Да? Думаешь, потерю?

Вася тоже смущен. Но совсем по другой причине. В нашей «восьмерке» он новичок, еще не освоился. Мы даже не знали, что он черноусый.

Вася ждал нас на перроне, небрежно опершись плечом о киоск. Он был прекрасен. Одет просто сказочно: грязно — белая штормовка, шея обмотана красным шарфом, а в довершение ансамбля — синяя фетровая шляпа.

У ног Васи лежал рюкзак, и не какой — нибудь, а настоящий абалаковский, с толстыми, подшитыми войлоком ляжками. Рядом стояла пара лыж с отличными горными замками. В руках Постыря была темно — вишневая гитара. Я думаю, что он нас не просто ждал, а готовился к дипломатическому представительству. Поглядывал на станционные часы, вздыхал от нетерпения и вполголоса, чтобы не привлечь внимания милиции, напевал: «Мой костер в тумане светит...»

Окончательно мы познакомились уже в вагоне. Вася каждому жал руку обеими большими шершавыми ладонями, потом в полупоклоне, копируя Раджа Капура, прижимал ладони к сердцу. Когда очередь дошла до Васенки, Вася сорвал с головы свое «воронье гнездо», обмел им по — мушкетерски снег с ботинок и пропел фистулой: «Любви все возрасты покорны...».

Васенка не смутилась, и во всеуслышание заявила, что Вася — пижон. Вы думаете, Вася покраснел? Ничего подобного! Он вторично обмел шляпой снег с ботинок: «Пижон? Вы мне льстите. Всю жизнь мечтал об искреннем комплименте...» Кого еще из славных соратников я должен отразить в летописи? Наш начальник «персона грата», критике не подлежит, Васенка выразила мне по поводу избрания на пост вундервунда сочувствие — пусть живет с миром... А, юный муж Шакунов! Я видел, как злорадно поблескивали твои очки, когда ты вздевал свою длань при голосовании! Ну, держись...

Во — первых, что такое Шакунов? Сказать, что это ходячий анахронизм — значит сказать полправды. Женатый анахронизм — звучит вульгарно, но тем не менее это уже ближе к истине.

Еще полгода назад — всего жалких полгода! — мой лучший друг Шакунов убеждал меня отречься от всех соблазнов мирских и углубляться только в науку. «Ганцы? Возврат в третичную эпоху. Вечеринка? Наживешь цирроз печени и расстройство желудка. Женщины? Если тебе дорога свобода — обойди женщину стороной». Такова была философская концепция моего лучшего друга. И что же мы видим теперь? Этот женатый анахронизм сидит у окна, повесив голову, и явно тоскует о своей младой супруге. А Люсия поет:

Расцвела сирень в моем садочке,
Ты пришла в сиреновом платочке...

Честное слово, глядя на эту симпатичную курносую певичку, с торчащими из — под шапочки косичками, никогда не подумаешь, что в ее облике замаскировался сам дьявол! Клянусь вам честью вундервунда! Вспомните хотя бы вчерашний день!

На укладку рюкзаков я немного запоздал. Из — за трамвая, конечно. И тем не менее меня встретили диким воплем;

— А, явился тунеядец!

Не успел я возмутиться, как на меня налетела Люсия.

— Гони остатки!

— Какие остатки?

Я изумился совершенно искренне, ибо совесть моя перед начхозом была абсолютно чиста.

— Гони остатки! — наседала на меня Люсия. — я подсчитала, что у тебя от концентратов должны быть остатки.

— Но я не покупал никаких концентратов!

— А кто покупал? Кто покупал концентраты? — повысила голос начхоз.

Выяснилось, что концентраты покупал Саша. Бедный Саша! Под бурным натиском он начал выворачивать карманы, а начхоз бесцеремонно забирала у него всю мелочь.

— Живей выворачивай! — командовала Люсия. — У меня касса не сходится.

Касса — святая святых. Саша только вздохнул и вывернул последний карман. А Люсия тем временем перенесла огонь на Колю Норкина.

— Почему сгущенку не вложил? Думаешь, я за тебя поташу сгущенку? А овсянку куда девал?

— Отцепись, овсянка в рюкзаке. А сгущенка под столом.

— Почему под столом?

Норкин протяжно вздохнул и сел на пол.

— Послушай, Люсия, и какой это осел предложил тебя сделать начхозом? Тебе бы в милиции служить.

— Говорят, — подбоченилась Люсия, и ее косички даже задрожали от удовольствия (вот он, случай!), — говорят, что меня предложил какой — то Норкин.

— Норкин? — изумился Коля самым честным образом. — Разрази меня гром — не помню.

— А я помню! Клади, голубчик, клади...

Норкин печально поскреб свой курчавый затылок, развязал ркж и засунул туда еще три банки сгущенки.

Да, кстати, а сколько мы тащим на себе на самом деле? Сначала наш начальник, повертев логарифмической линейкой, объявил, что на каждого брата и сестру приходится в среднем по тридцать семь килограммов (это — не считая собственной одежды и лыж. «Без одежды и лыж, я надеюсь, никто не рискнет прогуляться по Приполярному Уралу», — тотчас съязвил Норкин), потом Глеб снова углубился в расчеты и объявил, что мы должны принять еще один удар судьбы:

— Девушек я предлагаю разгрузить до двадцати восьми...

— А нас?

Вопль, от которого дрогнула лампочка.

— По сорок.

Леди выразили шумное одобрение. Мы тоже. А что еще оставалось делать?

Но это, насколько мне помнится, было еще не все. Задним числом вдруг обнаружилось, что соль осталась в шкафу, что запасную пару ботинок женатый Вадик по рассеянности засунул в тумбочку, что забыли положить свечи и т. д.

Но наш начхоз была начеку!

— Кто оставил соль? Шляпы! А какая растяпа забыла уложить в рюк свечи?

А я забыл дома второе одеяло. Я готов был стать на колени перед разъяренной Люсией, только бы она не топала ногами.

Слава богу, лишнее одеяло нашлось у Саши, Саша — добрейшая душа. Он готов расшибиться в лепешку, только бы все улыбались. Но не тут — то было.

— Южин! Опять поблажки?

И Люсия решительно отрубил:

— Здесь не тайга. Съездит домой.

Вот какой у нас начхоз. А вы говорите — женщины... Зато сегодня вечером я был отомщен. Люсия пела, Люсия плясала и вдруг — ужасный конфуз! Начхоз готова была залезть под лавку. В сумке с деньгами и документами Глеб обнаружил две маршрутные книжки!

— Скандал, — спокойно сказал наш начальник. — Ты так и не зашла в спортклуб?

Люсия вздыхает, Люсия кается. Нехорошо, нехорошо... Удрали в поход, не оставив в спортклубе даже копии маршрутной книжки. Вспоминаю веселого Гену Воробьева. «Я председатель, и у меня все в ажуре», — гордо заявил он на перроне за пять минут до нашего отъезда. Вот вытянется его физиономия, когда он обнаружит, что наша маршрутная книжка уехала вместе с нами!!!»

Один из членов спасательного штаба в Кожаре — кареглазый брюнет в свитере (как потом выяснилось, это был Воронов, мастер спорта по туризму) объяснил мне, что каждая группа перед походом должна оставлять в спортклубе свою маршрутную книжку, где весь поход расписан по дням и указаны все запасные маршруты и пункты выхода в случае неудачи.

Воронов взял лист бумаги и набросал схему: Кожар, от Кожара на восток извилистая черта — дорога до деревушки Бинсай. Дальше поворот на северо — восток по какой — то речушке до Главного Уральского хребта. Схема почти совпадала с тем наброском карты, который вручил мне перед отлетом редактор. В конце пунктирного следа — Рауп.

— Отсюда, от Раупа, — объяснил мне Воронов, — они, видимо, должны направиться обратно к Бинсаю, но уже другим путем, по реке Соронге или по Точе.

Он замкнул пунктирный след, получился неправильной формы овал, вытянувшийся от Бинсая на северо — восток на сто пятьдесят километров.

— Но это еще, к сожалению, не все, — продолжал объяснять Воронов. — У такого сложного маршрута должны существовать по крайней мере три запасных варианта: один — на случай непогоды, другой — если нельзя будет идти вдоль Главного хребта и так далее. Куда они могли проложить запасные маршруты? Если бы у нас была их книжка, мы бы знали это совершенно точно... А так приходится гадать...

Вероятнее всего, запасные варианты они выбирали от вершины Тур — Чакыр, это довольно трудный пик, они могли его и не взять... Но куда они могли пойти? Скорее всего на восток, здесь есть интересная вершина Сан — Чир. Но если они повернули бы на запад, как они тогда смогли бы выйти к Раупу? А это главная цель их похода...

Здесь есть два решения: или по ущелью реки Ворча с перевалом на высоте тысячу триста метров или возвращаться назад к Тур — Чакыру...

Воронов аккуратно наносил на свою схему все маршруты: три пунктирные линии от Тур — Чакыра, еще три от перевала в реку Точу и от небольшой вершины, в десяти километрах не доходя Раупа. Пунктирный овал на схеме раздался в стороны, внутри его уже насчитывалось по крайней мере семь — восемь маршрутов.

— Но и это еще не все, — грустно усмехнулся Воронов. — У них обязательно должны быть разработаны аварийные выходы. На тот случай, если с кем — нибудь из членов группы произойдет несчастье. Аварийные выходы, как правило, прокладываются по кратчайшему расстоянию к самому близкому населенному пункту,

Воронов в стороне от Кожара, километрах в сорока на юго — восток, нарисовал кружок — «Точа». Еще один кружок возник чуть севернее Бинсая — «Ловань».

— Ловань и Точа — больше им некуда было прокладывать аварийные выходы. Что же получается у нас с географией? Если мы из всего района выделим наиболее вероятный участок, где их можно найти, у нас получится площадь...

Воронов заключил пунктирный овал в прямоугольник.

— ...площадь сто на пятьдесят километров..

— Бельгия получится, Валентин Петрович. Пять тысяч квадратных километров.

Это сказал полковник Кротов. Он взял со стола схему, вычерченную Вороновым.

— А может, пилоты правы, предлагая весь этот квадрат прочесать самолетами с севера на юг?

— Надвигается циклон, — напомнил Воронов.

— А, циклон... Но все — таки, сколько надо самолетов, чтобы прочесать этот район в три — четыре дня?

Подсчитать полковник не успел. Его вызвали к телефону. Связь со штабом поддерживалась круглосуточно. По телефону с почтового отделения передали телеграмму: «Кожар, штаб поисков. Группа десять человек в Ловани закончила зачетный маршрут. Все здоровы, продуктов достаточно, ждем указаний и маршрут поисков. Балезин».

— Я знаю Балезина, — оторвался от схемы Воронов. — Это человек надежный, можно посылать. Только насчет продуктов сомневаюсь. Продукты у них на исходе, остался, видимо,

двухдневный неприкосновенный запас.

Слово Воронова здесь, видимо, ценилось на вес золота. Тотчас решили: группу Балезина снабдить продуктами и забросить утром на западный склон хребта вертолетом. Точку высадки также указал Воронов.

Я оглядел туристов, находившихся в комнате, — черные, какие — то осатаневшие... Две недели были на морозе, спали, можно считать, на снегу и снова рвутся в тайгу. И те, из Ловани, видимо, такие же: только что проделали трехсоткилометровый марш, а завтра им штурмовать Тур — Чакыр.

Разошлись мы около трех часов. В этот день никаких следов пропавшей группы не нашли и неизвестно толком, где искать. Это все, что я мог сообщить завтра в редакцию.

Мне дали койку в одной комнате с полковником и Вороновым.

— Валентин Петрович, что же все — таки случилось? Трагедия или просто недисциплинированность? А может, их вообще нельзя было туда пускать?

Воронов не отвечал долго. Потом вдруг выдал нечто неожиданное:

— Если бы мне сейчас во второй раз предложили утвердить Сосновскому тот же самый маршрут, я бы его утвердил без колебаний.

Да. Во всяком случае, в смелости этому мастеру не откажешь.

— А если вы Сосновскому со всей его компанией утвердили смертный приговор? Вы только, пожалуйста, не обижайтесь на меня. Это разговор между нами.

— Да нет, какие тут могут быть обиды. Обидно другое: каждый год где — нибудь в горах с туристами случаются несчастья, а централизованную спасательную службу мы до сих пор имеем только на бумаге. — В голосе Воронова прозвучала боль.

— Вы хорошо знали пропавших ребят?

— Не всех. Сосновского знал, еще двух. Это замечательные ребята. Сильная, стойкая группа. Ребята найдутся, я в этом не сомневаюсь.

Воронов говорил с завидной убежденностью.

— Осенью на соревнованиях по спортивному ориентированию Сосновский вывел свою команду к финишу абсолютно точно. Это очень опытный и дисциплинированный турист. С ним ничего не случится...

И тут же без всякого перехода Воронов закончил:

— Нам осталось спать часа три — четыре. Спокойной ночи!

Ничего не скажешь — корректен и решителен. Я заметил, что, разговаривая с каким — либо человеком, Воронов всегда обращается к нему по имени и отчеству. А в общем, он прав — ребята найдутся. Переломали лыжи — вот и плетутся. Хотя завтра уже четырнадцатое. Третий день поисков... Что же с ними все — таки случилось?

Засыпая, я услышал, как на улице ветер подвывает в проводах. Значит, циклон долго ждать себя не заставит...

6

Дверь купе открылась так тихо, что я не сразу сообразил, почему передо мной стоит проводница.

— Я спрашиваю — вам нужна постель?

— Постель? Да, конечно.

Я вышел в коридор. Несмотря на полночь, лампы в коридоре не горят. Да в этом нет никакой необходимости, — здесь, возле Полярного круга, белые ночи все лето напролет. Зато зимой дни такие короткие... Сколько километров они могли проходить на лыжах в день? По целине, с тяжелыми рюкзаками... Воронов уверял, что не меньше двадцати пяти. Если они шли в день пять часов, а это максимум светлого времени в январе, то они должны были проходить пять километров в час. А снег в этих краях выпадал до двух метров... И им приходилось делать привалы.

Я расплатился за постель и вернулся в купе. Дневники проводница переложила на

столлик. Сверху оказалась тетрадь в коричневом переплете — дневник Васениной. Да, я не ошибся. Строчки торопливые, наползают друг на друга, вместо окончаний — кривые оборванные линии...

«26 января 1962 г.

Я опять еду в поход. Милые ребята, мне предстоит целые две недели спать с вами в одной палатке, есть из одного котелка... Сколько мы споем песен у костра!

Вагон качает, по стеклам бегут зыбкие тени, а колеса на стыках напевают однообразную бесконечную песню.

Под стук колес хорошо мечтать и придумывать волшебные замки. Из льда и инея, из детских грез и андерсеновских сказок. В прошлом году, тоже в январе, я видела на небе удивительный пожар. До этого я даже не могла представить, что солнце способно так раскрасить серенькое небо. Когда — то меня поразила картина Айвазовского «Среди волн». Вздыбленное море, кусок нависшего неба и тонкий луч, прорвавшийся сквозь тучи. Я никогда не видела живого моря, я знала его только по картинам Айвазовского. А в прошлую зиму на Молебном Камне я увидела море — великолепное, яркое — на обыкновенном уральском небе. Это продолжалось всего лишь несколько секунд, когда солнце выглянуло из — за нижней кромки туч. И все преобразилось: на далекий Северный Урал ненароком заглянуло южное море. Над городом таких чудес не бывает.

Я люблю слушать перестук колес. Большинство людей в дороге спят. А я вспоминаю и мечтаю.

Иногда вдруг вспомнится, как на Тургояке удирал от града, крупного, с голубиное яйцо, Саша Южин, и хочется смеяться, и я зажимаю рот ладонями, чтобы не расхохотаться вслух. Саша бежал, прикрыв макушку руками, а на его лице был неопикуемый ужас.

Однажды я забралась на крышу семиэтажного дома, и у меня закружилась голова. Ноги ослабли, к горлу подкатила тошнота, и я села. А в горах, на тысячеметровых вершинах, я чувствую за спиной крылья и страшно завидую птицам. Я закрываю глаза, поднимаюсь над вершиной — все внизу, все маленькое, все сливается в волшебный хоровод. Почему я не пошла в аэроклуб?

А колеса все стучат, стучат на стыках, напевая про длинный путь. Мы уже в пути четырнадцать часов. Всего четырнадцать, а так далеко дом, институт и город! Дома тепло, можно с ногами забраться на диван, включить торшер и читать: «Здесь легким образом и думам я отдаю свои стихи...» А Люська говорит: «Вознесение Васениной». Я знаю, она необыкновенно добра, перед каждым походом вяжет парням шерстяные носки, латает штормовки. Но ворчит и ругается при всем этом — боже упаси!

Почему мне не сидится дома? Мама моя — шумная, толстая, настоящая «тяжелая артиллерия» — перед каждым походом смолкает, тычется из угла в угол и в сотый раз переспрашивает: «А когда у тебя этот самый, контрольный срок?» И я ей в сотый раз объясняю, что такое контрольный срок, почему мы должны вернуться тютелька в тютельку, день в день, час в час и, наконец, беру красный карандаш, лист бумаги и крупно пишу: «Мамочка! Жди меня, и я вернусь!» И ставлю дату контрольного срока. Мама вешает лист на кухне и качает головой: «Дурочка ты у меня. Вышла бы замуж, ходила бы с мужем в театр, филармонию...» Тут я обыкновенно не выдерживаю и ору что есть мочи: «Молоко сбежало!»

Уже полночь. Вагон качает. Вправо, влево. Ребята благородно уступили нам с Люськой нижние полки. Я прекрасно устроилась на одеялах и куртке. Можно даже писать. Правда, буквы лезут друг на дружку, в моем «будуаре» полумрак, но все равно после суматошного дня я одна. Когда я пишу дневник, я одна. Дома я никогда не пишу дневник. Дома все кажется таким обычным, что стыдно писать об этом, А в походе с первого же дня столько новых впечатлений, что руки сами тянутся к бумаге.

А ведь я совершенно случайно стала туристкой.

Однажды Люська затащила меня в свою турсекцию. Там она меня познакомила с парнем, который, по ее словам, был «просто мечта». В прошлом году, летом она ездила с

ним» куда — то на Северный Урал. «Просто мечта» оказался круглолицым блондином весьма обыкновенной наружности: прическа под «бокс», а глаза спокойные, безмятежные. Когда Люська предложила взять меня на Дрему, он посмотрел на меня откровенно изучающим взглядом. Это и был Глеб.

— Ну что ж, попробуем, — согласился Глеб, и любопытство в его глазах на секунду сменилось доброй усмешечкой. Потом я убедилась, что он усмехается по любому поводу, его так и прозвали «Глеб — усмехами», но тогда я сразу разозлилась. И если бы Люська не была такой упрямой, не пошла бы ни на какую Дрему. Сколько мне слез стоило приобщение к туризму!

Я хорошо запомнила этот день — день туристского крещения. Было воскресенье — первое воскресенье декабря. До Дремы мы добрались электричкой. Там были склоны, на которых Глеб решил отрабатывать спуски и падения, но об этом я узнала потом, Люська меня уверяла, что покатаемся, разведем костер, попоем...

...Помню, Глеб машет снизу от озера рукой, я отталкиваюсь, и начинаю скользить между деревьев. Повороты резкие и крутые, меня забрасывает, я нелепо машу руками, отчаянно мешаю рюкзаку, какой — то угловатый и тяжелый.

«Падай!» — кричит Глеб. И я падаю. Но падаю, видимо, плохо, потому что одна лыжа удирает от меня, левая рука оказывается почему — то вывернутой за спину, снег набивается за шиворот, и в довершение всего рюкзак давит на меня так, что я уже без чужой помощи подняться не могу. Меня поднимают, отряхивают от снега, иронически интересуются самочувствием и возвращают лыжу. Затем предлагают повторить спуск.

— Вы падаете, — объясняет Глеб, — бессознательно, зажмурив глаза. А падать надо с расчетом, сжавшись в комок, чтобы мышцы были напряжены. Пока вы не умеете падать. Повторите, пожалуйста!

Так я узнала, что туризм начинается с падений. Я бы не сказала, что это открытие меня обрадовало. Падать с открытыми глазами и, сжавшись в комок, я научилась гораздо позже, в походах. Этому искусству научила необходимость, а тогда на Дреме я, услышав команду «Падай!», а часто и без команды, валилась туда, куда тянул меня мой рюкзак.

— Кто у вас командует? — кричала Люська. — Ты или рюк? Приседай ниже!

Я вся вымокла от снега, от усердия, я ненавидела уже и этот петляющий спуск в озеро, и Люську, откровенно хохотавшую над моей неуклюжестью, и туризм, но больше всего я ненавидела рюкзак. Я была уверена, что без рюкзака я бы смогла упасть где надо и как надо и спокойно спуститься с этого проклятого склона. Ведь я же неплохо хожу на лыжах. Все дело в том, что раньше я никогда не спускалась с горок с рюкзаком, да еще с таким тяжелым и неудобным.

На десятом или двенадцатом спуске я не сумела вовремя сделать поворот и налетела на сосну. Хорошо хоть скорость была небольшой. Я ударилась о сосну плечом, раздался треск, какой — то лязг, и я зарылась в снег.

Это был предел. Протерев глаза, я увидела, что мой рюкзак распоролся и из него вывалились старые утюги и гантели. Четыре утюга и две пары гантелей, кое — как обернутых в какие — то тряпки. Старые утюги вместо банок с консервами! Это же издевательство! И я заревела. Я все могла вынести: и глупые команды «Падай!», и улюлюканье Люски, но ржавые утюги...

— Неленька! Что с тобой? Ты ушиблась? — лепетала растерявшаяся Люська, а я не могла никак успокоиться, хотя понимала, что слезы — просто позор.

— Утюги — и. Я думала, консервы... Лучше бы я промолчала.

Когда унялся смех, Люська совершенно серьезно объяснила мне, что «утюжного испытания» не избегает ни один новичок.

Ну, нет! Обойдусь и без туризма. Я молча повернулась и пошла на станцию.

Километра через полтора я услышала за своей спиной шуршание лыж. А через несколько секунд Глеб обогнал меня и встал поперек лыжни.

— Уйдите с дороги!

— Вы напрасно ушли. Если вы сейчас не отработаете спуски, вам в походе придется туго. И мы с вами намучаемся, и вы...

— С чего вы взяли, что я с вами собираюсь в поход?

— Возвращайтесь. Вы должны научиться падать.

— Уйдите с лыжни.

— А что касается утюгов, так сами посудите: могли ли мы доверить вам консервные банки? Ведь вы бы их перебили при первом же падении. Разве неправда?

Вот нахал!

— Уйдите с дороги.

— Возвращайтесь. Глеб вдруг сказал:

— Вы знаете, когда я в детстве здорово обижался на кого — нибудь, я забирался в угол и молчал. А мама находила меня и говорила: «Глебка, у соседки петух лопнул. Дулся, дулся и лопнул. Дай — ка я посмотрю на твой живот».

Сказано это было с такой милой усмешечкой, что я не выдержала и засмеялась.

Мы вернулись на Дрему, и Глеб как ни в чем не бывало вручил мне «утюжный» рюкзак и начал командовать: «Падай! Поворот, падай!»

А маме Глеб понравился сразу. Когда он пришел к нам впервые, мама взглянула на него пристально и сказал певучим голоском:

— Ну, ну, наслушалась о вас. Очень рада познакомиться с таким человеком.

Мама не уточнила, с каким именно человеком, а Глеб все равно залился краской.

Но лучше бы я его не приглашала в гости. Глеб в нашей квартире был все равно что троллейбус. Он всюду куда — то не влезал, всем мешал, хотя было нас трое; мама, я да Глеб. И мне было досадно видеть, какой он бестолковый, громоздкий, неуклюжий...»

7

В ту первую ночь в Кожаре я заснул и быстро проснулся от холода. Высунул нос из — под одеяла и увидел снежинки. Снежинки в лунном, а может, и в электрическом свете роились и мягко оседали на стол. Форточка грустно поскрипывала на ветру, пропуская в комнату снег и мороз. Бывают на грани сна и пробуждения такие моменты, когда особенно остро осознаешь человеческую беспомощность. Мне, лежащему под теплым одеялом и в теплой комнате, холодно только от того, что открылась форточка. А каково бродягам — туристам, спящим почти на снегу под защитой тонкого полотнища палатки? А у тех, пропавших, есть ли у них в эту ночь надежда и силы попасть под крышу, к людям?... Я встал, попытался захлопнуть форточку. Но оказалось, что сломан шарнир. Все же кое — как я пристроил ее к раме.

— Бесполезная затея, — пробормотал чей — то сонный голос за спиной. — Все равно отскочит. Укройте лучше пальто.

Уснуть больше не удалось. Уже в семь мы все — пилоты, туристы, члены штаба — завтракали в сумрачной столовой на площади. Потом ехали на автобусе. До аэродрома километра три. Автобус забрасывало, заносило, мотор то скрежетал, то облегченно рыдал.

— Ну и морозище, — со злостью сказал один из пилотов. Кажется, его фамилия Проданин. У него скуластое лицо и почти сросшиеся на переносице брови. — Хорошо, хоть ветер пока небольшой. Но все равно технари провозятся с двигателями час — два.

Проданин — командир вертолета «24». Он первым рейсом после воздушной разведки должен доставить на Тур — Чакыр группу Балезина. А вчера он высадил в верховьях Точи отряд Васюкова. Этот отряд самый большой: пятнадцать человек. С ними радист из геологического отряда — Жора Голышкин. Полковник Кротов любезно познакомил меня с текстом радиограммы, принятой в шесть вечера. «Кожар, Кротову. Идем по Точе. В устье Барымки встретились с группой манси, пришедших на оленях из Канно — пауля. Идем дальше вместе. Васюков. Передал радист Голышкин».

— Васюков с манси, по нашим предположениям, должен пересечь маршрут пропавшей

группы, — объяснил бывший тут же Воронов. — Странно только, что они до сих пор не обнаружили следы. Видимо, выпало много снега.

Я уже немного разбирался в географии. Тот листок, на котором Воронов рисовал всевозможные варианты маршрута пропавшей группы, в конце концов, оказался у меня. Из этой схемы я понял, что Васюков, встретившись с проводниками — манси, должен круто повернуть на север, перпендикулярно предполагаемому маршруту пропавших туристов. Сейчас Васюков со своим отрядом находился почти в центре пунктирного овала. Этот овал — район поисков — Кротов упорно называет Бельгией. Неужели Бельгия так мала? Или, вернее, так велик район поисков?

— Васюков должен обязательно найти их следы в долине Точи, — не то говорил мне, не то рассуждал сам с собой Воронов. — Другого пути к Тур — Чакыру у них не было...

Воронов закашлялся.

— Простудился, — виновато сказал он, повернув голову ко мне. — Вот, думаю, правильно ли мы вчера решили высаживать балезинцев на Тур — Чакыре? Может быть, их прямо на Рауп? Если бы хоть один отряд зацепился за их след...

На аэродром приехали до рассвета. Сидели в пилотской и ждали вылетов. Проданин подтвердил, что раньше чем через два часа запустить двигатели не удастся. Турченко снова собрал совет.

Турченко я и раньше встречал, еще до Кожара. И Есегда он на меня производил впечатление несокрушимой силы: кряжистый, с широким, словно из дерева вырубленным, лицом. И тут, в штабе, его внушительная фигура была очень заметна. Хотя он главным образом слушал. Сидел, слушал, переводя тяжелый взгляд с одного на другого. Только когда надо было решить вопрос со снабжением или, как сейчас, собрать совет, он подавал свой авторитетный голос.

Кто — то сообщил, что в верховьях Соронги есть охотничья избушка. На притоке Мяпин — Ия. Но Воронов, сверившись с картой, сказал, что приток настолько в Стороне от маршрута пропавшей группы, что нет никакого смысла эту избушку искать. И тут вдруг Турченко весомо заявил:

— Я думаю, что нельзя пренебрегать ни малейшим шансом. Даже этой избушкой.

Воронов спокойно возразил ему, что обыскать весь Приполярный Урал мы не в силах. «Это будет уже не Бельгия, а вся Франция», — пробурчал Кротов. Полковник был явно на стороне Воронова. И сразу разгорелся спор вокруг главного: где искать и как искать?

Мнения разделились. По записям в моем блокноте это выглядело так:

Воронов: Пересечь радиальными выходами в нескольких местах маршрут пропавшей группы (предполагаемый), найти их следы и идти по ним.

Лисовский (командир спасательного отряда): После восхождения на Тур — Чакыр, если они на него поднимались, они могли пойти западным склоном на Сам — Чир. Эта малоисследованная вершина могла входить в один из вариантов маршрута. В этом случае они могли выйти на Покровское, без захода на Рауп. Надо обследовать Сам — Чир и высадить там отряд. Там очень глубокие каньоны, и они могли попасть под снежный обвал.

Воронов: Покровское в их маршруте я не помню. Это очень уж в стороне...

Кротов: Главное — воздушная разведка. Надо попросить из военного округа эскадрилью легких самолетов. Одними гражданскими мы не обойдемся. Только авиация может в короткий срок обшарить территорию в пять тысяч квадратных километров. А высаживать спасательные отряды где попало — значит рисковать потерять в горах еще одну группу.

Виннер: Я думаю, что несчастье с ними случилось на обратном пути, после штурма Раупа. Чаще всего неприятности случаются в конце похода. Устают, забывают о бдительности... Я предлагаю вести поиски на встречном маршруте, от Бинсая к Раупу.

Конечно, несчастье с ними могло случиться и на самом Раупе. Там есть какое — то незамерзающее озеро, з которое, как вчера рассказали местные жители, сорвались несколько лет назад две упряжки оленей с охотниками.

Турченко: Действительно, такой факт имел место. Мне об этом говорил секретарь горкома. Поэтому я считаю, нужно высадить одну группу на Раупе, а вторую бросить на поиски избышки на Мяпин — Ие. Нельзя пренебрегать ни одним шансом, и нельзя терять ни одного часа.

Воронов: Мы располагаем четырьмя спасательными отрядами. Два из них уже в горах, ищут следы. Если следы обнаружатся между вершинами Тур — Чакыр и Сам — Чир, значит, туристов надо искать на Сам — Чире. Четвертый отряд под командованием Лисовского, я считаю, надо высадить поближе к Раупу. Если позволит погода. Еще один — два отряда надо бы высадить на главном хребте между Тур — Чакыром и Раупом.

Турченко: Кожарский горком партии обещал поддержку. Сколачивают отряд из местных жителей. Я считаю, его надо бросить на поиски избышки на... на этом самом притоке...

Мансийские названия не так — то просто запомнить с первого раза. Кротов еще попытался возразить, но его на полуслове прервала диспетчерская связь. Сначала громкоговоритель доложил погоду в районе Кожарского аэропорта, а потом вызвал на летное поле экипаж вертолета «24». Проданин встал из — за стола, натянул шлемофон, перчатки, кивнул второму пилоту и штурману. Оставшиеся молча провожали их взглядами до двери.

Проданин со спасателями вылетел на рассвете. Вылетел без предварительной воздушной разведки, не зная, что его ждет в Ловани. Правда, на пути из Ловани к Тур — Чакыру ему должен передать метеосводку с Главного хребта самолет АН-2. Если он сам доберется до Главного хребта...

Сразу же после ухода экипажа Проданина Кротов по карте — миллионке начал инструктировать летчиков и туристов, летевших наблюдателями.

— Барраж на высоте триста — четыреста метров вдоль хребта. Предупреждаю экипажи: никаких вольностей и самостоятельных поисков. Пока мы не засекали след пропавшей группы, отклоняться от сетки нельзя ни в коем случае. Иначе мы не будем иметь точного представления о районе поисков. Вчерашние полеты только запутали картину. Напоминаю: сигнальные знаки: три человека буквой «П» — поиски продолжаются. Буква «Т» — требуется медицинская помощь. Крест на снегу — группа найдена.

Я тоже летел наблюдателем. Летел в самолете штурмана авиаотряда Ермакова. Это было удобно: Ермаков должен был держать непрерывную связь с аэродромом и самолетами в воздухе. Значит, я буду в курсе всех дел.

Сначала летели над тайгой. Внизу под крыльями домишки, дороги, вырубки среди сплошного моря тайги. Самолет шел вдоль долины реки. Река петляла, и самолет послушно ложился с крыла на крыло. Потом нацелился носом вниз, и куда — то провалилась скамейка. Пустота.

Мелькали ели, пихты, в каком — то сумасшедшем танце проносились внизу заснеженные кручи и блестящие ледяные нашлепки на реке, наледи.

В предгорьях заметили цепочку людей. Самолет круто взмыл, развернулся, и цепочка на снегу изломалась в букву «П» — «Поиски продолжаются. Следов не найдено». Ермаков повернулся и прокричал в ухо: «Отряд Васюкова!»

Но настоящая чехарда началась над Тур — Чакыром. Самолет подбрасывало, внутри все болело и ныло.

Из облаков мы вывалились прямо на острые скалы. Летчик поставил машину на крыло, и самолет нырнул вниз. В нескольких десятках метров под крылом пронеслась голая каменистая вершина. Отчетливо были видны языки поземки. Среди обломков скал мелькнул и исчез тур. Под такими турами альпинисты и туристы оставляют записки победителей.

От самолета до пилотской я шел, шатаюсь. Первым я встретил Воронова. Видимо, вид у меня был весьма зеленый, так как Валентин Петрович искренно посочувствовал:

— Трудновато на хребте? Я вчера летал дважды... Он вынул из кармана бумажку.

— Радиограмма от Васюкова. Обнаружили следы. Я расправил бланк.

«... Следы двухнедельной давности. Лыжи спортивные — шесть — семь пар. Следы идут на северо — запад, по долине Точи...» Значит, они нашли следы в то время, как мы кувыркались над Тур — Чакрыром!

В пилотской оживление. Следы — это уже кое — что. Летчики обедали за штурманским столом, на котором под стеклом пестрели схемы полетов вокруг Кожара. Толстый Виннер ходил по пилотской, раздавая летчикам бутерброды, и говорил: «Холост? Не влюблен? Вот разыщите сосновцев, там две девушки. Гарантирую: влюбитесь с первого взгляда...»

Бутерброды и чай. Получасовой отдых и снова в воздух. Кротов спешно исправлял задания — всех к Тур — Чакрыру!

— Вы здорово Еырружили Проданина, — увидел меня Кротов. — Ваша метеосводка спасла нам два часа.

— Я? Метеосводка?

Потом догадываюсь: с борта «антона», на котором я летал, сообщили Проданину погоду. Ермаков «убил двух зайцев»: облетал спасательные отряды и выяснил, что творится на пути у Проданина, А два часа — это действительно много. Если учесть, что светлого времени всего пять — пять с половиной. Вертолеты в горы летают только в сопровождении самолетов. Без предварительной воздушной разведки они не имеют права садиться в горах. Один вертолет развозит продукты и ведет поиски. Второй — высаживает людей.

Возвращение Проданина я прозевал — на аэродроме беспрерывно ревели моторы. Проданина я увидел уже рядом с Кротовым, когда тот докладывал о полете. Подошел к ним.

— Спасательный отряд высажен на западном склоне вершины Тур — Чакрыр с отклонением от заданной точки в десять километров. Вертолетом «38» туда же доставлены продукты и снаряжение...

У Проданина хмурый вид. Ему неприятно сознаваться, что высадил ребят на десять километров в стороне от заданного места. Хотел бы я знать, как он вообще умудрился посадить машину на эти чертовы скалы!

Но полковник благодушно отнесся к неудаче.

— Координаты? Как самочувствие у ребят?

— Нормальное, — ответил Проданин.

Виннер в качестве утешения протянул пилоту пакет с бутербродами. Ему выпала в штабе роль завхоза.

— Спасибо, — пробурчал Проданин, — сыт по горло. Пакет все же взял. Через полчаса он должен лететь опять. На север. С четвертым спасательным отрядом. Рауп или избушка на... на этом самом притоке? Турченко на этот раз настоял все — таки на своем. Командир группы Лисовский недоволен: ему хочется на Рауп. Он целиком на стороне Воронова. Но приказы вслух не критикуют.

— Возьмете с собой рацию, — говорит полковник, кивая на длинноногого субъекта с постным лицом.

— Здорово, — кидается ему навстречу Лисовский. — Прилетел?

Рыбак рыбака видит издалека. Радист оказался туристом.

Вскоре после отлета Проданина на поиски избушки один из самолетов передал метеосводку: «В районе верховьев Соронги ветер на земле двадцать — тридцать метров, сплошная облачность». На лице у полковника появилась кислая мина.

— Дрянь дело, — пробурчал он. — Как «двадцать четвертый» сядет в такое молоко?

«24» — это Проданин. Циклон вплотную подошел к Приполярному Уралу.

Толстый Виннер, узнав о подходе циклона, опять повесил голову. Он ходил по пилотской потерянный и все искал поддержки у Воронова: «Таких случаев у нас в городе еще не бывало... Четыре дня! Вы ведь тоже таких случаев не помните, Валентин Петрович? И кто бы мог подумать, что контрольный срок нарушит Сосновский! Вы ведь его помните, Валентин Петрович, — это же очень аккуратный человек...»

Воронов, намечавший на карте маршруты спасательных отрядов, вдруг поднял голову

и сказал: «Продукты у Сосновского должны были кончиться еще вчера...»

8

Поезд уносит меня на юг. Они на Приполярный Урал добирались этой же дорогой, возможно, даже этим же поездом. Хотя нет, в Кожар они приехали утром, значит, добирались на местном, а в Аляпке делали пересадку. Скорый через Аляпку на север проходит по четным числам, а они прибыли в нее 27 января... Да, в Аляпке они должны были пересесть на местный поезд...

«День второй.

В старинном деревянном городке со смешным названием Аляпка нас ждала пересадка. Поезд на север уходил через четыре часа, и мы, оставив вещи под охраной «женатого анахронизма», то бишь Шакунова, отправились в город.

Ровная длинная улица, столбы вдоль домов, над крышами вьются дымки. Лают собаки во дворах, изредка прогудит машина. А людей почти не видно. Может быть, потому что холодно, а может, их мало?

«Одноэтажная Аляпка», — резюмировала Люсия свои наблюдения. И тут же попалась: перед нами из сугробов возникли сразу три двухэтажных дома подряд! Кружевные наличники, резные коньки, над воротами петухи, опять же вырезанные топором... Просто прелесть!

Но разве был хоть один случай в истории, когда я мог переспорить Люсию?

— Броня, — решительно заявила она, — ты эстет недорезанный.

И далее — поделилась воспоминаниями из своего детства.

— Я жила целых шесть лет вот в таком двухэтажном домишке. И наличники тоже были резные. А я все мечтала, что наш домик вдруг однажды ночью поднатужится и вытянется этажей на пять — шесть. Представляете, какая бы красота открылась с пятого этажа! Вот и в Аляпке, наверное, многие ребята мечтают пожить на пятом или десятом этаже. А этажей всего два; нижний да верхний. Да еще чердак.

Вот так. Аргументы были неотразимы, и мне пришлось сдаться. «С женщиной не спорь», — говорили древние греки. Умные люди жили в древности!

В Аляпке главная улица называется проспектом. Ленинский проспект привел нас к приземистому зданию. «Аляпкинская семилетняя школа № 2». Школа как школа. Труба над крышей и дым над трубой.

— Вот и я в такой школе училась, — заявила Люсия с обворожительной улыбкой. — Наша школа так пропиталась всякими запахами, что, когда не бывало света, мы находили комнаты по запаху. Класс первоклашек пахнул пирогами и творогом. Все мамы снабжали первоклашек творожниками. Пионерская комната пахла клейстером. Там все время что — нибудь клеили или мастерили. Учительская пахла духами и пылью. Понимаете, ребятки, это было странно — ведь уборщица каждый день убирала учительскую, а она все равно пахла пылью. Наверное, потому что в учительской никогда никто не бегал и не прыгал. Зайдем, ребятки, в школу. Ну, что вам стоит? — упрасивала Люсия. — Все равно еще три часа надо где — то поболтаться в этой Аляпке.

Нашего начхоза, конечно, поддержал Глеб: «Надо агитировать за туризм». Проголосовали за! При одном воздержавшемся («Ты равнодушный пень, Норкин», — сказала Люсия) было решено отдать дань детству.

У дверей нас встретила шумная орава. Увидев странных дядей в штормовках и гетрах, братва притихла и раскрыла рты.

— Вы кто! Иностранцы?

— Мы туристы! — звонко объявила Люся. — Ах, вы не знаете, что такое туризм? Броня, объясни в популярной форме, что такое туризм.

Я объяснил. У меня уже был опыт. Почти в каждой школе, куда мы заглядывали отдать дань детству, Люся в качестве докладчика избирала почему — то меня.

— Ребята! Советский туризм — это очень популярное массовое одичание.

— Броня! — грозно прикрикнула Люся. — Ты забываешь об аудитории.

— Хорошо, Люсия, я исправлюсь. Советский туризм — это бодрый дух в здоровом теле. Это крепкая голова на сильных ногах...

Потом с воспоминаниями выступила сама Люся. Очень серьезно рассказала, как однажды она долго варила ботинок в компоте.

— Он сушился над костром и упал с рогатки в ведро, — объяснила Люся потрясенным школятам.

А наш начальник подарил туристский значок самому шустрому мальчишке. На значке изображена палатка и елка. Но так как над значком трудился художник — модернист, то мальчишка раз десять переспросил:

— А это кораблик такой с парусом?

Мальчишка прицепил значок на шапку вместо звезды.

Прозвенел звонок. Большая перемена кончилась. Мы на цыпочках вошли в длинный сумрачный коридор. Люся прошлась, принюхалась и восторженно зашептала:

— Ребятки, а эта школа тоже пахнет творогом...

Все! Хватит с меня! Что говорил наш начальник? Обязанность вундервунда начать, а писать будут все. Пусть дальше пишет Саша — Маша!

А. Броневский».

Такого приказа от Глеба я не слышал. По — моему, весь дневник должен писать только вундервунд. Но если Глеб все же так говорил, я выполню свой долг перед обществом.

В Кожар мы приедем рано утром. Точнее, ночью. Глеб составил твердый график: 28 января — Кожар, оттуда на автобусе в Бинсай, где у нас будет ночевка, а 29 мы встанем на лыжи. 31 мы должны выйти к отрогам Тур — Чакыра. На этой вершине нет абсолютно ничего, кроме голых скал. А мы на нее все — таки заберемся.

С Тур — Чакыра мы пойдем к Полярному кругу. Правда, мы до него не дойдем, так как по пути нам встретится таинственный Рауп. Глеб утверждает, что зимнюю тропу к Раупу мы прокладываем впервые. Да и неизвестно, были ли на нем туристы летом, потому что никто до сих пор не знает, что за озеро у его подножия. Летом холодное, зимой — горячее. Над ним вечно курится пар. Оно никогда не замерзает, и до него очень трудно добраться, так как находится оно на дне глубокого провала.

Глеб взял с собой парочку пустых бутылок. Эти бутылки мы должны наполнить водой из озера, чтобы потом в городе сделать анализ. Я думаю, что озеро вулканического происхождения. Но ребята со мной не соглашаются. На Урале до сих пор не встречали еще озер вулканического происхождения. Во всяком случае никто об этом не слышал. Но я все равно уверен, что не ошибся.

28. I. 62 г.,

или день третий (как написал бы забастовавший вундервунд).

В Бинсае мы остановились в школе. В школе два класса. Нам дали тот, что потеплее.

Нарты мы сдвинули к стене, на полу расстелили палатку, куртки и одеяла. А потом мы устроили пир под лозунгом: «Трудно желудку — легко ногам!»

Начхоз расщедрилась: на первое — жареная колбаса, на второе — лапшевник, на третье — халва, на четвертое — «долгоиграющие» барбариски. Начхоза сегодня носят на руках, и она сияет.

К нам беспрерывно шли гости. Скачала пришла учительница, выразившая ужас по поводу нашей одежды: «В тайгу без тулупов? Вот в этих курточках?» Потом пошли друг за другом местные жители, преимущественно охотники. Один из них — кряжистый лесоруб с рыжей бородой — рассказывал, что он неоднократно бывал в окрестностях Раупа, знает перевалы и дважды попадал в такие метели, что приходилось по двое суток отлеживаться под снегом.

Но самой замечательной оказалась встреча со сказителем — манси Кямовым. Он гостил у своего родственника, тоже охотника. От него мы услышали легенду о Раупе.

Записываю дословно.

«Давным — давно, когда не было еще ни меня, ни моего отца, ни моего деда, ни деда моего деда, манси жили и охотились у Раупа. И если ранит зверь кого на охоте или привяжется к охотнику алмы — болезнь, шаман ходит к Раупу, зачерпнет из озера у его подножия живой воды и смочит ею раны охотника. Раны быстро заживали. Сака емос! Очень хорошо!

Манси жили на светлой половине Нёр, а по другую сторону Раупа, на горе Пупы — Нёр — Кури, жил добрый дух Ойхта — Кури. Ойхта — Кури управлял тучами, снегом и ветрами. Он был очень добрым и очень любил свой народ, этот Ойхта — Кури.

Но однажды великан — разбойник Тумпа — Солях, что жил со своими братьями на берегу моря и питался белыми медведями, услышал про живую воду и решил ее отобрать у манси. Созвал он своих братьев, и выступили они в поход.

Подошли они к Пупы — Нёр — Кури, а Ойхта — Кури выпустил на них метель, загремел громом:

— Кто ты и куда идешь?

— Я великан Тумпа — Солях, — отвечал разбойник. — Я иду со своими братьями от самого океана отобрать у манси Рауп с живой водой.

— Но Рауп мой, — сказал Ойхта — Кури, — а манси за живую воду платят мне шкурками и лентами.

— Значит, мы отберем у тебя Рауп! — закричал Тумпа — Солях и бросился с дубинкой на Ойхта — Кури.

Ан — ана! Ой, беда! Но Ойхта — Кури окутался туманом и послал на Тумпу сильный буран. Снег ослепил Тумпу, ничего не видит он, только сосны валяются от его дубинки. Сака — ёмос! Очень хорошо!

— Ах, так! — закричал Тумпа — Солях. — Все равно мы отберем у тебя Рауп. — И приказал он своим братьям поджечь лес — устроить палез на Ойхта — Кури. Ан — ана! Плохо дело.

Долго горел лес, но разве можно сжечь Ойхта — Кури?

Всю зиму дрался Ойхта — Кури с разбойником Тумпа. Весь лес вокруг переломали. К весне устали братья Тумпы и решили немного отдохнуть. Присели они, а самому младшему приказали не спать, сторожить их. Но и младший Тумпа тоже устал, пригрелся на солнце и задремал. Вот тогда Ойхта — Кури и послал против братьев Тумпа своего великана Мороза. Замерзли братья Тумпа, сака — ёмос! Но как только выпустит из своих юрг Ойхта — Кури метели, так начинают братья стонать и просыпаться. С тех пор манси зимой к Раупу и не ходят. Ан — ана! А вдруг проснется Тумпа — Солях?»

Самое любопытное в этой легенде — намеки на целебность воды в озере Раупа. Предположения Глеба о минеральных источниках в Приполярье оправдываются.

Сегодня наш словарь пополнился еще одним мансийским словом. Осъёмасулум! До свиданья!

Свой долг считаю выполненным.

С. Южин».

«День четвертый

Немного же пороху оказалось у тебя, Машенька! Ну, да ладно. Я человек великодушный, поработаю за всех.

Итак, мы на лыжах. Это событие случилось на четвертый день нашего славного похода на Приполярный Урал. В общем — то, нам пока везет: мороз около пятнадцати, затишье, а снега — то! Море разливанное...

Снег такой чистый, белый, ровный, — как ватман высшего сорта «госзнак». И все жаждут запечатлеть на нем свои автографы.

Из Бинсая мы вышли, охая под рюкзаками. Но на втором километре нам крупно повезло: у нас появился попутчик — дед — стручок с плутоватым лицом. На голове у деда красовалась серо — рыжая заячья шапка. Видно, зайца пустили в скорняжное дело, когда он успел

перекраситься только наполовину.

Старик гордо восседал на розвальнях, от заиндеветой лошади валил пар. «Нно! Тпру — у!»

Дед оказался веселым попутчиком.

— А я думаю: неужто геологи к нам пожаловали? — говорил он, а по глазам видно, что о нас знает все, куда мы идем и что несем в рюкзаках.

Старик говорил загадками и прибаутками:

— Дорога — она как шнур длинна, как скатерть бела, встал на нее поутру — вертаться не по нутру. Мороз — он как теща: до поры до времени покусывает, а потом хватъ — а уха и нет. А моя кручина — тулуп да печина.

Поговорив так о том, о сем, он милостиво предложил нам свои рюкзаки свалить к нему в розвальни.

— А почему бы нет? — воскликнула Люсия и сама прицепилась за сани.

— Ой, шустрая! — покрутил головой дед. — И откель в тебе такая пружина?

— А мы, дедок, снегом умываемся. Попробуй сам — на молодой захочешь жениться!

— Вот те раз! — изумился дед. — Ты на мою бабу, упокой господь ее душу, похожа. Та тоже, бывалочи, за словом в карман не лезла. Ей слово, а она враз прокламацию о равенности баб с мужиками. А может, ты ее родня, а?

В голосе деда послышался искренний испуг. Он даже чуточку отодвинулся от Люсии, так поразила его мысль о ее родстве с покойной бабушкой.

— Нет, дедок, не бойся. Я из кукушиного племени. Не помнящая родства,

— Это верно, что ты из кукушиного племени, — согласился дед. — Таких нонче пруд пруди, бреднем броди и все на одну колодку. Нынче молодые все торопыги. Все им не сидится по домам. Все им надобно шастать по лесам... И чего вы зимой в урмане найдете? Клюква — так она по первопутку, на Покров хороша. И в горы за ней лезть нет надобности. Во — он ее на Шишмарях красным — красно. Но опять же на шишмарские топи без понятия лучше не суйся: утопнешь враз в прогалиях. А на речки сейчас тоже лучше не ходи: одно колобродье...

Так дед рассуждал до самого поселка. Когда пришли в поселок — заброшенный, без крыш, окна перекрещены досками — устроили двухчасовой привал. Все, конечно, разбежались кто куда, а я, добросовестный летописец, решил описать начало нашего похода и...

...У нас случилась беда: Саша повредил ногу. Ходить не может. Придется возвращаться. Поход не состоится».

9

14 февраля часов около трех, когда Кротов уже отправил на поиски всю авиацию и на аэродроме установилась тишина, в пилотской отчаянно зазвенел телефон. Кротов схватил трубку: «Да, да, штаб! Вы что, дорогая, решили доконать нас звонками? Кто? Точа?...»

Звонил начальник точинского отделения милиции. Ему нужен был Турченко. «А что случилось? — спросил Кротов. — Только Турченко доложите? Ну, ну...»

Турченко нашли на улице, он прохаживался возле ангара. Пока его искали, пока он пришел и взял трубку, я уже успел забыть о точинском начальнике милиции и слушал рассказ Воронова о несчастных случаях в туризме.

Неожиданно Воронов оборвал фразу, встал и подошел к Турченко, который, вдруг утратив свое обычное спокойствие, надрылся у телефона:

— Где? Где они? — кричал Турченко в трубку. — Уехали? Кто их видел? А, дежурный по станции... Так, так... Значит, восемь человек и среди них две девушки... А фамилия командира группы? Как так «не знаю»? Ведь они должны были отмечать маршрутную книжку? Где отмечать? В сельсовете, на почте, да у вас, в милиции, наконец! Узнайте! И телеграмму они должны были давать... Вот там и узнайте! И немедленно позвоните! Что?

Кажется, были обморожены? Попали под обвал? А если без «кажется»? Позвоните? Вот это другое дело. Я жду.

Турченко положил трубку.

— Наши? — обращаясь ко всем, спросил он. — Фамилию командира не знает, но видел сам: две девушки. Одна девушка, кажется, была забинтована, говорит, как будто лицо у нее обморожено...

Наши! Нашлись!

Виннер сиял: он по очереди тряс руку сначала Кротову, потом Воронову, потом мне... «Что я говорил? Я Сосновского знаю! Этот никогда не подведет. Ну, обморозилась Васенина, или Коломийцева, ну, снежок задержал — во — он ведь какие снега здесь!..»

Улыбался и Турченко. Он расстегнул воротник рубашки, растянул галстук и тяжело дышал: «Говорит, спешили... Даже в столовую не зашли, сразу на станцию, к поезду... Оно и понятно — на четыре дня ведь опоздали...»

Всеобщий восторг немного охладил Воронов. Когда Кротов предложил вернуть авиацию на аэродром, он сказал: «Давайте подождем. Вернуть мы всегда успеем».

— Вы что — не верите, что это наши? — подскочил к нему Виннер. — Шесть ребят и две девушки, вы разве не слышали?

— Слышал, — улыбнулся Воронов, — я все слышал, Лев Иннокентьевич. Я верю, но самолеты возвращать подождем. Пусть пока полетают.

Воронов попал в малoverы. Но Кротов все же прислушался к нему и авиацию не вернул, хотя по его лицу было видно, как ему хотелось это сделать. Особенно он боялся за вертолеты.

Весть о том, что сосновцы выбрались из тайги сами, мгновенно облетела весь аэродром. Все, кто был свободен и даже занят — спасатели, механики, начальник аэропорта, кассирша, синоптики — все набились в пилотскую, требуя от Турченко и Виннера новых подробностей. А подробностей больше не было. Турченко не отходил от телефона, ожидая второго звонка из Точи. Он даже позвонил на телефонную станцию и предупредил, чтобы линию на Точу пока не занимали.

Я протолкался к дальнему концу штурманского стола, где в своей излюбленной позе, опершись локтями и зажав уши ладонями, сидел над картой Воронов.

— Валентин Петрович, — дотронулся я до его плеча, — вы, кажется, не разделяете всеобщего ликования?

— Почему? — совершенно искренне удивился Воронов. — Я не сомневался, что Сосновский может выйти и без нашей помощи!

— А что вы тогда колдуете над картой?

— Так ведь у нас в горах уже четыре отряда, — улыбнулся он. — Думаю, не придется ли спасать спасателей.

И все же я был убежден, что он что — то недоговаривает.

— А может быть, что в Точу вышла какая — то другая группа? — спросил я его.

— Вообще — то может быть. Этот район Приполярного Урала пользуется у туристов большой славой. Сюда едут со всех концов страны. Особенно много москвичей и ленинградцев. Но, вероятно, в Точе были сосновцы. Восемь человек, из них две девушки... Наверное, сосновцы. Подождем немного, — опять мягко улыбнулся Воронов. — Через полчаса все будет ясно.

Ясно стало даже раньше. Впрочем, трудно сказать, стало ли через полчаса яснее. Скорее дело запуталось еще больше. Пока Турченко ждал второго звонка из Точи, Виннеру из гостиницы привезли телеграмму.

Он ее распечатал, не переставая смеяться над тем, что сосновцы сели в поезд, даже не заглянув в закусочную. Прочел телеграмму, ошеломленно оглядел столпившихся вокруг него спасателей и сунул телеграмму в руки первому попавшемуся: «Ничего не понимаю... Их же восемь...»

Телеграмма пошла по рукам. По мере того, как ее читали, гул в пилотской стихал.

Когда телеграмма дошла до меня, стало так тихо, что слышно было, как попискивает «морзянка» в радиорубке. «Кожар, гостиница, Виннеру. Александр Южин вернулся с маршрута 29 января с травмой. Находится дома на излечении. Директор института Василевский».

Гром среди ясного неба! Турченко вызвал начальника точинского отделения милиции сам. Тот, видимо, сидел на месте, так как ответил немедленно.

— Да, да, это зам. председателя облисполкома! Сколько их было? Восемь? Вы не ошибаетесь? Взяли на станции восемь билетов? А как фамилия командира? Еще не установили? Что вы там... Пстойте, а куда они взяли билеты? До какой станции, говорю? Не знаете? А что вы вообще знаете?...

Девушка, девушка! Да, в Точе. Переключите меня на станцию!..

Станция? Куда взяли билеты туристы? Да, сегодня... До Ростова? Вы не ошиблись? Нет? Да, конечно...

Турченко осторожно опустил трубку на рычаги.

— Выходит, радовались рано, — сказал он тихо. — Это ростовчане.

— Но если Южин, черт возьми, дома, — вдруг поднялся он, — надо его немедленно вызвать сюда! Может он вылететь в Кожар? Виннер, телеграфируйте этому вашему Василевскому.

Удивляюсь: столько неразберихи! Каждый что — то советует, вдруг неизвестно откуда выплыло новое предположение: Сосновский со своей группой давно уже вернулся домой и решил подшутить над спортклубом, запретив ребятам сообщать о своем возвращении. Потом вдруг вспыхнул спор — нужно ли снабжать туристов оружием и рациями.

Кстати, о радиостанциях. Прислали три рации и все три работают на разных частотах. Радисты только за головы хватаются — сколько бестолковщины в поисках! Спасатели без конца что — то припоминают, что — то предлагают... Один Воронов непоколебим: «Сосновский — дисциплинированный, хладнокровный турист. Его группа — одна из лучших в городе. Они не могли самовольно нарушить маршрут. Они не могли поддаться панике. Они не полезут под обвал»...

— Так что же с ними тогда случилось?

— Это мы должны выяснить, — спокойно сказал Воронов. — Я убежден, что с ними не произошло ничего страшного...

А Турченко заявил, что ни спасателей, ни местных энтузиастов он больше выслушивать не желает. «Все они умные, все они знают... Пусть делают, что приказано!»

С оружия и радиостанции спор вдруг перекинулся на проблему — нужен ли туризм вообще?

Турченко, мрачный и нахохлившийся, уселся во главе штурманского стола.

Он высказал свое категорическое мнение о туризме: баловство, которое чем раньше прикроют, тем меньше будет хлопот.

— Возможно, что вы в какой — то степени и правы, — мягко возражает Воронов. — Вполне возможно, что у нас есть излишние трудности в зачетных маршрутах. Обязательное требование — ночевки в полевых условиях, вдали от населенных пунктов — порой рождает надуманные маршруты, в которых много потенциально — опасных участков.

— А у этого Сосновского тоже надуманный маршрут? — косится Турченко.

— Нет. У Сосновского очень интересный маршрут. И, насколько мне не изменяет память, — очень продуманный.

Воронов никогда не выходит из себя, никогда, даже в самые острые моменты не повышает голоса. Во всей его фигуре сквозит долголетняя тренировка и собранность.

— Разумеется, вы будете защищать, — говорит Турченко и демонстративно отворачивается к окну.

— Вы хотите сказать — защищаться? — очень мягко и вежливо уточняет Воронов. — Да, я вас понимаю. Я ведь сам, как член маршрутной комиссии, утверждал маршрут Сосновского. Но я и не собираюсь уклоняться от ответственности. И если потребуется, я

снова поставлю свою подпись. под маршрутом на Рауп.

— Боюсь, что вам не придется ее ставить. Но я, собственно, не об этом. Ваша ответственность в том, что вы в числе других разрешили этот дурацкий маршрут, который, неизвестно еще, чем кончится, если уже не кончился.

— Все это так. Может, он и в самом деле кончится неблагополучно. Но туризм — это спорт. Спорт первооткрывателей, а ни одно открытие не делается без риска. И потом, Григорий Васильевич, статистика утверждает, что в городах под колесами машин и трамваев гибнет больше народу, чем в любых других случаях.

— Э, город, трамвай... Вы еще войну вспомните!

— Во много раз больше, — упрямо повторяет Воронов. — Другое дело, что смерть под трамваем воспринимается как возможная неизбежность, а смерть туриста вызывает недоумение. Но ведь, согласитесь со мной, недоумение возникает только у неосведомленных, весьма далеких от сути дела людей. А те, кто ходит в походы, те знают, что туризм — это не асфальтовое шоссе и кленовые аллеи. Это снежные обвалы, это бурные реки, это самая настоящая дикая природа. Бывают и неудачи.

— А кому нужен этот риск? — злится Турченко. — Кому нужны эти походы? Что они дают? Кому нужны жертвы, хотя бы и немногие? Ведь тем молодым здоровым ребятам, погибшим в январе в Карпатах, как вы рассказывали, жить бы да жить.

— Вы хотите понять, почему у нас ежегодно двадцать миллионов человек надевают рюкзаки и становятся туристами?

— Вы не запутывайте меня. Двадцать миллионов не обязательно должны лезть на Рауп. Нечего им там делать.

— А вы знаете, Григорий Васильевич, какая самая богатая страна на земном шаре?

— При чем тут самая богатая страна?

— Так вот, Швеция — самая богатая страна не только по уровню жизни, но и по числу самоубийц. И большинство самоубийц — молодежь в возрасте от двадцати до двадцати четырех лет.

— Ну и что?

— Шведские психологи в один голос заявляют, что причиной этого является сознание неполноценности молодого поколения. Им не на что расходовать свою энергию, им не на чем и негде попробовать свои силы. А пока человек не попробует свои силы, он не узнает себе цену. Не правда ли?

— Допустим. Но какое это отношение имеет к нашему случаю? Уж не хотите ли вы сказать, что группу Сосновского охватил психоз массового самоубийства?

— Это слишком дикое предположение. И я не об этом хотел сказать.

— А о чем? О цене самому себе?

— Вот именно, Григорий Васильевич. Стремление узнать самому себе цену и цену своим силам и возможностям — это стремление первозданное. Оно может лишь усиливаться или сглаживаться социальной средой и воспитанием. Вы думаете, почему так много у нас добровольцев, едущих на целину, на стройки? Только ли патриотизм заставляет их мчаться на край света? А что делать студентам, молодым рабочим? Как им узнать цену своим силам? Вот откуда берется ежегодно три — четыре миллиона туристов.

— Ладно, ладно меня агитировать за туризм, — отмахивается Турченко. — Вы мне лучше скажите, где их искать, этих сорванцов? Ведь район поисков в пять тысяч квадратных километров! Нам до лета не обшарить его! Нельзя ли сократить?

— Мы и делаем это. Завтра, в крайнем случае послезавтра, поступят сообщения от Лисовского. А от Васюкова уже поступило: идут по следам. Следы довольно четкие. Сейчас отряд Васюкова находится у истоков Северной Точи. Возможно, им удалось подняться к Главному хребту.

— А если мы вообще, черт возьми, не там ищем? Что тогда? Что тогда будем делать, полковник? — Теперь Турченко перенес огонь на Кротова.

— Искать, — лаконично ответил полковник.

— А вы что думаете? — опять повернулся на девяносто градусов Турченко. — Вы, председатель спортклуба? Это ведь ваша группа пропала в горах?

Виннер печально покачал головой:

— Южин вернулся, а остальные не поняли, что поход неудачный. В таких случаях надо возвращаться всем...

Мне показалось, что он вслед за этой тирадой перекрестится — столько было в его словах суеверия.

...Значит, в группе ростовчан были две девушки. Идут в сорокаградусный мороз, несут на себе по тридцать килограммов снаряжения и спят под защитой тонкой палатки, почти на снегу. Что так неудержимо влечет их испытывать тяготы и трудности? Парней я все — таки как — то понимаю: им сам бог велел быть выносливыми и бесшабашными. Но девушки?! Хрупкие, нежные девушки, олицетворение домашнего уюта и тепла... Нет, что — то в этом туризме в нормальные человеческие рамки не укладывается.

Полковник, как бы подслушав мои размышления, высказал их вслух:

— Когда мне командующий предложил возглавить поиски туристов, я несколько не удивился такому предложению: из туристов у нас получают самые крепкие солдаты. Спасать таких людей — наша прямая обязанность. Но как совместить туризм и женщин? Я всегда был противником женщин — солдат. Достаточно, что женщине приходится рожать и воспитывать детей. А тут — две девушки...

10

«28 января. Бинсай

Этот день я, наверное, запомню на всю жизнь. Я пишу сейчас в пустом классе бинсайской школы при свете фонарика и с трудом верю, что все это было...

Мы и до Бинсая ехали с Глебом рядом. В автобусе в проходе и до потолка на заднем сиденье навалено наше имущество. Кроме нас, ехало еще пять женщин с бидонами и корзинами — мне досталось единственное место, рядом с Глебом. Рядом с ним.

Сверху, почти надо мной, устроился Вася с гитарой. Он свою гитару носит, как солдат ружье, — на ремне через плечо. И едва выдается свободная минута, Вася стаскивает варежки и берется за гитару, а ему подпевают все.

На очередном ухабе меня так подбросило, что я ухватилась за Глеба. Глеб удержал меня на сиденье, совсем рядом я увидела его серо — зеленые глаза. Глаза были так близко... Холодные, равнодушные.

А я их помню другими — счастливыми. Это было так давно! И фокстрот мы танцевали вальсом.

Из открытой форточки валил пар, гремела музыка, на занавесках мелькали тени, «Разрешите?»

Ноги почему — то слушались плохо, и все у меня перед глазами кружилось, и я смеялась, как сумасшедшая. Потом сообразила, что мы вместо фокстрота танцуем вальс. И вдруг совсем рядом его губы... Как это случилось?

Я его, кажется, тогда ударила. А может быть, просто оттолкнула, И он ушел, даже не попрощавшись. Повернулся и ушел, оставив меня под окнами чьей — то такой веселой квартиры.

Никогда он больше не вспоминал тот февральский вечер и как мы танцевали под окнами чужой квартиры. Только подчеркнутое равнодушие в глазах, когда мы оказывались близко друг к другу...

А потом?

Были походы, были встречи, когда я хотела забыть тот злосчастный вечер, хотела, чтобы мы опять стали прежними хорошими друзьями. А вместо этого бормотала несусветную чепуху, никак не могла выпутаться из паутины неловкости, а он стоял рядом и молчал, как камень.

Он сам нашел выход. Сделал вид, что ничего не было. Только стал избегать меня. А если уж приходилось оставаться вдвоем, делался таким чужим... Я уже примирилась с тем, что так будет всегда. И вдруг все изменилось. И все это случилось в Бинсае.

У нас в Бинсае было много гостей. Люська всех угощала чаем, баранками и конфетами. Я запомнила лесоруба с рыжей бородой, который раскритиковал наш маршрут. Сложно и опасно. Почему?

— Худое место. Непокойное. Манси на полсотни километров объезжают Рауп стороной. Не знаю, почему, может, из суеверий, а может, еще причина в чем... Погодь, тут у одного нашего манси гостит родич с той стороны хребта. Говорят, сказитель, байки сочиняет. Может, он что расскажет о Раупе?

После чая мы втроем — Глеб, Саша и я — пошли разыскивать сказителя.

Изба новая, белевшая тесом, стояла на отлете, почти у самого леса. Около нее небольшой загон с десятком оленей.

Нас встретила собачья какофония. Собаки вырвались из — под крыльца злобной стаей и окружили нас кольцом. Я не на шутку перетрусилась, а Глеб успокаивал:

— Ничего, ничего, эти собаки людей не трогают.

Боюсь, что он не очень был уверен в этом, потому что потихоньку подобрал на дороге палку.

Вышел на крыльцо хозяин в меховой малице, гикнул на собак. Чинно пожал наши руки.

Мы объяснили цель нашего позднего визита. Хозяин — смуглый, степенный, радушный — видимо, по — русски понимал плохо, потому что на все вопросы только утвердительно кивал.

В избе горела керосиновая лампа и пахло чем — то до тошноты кислым. Пока мы осваивались и рассаживались вокруг стола, из соседней комнаты вышел приветливо улыбающийся сутулый охотник. Он, как и хозяин, был в мягких нярках и в расшитой до колен рубахе из оленьей шкуры. Звали его — Степан Кямов.

Возраст его определить трудно, но во всяком случае ему не меньше пятидесяти. У него черные жесткие волосы, черные редкие усы и глубокие морщины на лбу и шее. Карие немигающие глаза смотрели с любопытством, а когда он здоровался с нами, каждому слегка кланялся.

— Вай, вай, — покачал головой Степан Кямов. — Худой нёр, худой гора.

И качал рассказывать легенду о добром божестве Ойхта — Кури и братьях — разбойниках Тумпа. Он говорил медленно, часто останавливался, подбирая русские слова.

Его голос, протяжный, проникнутый какой — то тревогой, буквально гипнотизировал. Уже через минуту я почувствовала, что плохо улавливаю смысл легенды, я только видела перед собой глаза рассказчика и чувствовала, как меня охватывает ужас. Если бы не Глеб, я бы, наверное, сбежала.

Когда мы вернулись в школу, Саша Южин сел записывать легенду. Глеб тотчас развернул карту и начал что — то отмечать. Было темно, и я принесла ему свечку. Но он, увлеченный картой, даже не повернул головы.

Глеб у Бинсая поставил сегодняшнее число, а к востоку от Раупа, на одном из притоков Соронги, нарисовал треугольник.

— Что это, Глеб?

— Изба, про которую сегодня рассказывал бригадир.

Глеб разгладил карту и рядом с треугольником мелким чертежным шрифтом написал: «Продукты». Ужасный педант

— Ты, что, не мог этого запомнить?

Глеб улыбнулся. Его улыбка, как броня. От нее отскакивают все колкости и остроты.

— Мог. Но лучше записать. Меня вдруг понесло.

— Лучше записать, чем не записать, лучше сделать зарядку, чем просто провалиться, лучше есть, чем не есть. Господи, неужели тебе не скучно так жить?

— Но я ведь этого даже не замечаю, Неля. Я все это делаю механически. Все, что «надо», я делаю механически. А зачем на это тратить мышление? Думай не думай — зарядку делать надо, есть надо, уроки делать надо, дневник писать надо.

— Ты сухарь, Глеб!

От резкого движения свеча заплесала, и тени на стенах от нас с ним тоже заколыхались. Точь — в-точь, как в избе Кямова. И вдруг я вспомнила маску на лице сказителя: загадочную и непроницаемую. «Давно, давно, когда не было ни меня, ни моего отца...»

На лице Глеба я увидела усмешку.

— Что ты усмехаешься? У меня до сих пор не выходит из головы этот Тумпа.

— А ты опасаясь, что мы его встретим?

— Ты не смейся. Мне и в самом деле не по себе от этой легенды. Слишком уж много там всяких пророчеств. «Ан — ана, а вдруг проснется Тумпа — Солях?» Что тогда будешь делать?

— Сражаться. Со мной же Ойхта — Кури. Я неуверенно переспросила:

— Ойхта — Кури?

— Да. Разве ты не Ойхта — Кури?

— Глеб, ты ненормальный.

Я отвернулась. Господи, что происходит? Я осторожно коснулась пальцем его штормовки. Это он, оттаявший Глеб? Теплый Глеб? И он сейчас назвал меня великим божеством?

Мы вышли на крыльцо. Вокруг была черная ночь и белый снег. Откуда — то донесся Люськин смех. Но все это прошло мимо меня, я и сейчас еще чувствую себя какой — то прозрачной, все проходит сквозь меня, не задерживаясь.

Я брела по глубокому снегу, словно замороженная. Глеб шел за мной. Я боялась расплескать что — то переполнившее меня. Я Ойхта — Кури? Ты, Глеб, сумасшедший.

Я боялась оглянуться: а вдруг все это мне только почудилось? А вдруг обернусь, а сзади меня опять прежний Глеб? Чужой и равнодушный.

— Глеб... Я... ничего не понимаю. Ты страшно глупый, Глеб.

— Да, я глупый. Понимаю.

Я резко обернулась. Мне вдруг показалось, что он уходит от меня. Так резко повернулась, что потеряла равновесие и почувствовала, как меня подхватили руки Глеба. Я ничего не видела, в лесу было так темно... Я только слышала его дыхание.

Ох, господи, какие же мы глупые — глупые...

...Всю ночь меня преследовал Тумпа — Солях: страшный, лохматый. Он дико хохотал, и от его хохота вокруг падал лес. Я от него пряталась под вывороченными пнями, убегала и не могла никуда от него убежать. А потом неожиданно появился Глеб. Он взял меня на руки, я стала необыкновенно легкой и счастливой. С этим ощущением счастья я и проснулась. Что — то подобное я испытала однажды, проснувшись Первого мая. Было теплое солнечное утро, из кухни доносилась старая довоенная песня о Москве: «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля...» И мама уже хлопотала на кухне, и оттуда неслись вкусные запахи. Все было настолько хорошо, что я заплакала. Мне было необыкновенно хорошо, а я лежала, уткнувшись в подушку, плакала и смеялась и ничего не могла поделать с собой.

Так и сегодня я чуть не разревелась от счастья. Все у меня перемешалось: оттаявший Глеб и косматый Тумпа...

Мы идем на запад. Сзади в молочном тумане поднимается над лесом солнце. Не солнце, а пожар. Мороз небольшой, густой иней быстро покрыл рюки, выбелил заросшие физиономии наших парней, и они стали похожи на древних землепроходцев.

Глеб быстро прошел вперед и улыбнулся мне, И от этой улыбки пропал притаившийся где — то во мне страх перед дорогой, у которой нет конца, перед белым безмолвием тайги, и даже громоздкий рюк стал казаться не таким уж тяжелым.

...С Сашей случилось несчастье. Оя разбил ногу. Это первое и, дай бог, последнее осложнение в нашем походе.

Наш Саша — страстный геолог. В погоне за своими камнями он забирается в такие дыры, что нередко приходится его оттуда вытаскивать за ноги. Вот и на этот раз расковырял Саша снег и обнаружил под ним породу, в которой обязательно должны быть розовые сердолики. Ковырял, ковырял Сашенька мерзлую породу, да и съехал в старый шурф. Поднялся, а нога не разгибается. Когда ребята принесли Сашу, под коленом у него оказался кровоподтек величиной с блюдце. Люся ужаснулась: то ли ушиб, то ли перелом. Во всяком случае нужен холодный компресс, полный покой и обязательно рентгеновский снимок. Перевязали мы Саше ногу и пригорюнились: надо возвращаться. Но Саша заупрямился: сам доберусь до дому. Сам испортил себе поход — сам и должен страдать. Его неожиданно поддержал дед в заячьей шапке: «Чего там, доведу и посажу аккуратным образом в поезд. Али я не человек? Вы уж идите, идите, шалапуты...»

Перед отъездом Саша раздарил все теплые вещи: голубую меховую куртку, варежки, носки, свитер и штормовку. Продукты он тоже нам оставил. С собой только взял на дорогу немного колбасы и банку консервов. Меховая куртка — предмет всеобщей зависти — досталась мне.

Добрейшая душа, наш Сашенька — Машенька. Машей мы его прозвали за длинные ресницы, ямочки на щеках и удивительную способность смущаться по любому пустяку. Он — самый молодой, он у нас с Люськой — бессменный паж. «Саша, я хочу пить!», «Саша, я завтра дежурная, я боюсь утром идти к реке за водой!», и Саша безропотно приносит Люське воды, Саша с радостью соглашается помочь приготовить завтрак. Когда в группе кто — то сердится, Саша смущенно похлопывает своими девичьими ресницами и старается всех примирить.

Мы сфотографировались на фоне заброшенных домов, и Саша уехал с веселым дедом.

— Передай, что контрольный срок переносится на два дня! — закричал ему Глеб вдогонку.

Два дня — Сашины продукты. Лишние продукты — лишние два дня.

Вот так нас осталось семеро, и первые десять километров по целине мы прошли молча. И достались они нам очень трудно.

Сейчас уже вечер, трещит большой костер, ребята заготавливают дрова, только нет среди них нашего Саши. Сейчас он, наверное, на вокзале.

Я вслушиваюсь в шум тайги: гуляет по вершинам ветер, сбрасывая с них снег, шуршат сосновые лапы, пощелкивают твердые прутья боярышника... Как странно шумит под ветром тайга: словно живая, словно какой — то великан ходит вокруг нашей палатки, задевает деревья, ломает кусты и дышит тяжело и устало...»

11

Привыкнуть можно ко всему. И очень быстро. Я не пробыл в Кожаре и суток, но все уже начало казаться обычным. И круглый, как арбуз, Виннер с застывшим на лице горьким недоумением («За что я страдаю? Я председатель спортклуба или завхоз? Чем я буду кормить вечером летчиков?»), и корректно — внимательный Воронов, и сухопарый педантичный полковник Кротов, и даже несчастье, с каждым часом все больше ощущавшееся, как запах гари в воздухе.

Полковник свои функции начальника штаба выполнял добросовестно и почти круглосуточно. В сплошной неразберихе, когда в Кожар съехалось до сотни людей, когда со всех сторон сыпались советы, ложные сигналы, когда авиация непогодой практически была прикована к аэродрому, он сумел навести относительный порядок и отправить на поиски в первый же день два спасательных отряда.

Шел третий день безуспешных поисков. Авиация, охотники — манси, лучшие туристы, проводники с собаками — все, что, кажется, можно было организовать в эти два дня — все брошено на поиски. И все пока безрезультатно.

Сегодня с утра мы с Вороновым были у секретаря горкома. Он обещал помощь, а под

конец напугал:

— Ко мне вчера приходил наш прокурор. Он кое — что рассказал о предположениях. Прошу учесть следующее: манси считали Рауп священным местом. Обыкновенную гору они не объявляют священной. Понимаете? Никто зимой туда не рискует пройти. Никто!

И секретарь многозначительно поднял брови.

— Это, во — первых. А во — вторых, товарищи, известно ли вам, что в конце января был побег из колонии? Вы об этом не знали? Советую справиться в управлении трудовых колоний.

Из горкома мы пошли в управление к подполковнику Васильеву.

Васильев успокоил:

— Заключенные не бегают к Раупу. Что им там делать? Они стремятся на запад. Впрочем, сейчас уточним. Кузьма Иванович, — обратился он к черноусому рыхлому майору, — какие у вас сведения? Кажется, был побег?

— Так точно, товарищ подполковник. Бежали двое двадцать восьмого. Днем из зоны. Начальник караула наказан в дисциплинарном порядке, начальник...

— Поймали? — нетерпеливо перебил Васильев,

— Так точно, товарищ подполковник! На третий день!

— Вот видите, — сказал подполковник и развел руками, словно сожалея, что бежавших заключенных поймали и они никакого отношения к туристам не имеют.

Пришла радиограмма от Васюкова. «Кожар, Кротову. Следы группы Сосновского потеряли. Идем по Северной Точе. Курс — река Малик, перевал у вершины «1350». Видимость — двадцать — тридцать метров...»

Пока Воронов читал вслух радиограмму, я пытался представить видимость в двадцать — тридцать метров. Через улицу дома не видны... Но почему спасатели пошли на север? Я ловлю себя на том, что повторяю вопрос Воронова. В предыдущей радиограмме Васюков сообщил, что направление следов группы Сосновского — запад, на Тур — Чакыр. В чем дело?

Воронов отметил на карте координаты отряда Васюкова. Пунктир — маршрут спасательного отряда — круто повернул на север к Раупу? Ведь между Раупом и вершиной «1350» завтра собирались высадить пятый отряд Воробьева.

— Кажется, я их понимаю, — оторвался от карты Воронов. — Васюков хочет пересечь Главный хребет севернее, у вершины «1350». Эта вершина — узловая. В любом случае у вершины «1350» должны быть следы группы Сосновского. Если они вообще вышли на Главный хребет, — добавил он вполголоса.

Почти одновременно с радиограммой Васюкова вертолет «38» доставил записку из отряда Балезина, высаженного утром в десяти километрах от Тур — Чакыра.

«Товарищи! Передаем с пилотом «визитку» сосновцев и кроки их восхождения. Убедительная просьба вернуть «визитку» на Тур — Чакыр. Идем налегке по следам сосновцев. Лишние вещи и продукты оставили под вершиной. К Раупу придем через три дня. Надеемся на поддержку с воздуха. Турпривет! Балезин».

«Визитка» сосновцев оказалась листком бумаги, исписанным крупным четким почерком.

«На седьмой день похода вершину Тур — Чакыр взяли семеро туристов спортклуба «Мезон». Это историческое событие произошло в 13 часов по московскому времени 1 февраля 1962 года. Эпоха кайнозойская, период четвертичный, век — атомный». Дальше шли подписи: Г. Сосновский, В. Шакунов, Л. Коломийцева, Н. Васенина, Н. Норкин, В. Постырь, А. Броневский и приписка: «Берегись, двухглавый Рауп! Идем на «вы!»

Вертолетчики привезли также кроки — наброски карты с указанием следов группы Сосновского и места их ночевки.

Когда «визитка» сосновцев и записка Балезина попали в руки Воронову и он нанес все указанные в кроках координаты на карту, даже мне, человеку не искушенному в туризме, стало понятно, почему Васюков потерял следы на Северной Точе. Сосновцы и не могли быть

там! Сразу от устья Северной Точи они повернули к Тур — Чакрыру — это было совершенно очевидно.

— Это не совсем так, — возразил Воронов. — Они могли вернуться на Северную Точу или перевалить в ее долину выше. Правда, перевал в этом месте лишь на двести метров ниже самого Тур — Чакрыра...

— Но ведь Васюков следов на Северной Точе не нашел!

Полковник тоже согласился, что раз следы на реке не обнаружены, сосновцы от восхождения на Рауп отказались и повернули на Сам — Чир. Единственное, что путало карты, — решение обоих командиров спасательных отрядов идти к Раупу. Васкжова еще понять было можно: потеряв следы на Северной Точе, он решил пересечь предполагаемый маршрут Сосновского вторично, у вершины «1350». И следы у этой вершины Васюков обязательно бы нашел, если бы сосновцы и в самом деле пошли к Раупу. Но ведь схема со следами сосновцев у Тур — Чакрыра, присланная Балезиным, ясно говорила, что пропавшую группу нужно искать не у Раупа, а на Сам — Чире. Почему же тогда Балезин тоже устремился к вершине «1350»? На этот раз даже Воронов воздержался от предположений. Члены штаба зашли в тупик. Вся беда заключалась в том, что у Балезина не было радиостанции, значит, быстро выяснить, почему он повернул от Сам — Чира в противоположную сторону, было невозможно. А посылать к нему опять вертолет поздно. Светлого времени оставалось не больше часа, тогда как вертолету туда и обратно требовалось по крайней мере часа два.

— Нет, — отрезал полковник, — «Тридцать восьмой» я никуда больше не пошлю.

За день полковник охрип от бесконечных переговоров по радио с экипажами самолетов и вертолетов, с командирами отрядов, с Турченко, который начал энергично вмешиваться в поиски, и, наконец, от кожарского прокурора Новикова, который дотошно выпросил его о том, что сделано штабом за три дня.

К вечеру аэродром остыл, словно перегретая буржуйка: стихли моторы, успокоился диспетчер, и в пилотской в самом деле как будто стало прохладней. Хмурый полковник большими шагами ходил вдоль пилотской. От окна к радиорубке...

Уже совсем стемнело. Над аэродромом горят сигнальные прожекторы. Метет сильная поземка, я в окно хорошо вижу, как ветер закручивает снежные заструги. В пилотской тишина. Из радиорубки доносится монотонный голос радиста: «Малахит, Малахит... Я Каемка, я, Каемка... Почему не отвечаете? Перехожу на прием...» В голосе радиста усталость и никакой надежды.

«Малахит» — позывные вертолета «24». Четыре часа назад Проданин вылетел в верховья Соронги высаживать отряд Лисовского. Последняя радиограмма была принята в 13 часов 50 минут. «Нашел окно над долиной реки. Иду на посадку».

«Малахит, Малахит, я Каемка... Отвечайте, что с вами?...»

Проданин пропал вместе с машиной, экипажем и спасательным отрядом. Где — то в горах нашел он «окно» — просвет в облаках и нырнул в него, отрезав себя от всего мира.

Радисты утверждают, что самолетную радиостанцию принять с земли, тем более в горах, очень трудно. Значит, Проданин не может взлететь.

Невольно возникают самые худшие предположения. Если он сел на реку и заглушил двигатель, то лед наверняка проломился. Вертолет МИ-4 весит семь тонн.

«Малахит, Малахит, сообщите координаты посадки... Какая нужна помощь?... Я Каемка. Прием».

«Малахит» молчит. Проданин не сообщил координаты посадки.

Вернулись из горкома партии Турченко и Воронов. Кротов коротко, по — военному, доложил, что вертолет «24» из полета не вернулся.

— Пошлем самолеты? — неуверенно сказал полковник.

Турченко ничего не ответил. Он тяжело дышал и смотрел себе под ноги.

— Значит, пошлем, — сказал полковник. — Кто имеет права на ночные полеты?

Из — за стола поднялись двое: гражданский — пожилой летчик со значком миллионера

и молодой командир вертолета «38».

— Полетите вы, Виктор Андреевич, — не столько приказал, сколько попросил Кротов, обращаясь к летчику — миллионеру. — Держите непрерывную связь с аэродромом.

Через десять минут Як-12 ушел в ночь. В кабине ЯКа летел один пилот. Он наотрез отказался от наблюдателей.

Турченко молчал до тех пор, пока с ЯКа не поступила первая радиограмма: «Все в порядке. Иду на север». Тогда Турченко начал рассказывать новости. Новостей немного: управление колоний выделило пять лучших оперативных работников под командованием капитана Черданцева. Горком комсомола обещал создать еще один отряд из охотников и спортсменов. Восьмой член группы Южин приедет в Кожар завтра.

Ответил штурман Ермаков. Ответил вполголоса, прислушиваясь к радиорубке. «Малахит, Малахит, сообщите координаты...»

— Сегодня в поисках участвовал весь авиаотряд. Все самолеты, включая прибывший сегодня ЛИ-2, барражировали над Главным хребтом согласно полетным заданиям. Результаты пока нет.

Кротов подошел к окну радиорубки.

— Запросите, пожалуйста, погоду в Ловани и Каннопауле.

Ловань и Каннопауль — ближайшие населенные пункты к Раупу. Точнее, охотничьи фактории, но там есть метеостанции. От них по прямой до Раупа километров сто, сто двадцать.

Каждый чем — то занят. Воронов рисует на карте кружки — завтра в этих местах будут высаживать спасателей, Виннер листает свою записную книжку, шевеля губами, Турченко пишет. Каждый что — то делает. Но когда радист по громкой связи доложил погоду в Ловани, все забыли, чем были заняты.

— Спорт! — вдруг буркнул Турченко, обращаясь неизвестно к кому. — Лезть в дикую глушь без радиации, без оружия — это называется спортом? Это для нас сейчас спорт — обшарить пять тысяч квадратных километров, Игла в стогу сена.

— И все — таки это спорт, — немедленно откликнулся Воронов. — Туризм — это спорт первооткрывателей.

Утренний спор грозил разгореться с новой силой, тем более, что Турченко неожиданно поддержал полковник,

— Ерунда, Валентин Петрович. Риск, открытия... Какие могут сделать открытия эти, простите меня, молокососы? Взыграла в жеребятках младая кровь, вот и понеслись, задрав хвосты, на край света.

Полковника прорвало. В его голове никак не укладывалось — целая эскадрилья самолетов и вертолетов, пять спасательных отрядов понадобились только для того, чтобы ликвидировать последствия этого так называемого спорта! Да еще и не известно, достаточно ли спасателей, которых он забросил к черту на рога, и вертолетов, которым он приказывает летать против всяких норм и инструкций, чтобы расхлебать эту кашу! Кто будет отвечать, если погибнет экипаж какой — нибудь машины? Под суд надо отдать всех этих авантюристов, совершенно не думающих, что из — за их беспечности могут разбиться летчики, могут покалечиться спасатели. Вся эта болтовня о геройстве первооткрывателей, о бессмысленном риске, нужном лишь для самоуважения, может закончиться очень плохо для других.

— Если уже не кончилась, — вдруг мгновенно остыл полковник, и его лицо передернуло болезненная гримаса.

В пилотской наступила тишина. Воронов сидел, уткнувшись взглядом в карту и зажав, как обычно, уши ладонями. Но он, конечно, все слышал.

В таком молчании, отвернувшись друг от друга, члены штаба просидели, наверное, с полчаса. Эти полчаса каждому показались вечностью. Из радиорубки доносился монотонный голос радиста: «Малахит... Малахит...» Потом вдруг радист высунулся в окошко и окликнул Кротова.

— Товарищ полковник!

Полковник тяжело встал и подошел к окошку. Выслушал радиста, выпрямился и, не скрывая улыбки, громко объявил:

— Все в порядке! — облегченно вздохнул и добавил, обращаясь к Воронову:

— Ладно, пусть будет по — вашему, Валентин Петрович. Пусть они лазают по горам, но не посылайте их, пожалуйста, на Рауп.

После этого рассказал: пилот с ЯКа связался по радио с Проданиным, и с вертолета ему сообщили, что при посадке лопнул трубопровод и маслом забросало передатчик. Авария ликвидирована, через час десять минут Проданин будет в Кожаре.

...Появления в пилотской кожарского прокурора я не заметил. Видимо, в тот самый момент, когда полковник передавал нам разговор с радистом, Новиков подсел к Турченко, как раз напротив меня. С мороза у него запотели очки, Новиков слепо шурился, дышал на стекла, тер их носовым платком и переводил невидящий взгляд с одного говорящего на другого.

— Бы хотите что — то сказать? — спросил его Турченко.

— Да... Я выяснил интересную подробность. Новиков закончил процедуру с очками.

— У меня несколько вопросов к товарищу Воронову. Разрешите?

Воронов поднял голову.

— Я вас слушаю, Николай Васильевич.

— Товарищ Воронов, если в туристской группе случается несчастье, имеет ли она право продолжать маршрут?

— Как правило, группа возвращается...

— Как правило... Значит, бывают и исключения?

— Это зависит от обстановки, от того, какое случилось несчастье.

— А каким должен быть минимальный состав группы, совершающей поход высшей категории трудности? Это оговаривается туристскими правилами?

— Оговаривается. Семь — восемь человек.

— Семь? — в голосе прокурора послышалось разочарование. — Вы знаете, что один из туристов пропавшей группы покалечился и вернулся домой? Я только что был в Бинсае и беседовал с жителями...

Никакого эффекта. Прокурор удивился:

— Вас этот факт не волнует никак? Ответил Турченко:

— Нам это известно.

— Ах, вот как! Тогда еще один вопрос товарищу Воронову. Разрешите?

— Конечно.

— Вы, как член маршрутной комиссии, должны были знать всех пропавших туристов?

— Да, — ответил Воронов, — я почти всех знал в лицо.

— Почти, — уточнил Новиков. — А Постыря вы хорошо знаете?

— Постыря?

Валентин Петрович помедлил с ответом, и это не ускользнуло от прокурора.

— Постыря в лицо не знаю, на утверждении маршрута он не присутствовал... Но, судя по отзывам и характеристике, которую давал ему Сосновский, это хороший, дисциплинированный турист.

— К сожалению, товарищ Воронов, характеристика, которой располагаю я, прямо противоположна вашей: несдержан, человек без постоянного места жительства и постоянной профессии со всеми вытекающими из этого последствиями. Я сделал официальный запрос на место его последней работы, — добавил он, предупреждая встречный вопрос.

Воронов слегка побледнел.

— Вы считаете...

— Я ничего не считаю. Пока я только собираю факты. Мы должны быть готовыми к самой неожиданной, с вашей точки зрения... — (Новиков подчеркнул «вашей точки зрения») — ...ситуации в деле о пропавшей группе. Нельзя пренебрегать никакими сведениями.

Правда, я надеялся, что вы, товарищ Воронов, опровергнете эту характеристику...

— Я, Николай Васильевич, не верю, чтобы в группу Сосновского мог попасть плохой человек.

Воронов овладел собой, и только голос его звучал чуть резче, чем обычно.

— Значит, вы абсолютно отрицаете всякую возможность несчастья по вине одного из членов отряда?

— Я не понимаю, о каком несчастье вы говорите?

— Жаль, что не понимаете. Разве возвращение Южина — это уже не несчастный случай?

— Если Сосновский счел возможным продолжать поход, значит, этот случай не был серьезным.

— Я хочу сказать, — перебил его прокурор, — чтобы строите поиски, исходя из того, что с группой Сосновского не случилось и не могло случиться ничего серьезного. А правомерна ли такая постановка поисков? Не следует ли пересмотреть кое — какие позиции? Ведь сегодня, по вашим же подсчетам, пропавшие туристы уже второй день без продуктов. Значит, что — то с ними произошло. Не так ли?

— Да, так. Если Южин не оставил им свои продукты.

На что намекал прокурор, я так и не понял. Но Воронов замкнулся, опять уселся над картой, не проявляя ни малейшего желания общаться с прокурором. Видимо, у них это уже не первый разговор. Новиков успел опросить всех членов штаба и многих спасателей, знавших сосновцев.

Прокурор переключился на полковника, я с трудом улавливал слова, так как все время прислушивался к голосу радиста, доносившемуся из рубки. Приближалось время связи с Васюковым, этого часа с нетерпением ждали все члены штаба. По расчетам, Васюков к вечеру должен был достигнуть перевала у вершины «1350» и выяснить, куда пошли сосновцы от Тур — Чакыра: на Сам — Чир или к Раупу. Ждали мы и возвращения вертолета Проданина.

Радист монотонно бубнил свои позывные, так же монотонно вызывал то пилота ЯКа, то опять без конца повторял «Малахит, почему не отвечаете?» Вдруг в его голосе послышалось оживление «Малахит, как слышите меня? Вас слышу, вас слышу, возьмите пеленг, возьмите пеленг...»

Еще через несколько минут он уже приказывал: «Малахит, Малахит, держите связь с ведущим. Включаем посадочные огни, включаем поедочные огни. Как слышите? Следуйте за ведущим, следуйте за ведущим...»

Стекла задрожали от рева моторов. Все выбежали на поле.

Сильная поземка забивала прожекторы. В углах поля пылала ветошь, облитая бензином.

Сначала сел вертолет. ЯК кружился над ним, как телохранитель. Потом и он, взметнув облако снега, подрулил к ангару.

Проданин и трое его помощников измучены и перепачканы в масле. Особенно грязен был бортмеханик. С него масло прямо текло. Их обнимали, трясли руки,

— Товарищ полковник...

— Ладно, отставить рапорт. Ребята где?

— Высадил в районе устья Мяпин — Ия. Последнюю радиogramму принял от них в воздухе полчаса назад.

Проданин протянул полковнику листок. Уже в пилотской полковник прочел вслух: «Штаб, Кротову. В охотничьей избушке туристы не были. Лисовский».

Впрочем, на эту радиogramму никто не обратил особого внимания. Не успел полковник ее дочитать, как радист включил громкую связь и сообщил, что поймал позывные отряда Васгокова. Сразу же без всякой паузы он начал расшифровывать писк «морзянки»: «Кожар, Кротову. Вышли к перевалу у вершины «1350». На восточном склоне вершины под снегом обнаружили палатку группы Сосновского. Палатка порвана. В ней много теплых вещей и

продуктов. Никого из членов группы Сосновского не нашли. Ветер валит с ног. Вынуждены прекратить поиски и отступить в лес. Васюков».

— Будет ли обратный текст? — спросил радист.

Ему никто не ответил.

12

Страницы дневника шершавы, как наждак. Тетради промокли от снега. На севере от снега нет спасения, как в Кара — Кумах от песка. Снег проникает под одежду, находит мельчайшие щели в палатке, в рюкзаке, набивается между страницами, и они жадно впитывают его.

Записи Люси Коломийцевой наполовину состоят из арифметических подсчетов и туристских песен...

«Пшено! $2 + 1,5$ ... На сколько каш? Не забыть какао. На ведро — 1 банку. $2 \times 16 = 32$ б: $X 0,45 = 14,5$ кг!! Ужас!» «Парни, парни, это в ваших силах...» Будем пить какао один раз в день — 7 кг. Сколько весит пустой рюк? Масло. 7 руб. дал Глеб. Полиэтилен, мешки ломаются. $3,5 + 2 + 1,5 = 7$ кг. Сухарей мало.

...На одной из уральских дорог

Как — то летом во время похода

Мы туристский нашли котелок.

Котелок никуда не годился...

Надо выучить всю. Отличный мотивчик. Завтра уезжаем. Маме написать письмо!!

У папаши — старика, старика, старика,

Жили — были три сынка, три сынка,

Один был футболист,

Второй был шахматист -

Оба умные ребята,

Третий был турист!

Надо обязательно проверить, взяли ли парни запасные шерстяные носки. И вообще все проверить — пусть ругаются.

Наши парни — лодыри. Только и знай покрикивают: «Люська, дай, Люська, покорми!» Как будто я обязана и кормить, и следить, чтобы у всех были чистые носы. Но я все равно их люблю.

... Что лучше — корейка или ветчина? Вернее — что дешевле?

Всем известно, что туризм

Укрепляет организм.

Один раз укрепишь.

Второй раз загремишь,

А в конечном результате -

Получаешь шиш!

Туристу песня в холод, как тулуп... Поют часто, а едят мало. Не втянулись? Семь человек в обед едва одолели котелок каши и полведра какао. Позор! Куда девать лапшевник? Повесили носы из — за Сашки... Жалко его, конечно, но аппетит — то при чем? Придется лапшевник тащить на себе до ужина,

В нашей милой штопаной палатке (господи, где она только не побывала вместе с нами!) довольно прохладно. Ветерок баллов шесть — семь раздувает бока, палатка скрипит и жалуется...

Отличная у нас турбанда! Все острят, все забияки, но главное — гитара!

Мой пятый турпоход ознаменовался очередным признанием Коли Норкина: «Эх, Люся! Почему ты так несерьезно относишься ко мне и моим чувствам?»

В походе оттаивают и добреют даже такие стойкие циники, как курчавый «чмо».

Я давно заметила, что к концу похода мы становимся и близкими и страшно похожими

друг на друга. В нас образуется что — то общее, что объединяет нас, выделяет из толпы простых смертных. Когда я сказала об этом Норкину, он загадочно усмехнулся: «гомфотерность». Коленька любит кидаться непонятными словечками: «нейтронность, нонсенс, гомфотерность...» Воображала!

А потом Коленька снизошел и объяснил, что гомфотерностью называют схожесть характеров и повадок людей, долго живущих вместе. «Часто наблюдается у супругов», — важно изрек Коля. Может ли быть гомфотерность, например, у супругов Шакуновых? Длинноногий флегма Шакунов и куколка — Лялечка... Умора!

Счастье мое ненаглядное,
Будь хоть немного поласковей,
Будь хоть немного нежней...

Но какая была свадьба! Два килограмма винегрета «сено — солома», по паре сосисок на брата и роскошный торт. Торт — это да!

Мы собирались в поход. Была сессия. Сдавали последний зачет по физике твердых тел. А Вадька вдруг говорит:

— Сегодня я женюсь. Можешь даже поздравить, если тебе так не терпится.

Я поздравила, хотя ничего не поняла, и решила, что он просто сострил. Через полчаса я разыскала Васенку, она тоже сдавала зачет по какому — то предмету и, между прочим, рассказала про Вадькину шутку. А Васенка поверила! И меня убедила — правда, Вадька женится! И мы помчались разыскивать новоявленного жениха.

Мы его нашли там же, где он мне сообщил о своей женитьбе. Он стоял у окна и о чем — то думал.

— Привет! Ты в своем уме?...

Я думала, он обидится, но он спокойно объяснил, что сегодня он идет в загс, что его невесту зовут Лялькой и что свадьбу они решили отпраздновать через год, когда для этого будут условия, и что он, флегма, несмотря на свадьбу, все равно в поход пойдет, потому что это принципиально важно. Видали?!

— Так свадьбы не будет точно? — переспросила Басенка, и Вадька ответил непреклонно: «Не будет».

Вот фрукт! Мало того, что влюбился втихую, так он еще и свадьбу хотел зажать!

Вадька ушел сдавать зачет, а мы стали обсуждать этот невероятный факт. Вадька — женоненавистник нашел невесту! И кто такая эта Лялька? Где он ее откопал?

А свадьба все же состоялась.

Когда я Ляльку увидела издали, я сообразила, что эту второкурсницу Воронкову знаю с прошлого года. Комендант попытался подбросить голубоглазую куколку к нам в комнату! Мы ее живо выставили. Интересно, помнит ли она, кто ее тогда выпроводил? Вот будет умора, если вспомнит!

А теперь эта куколка — жена Шакунова?! Она такая маленькая и такая аккуратненькая. А Вадька — метр восемьдесят семь, он всегда в палатке старается лечь по диагонали.

Свадебное торжество было сверхоперативным и нелегальным. Комендант в общежитии на молодоженов смотрел, как на своих личных врагов.

— Комендант? Чихали с Арарата! — сказала я. — Будет свадьба, пусть он хоть треснет от злости!

Сделать успели немного. Достать пару шутих, хлопушки и свечи — для фейерверка и иллюминации поручили Броне. Вино и закуски добывали Глеб с Сашей. Это было потруднее шутих, потому что до стипендии оставалось еще полторы недели.

Всех превзошел Коленька. Он не только сумел заказать роскошный торт, но сумел и получить его к свадьбе. Одним словом, «сено — солома», сухари в пачках, горячие сосиски из буфета, бутылка «Столичной», бутылка «Цимлянского» и торт по особому заказу. А мы с Басенкой принесли пару розовых пеленок и распашонку. К распашонке я приколола свой значок «Турист СССР».

На этой свадьбе электрического света не было, были свечи. Они торчали в пустых

бутылках. Пламя вздрагивало от каждого взрыва смеха, а все вокруг качалось, качалось, качалось...

Мы пели: про подмосковные вечера, про любовь и про костры. Наши туристские песни — все в миноре. Мы их складываем в походах, после тяжелых маршей, у костров...

— Давайте что — нибудь повеселее, — сказала Лялька. И она была права — ведь свадьба!

И тогда Глеб скомандовал:

— Три — четыре!

Мы разом вздохнули и... оказались в темноте.

— Горько!

— Я про... я про...

Лялька в тот вечер протестовала много раз, и каждый раз гасли свечи.

— Безобразие! Притаились в темноте, как мыши, и ждут поцелуя, — возмущалась Лялька.

Но все равно свечи гасли каждый раз, когда раздавалось «горько».

Исчезли сосиски и винегрет, одна за другой догорали свечи на бутылках. Над столом царил веселый гам. И тогда пришла очередь торта. Его разрезали на восемь частей, запили крутым кипятком из титана, и Глеб сказал:

— Друзья мои! Осталась последняя свеча. Пусть она светит новобрачным.

И мы ушли.

С дымом уносится песня,

Ребята отводят взгляды,

И шепчет во сне бродяга

Кому — то: «Не позабудь...»

... Вадя — умный. Этот факт не оспаривается никем, даже Норкиным. Но когда до меня дошла очередь торить лыжню, я тотчас переменяла мнение об умном Шакунове. Самый лестный эпитет, которым я его наградила, мало отличался от колиных «шюточек». Наш умный Вадя предложил головного разгрузить от рюкзака. Пусть протаптывает лыжню налегке, а рюк подождет сзади. Сначала мы обрадовались — гениальная идея! А потом...

Одно дело — втянулся и идешь, идешь с рюкзаком. А тут — сбрасывай и снова наваливай на себя рюк. Сплошное издевательство. А по методу Шакунова — отдых и увеличение скорости. Метод тщательно расписан и обсужден на вечернем кострище, когда мы с Васенкой уже спали. «Вернись, голуба, — читал утром нараспев Вадик свое наставление, — присядь на рюк и ощути свои нижние конечности».

Первым свой метод испытывал изобретатель. Он радостно сбросил рюк и с победным кличем бросился в бой со снегами. Он в упоении топтал снег, он во все горло пел утесовский марш «Легко на сердце от песни веселой...», а необъятные снега злорадствовали над изобретателем. Цену своему методу Вадя узнал, когда пошел вторым. Вадя уже не пел оптимистических маршей. На него было жалко смотреть. С сорокакилограммовым рюкзаком Вадик утопал в лыжне по колено. Да и лыжней эту неровную борозду, пропаханную ногами Глеба, назвать можно было лишь с известной натяжкой. Но Вадик не издал ни единого стона. Он чувствовал себя первооткрывателем, и ему не позволял стонать престиж.

«Как дела?» — спросил Глеб, и Вадя тотчас остановился. В его потускневших глазах светилась глубокая признательность Глебушке за возможность перевести дыхание.

«Я засек, — прохрипел Вадик, — сейчас мы делаем в минуту на четыре шага больше. Это значит, что наша скорость увеличилась на шесть и пять десятых процента».

А потом пришла и моя очередь торить лыжню. Все — таки самое приятное в шакуновском методе — отдых на оставленном рюкзаке. «Пинь — пилинь!» — на моем рюкзаке прыгала синица. «Пинь — пилинь!» — вспорхнула и улетела на ветку. Я бросила ей сухарь, но сухарь ушел под снег.

Удивительная тишина. Даже слышно, как потрескивают замороженные насквозь ветки осины. Тайга так пропитана холодом, что не верится даже, что когда — нибудь сюда

придет лето и растопит все эти снега. «А сидя на рюке, голуба, не пытайся улечься. Бди!» Вот противный флегматик!

Когда я поднялась с рюка, ребята, конечно, уже ушли за поворот реки. На западе поверх острозубой тайги темнел Тур — Чакыр. Утром он казался синим, почти голубым. А сейчас сливался с тайгой. Завтра мы его будем штурмовать. Каково там сейчас, под облаками?..

Умный в гору не пойдет, не пойдет.

Умный гору обойдет, обойдет,

Всем там ясно, что опасно — Там большой уклон!..»

13

Они выбрали из всех вариантов самый сложный: от Тур — Чакыра, не возвращаясь к устью Северной Точи, перевалили через хребет Чимпай на высоте тысяча двести метров и ущельем по реке Малик вышли ко второму перевалу у вершины «1350». Именно там отряд Васюкова нашел их палатку.

Между Тур — Чакыром и вершиной «1350» по карте — семьдесят километров. Чтобы пройти семьдесят километров по горам, нужно было не меньше четырех дней. Значит, под вершиной они были 4 или 5 февраля, А сегодня уже пятнадцатое...

Первой мыслью после радиограммы о находке палатки было: все кончено, искать больше некого.

В пилотскую опять набились спасатели, механики, работники аэропорта. Громкая связь разнесла радиограмму Васюкова по всем помещениям.

— Что же у них случилось?

Турченко задал этот вопрос в пространство, может быть, даже самому себе. Но вопрос прозвучал как призыв высказываться. А высказываться не хотел никто.: ни члены штаба, ни спасатели, ни летчики...!

— Что же там произошло? — повторил свои вопрос Турченко. Откликнулся прокурор.

— На этот счет могут существовать три версии. Первая — встреча с бежавшими заключенными...

— Отпадает, — отрубил Турченко. — Проверили.

— Да, я знаю, что эта версия отпадает, — спокойно согласился Новиков. — Вторая версия — на туристов напали дикие звери. Точнее волки. Порванная палатка, продукты, теплые вещи — все это говорит о том, что туристы, видимо, оставили палатку внезапно, а вернуться уже не смогли.

Прокурор помолчал, пожевал губами, его узкое лицо вытягивалось еще больше, когда он вот так размышлял. Наконец, он заговорил опять.

— Но и версия о волках, на мой взгляд, несостоятельна. Где была найдена палатка, товарищ Воронов?

— На склоне вершины «1350», — тотчас последовал ответ.

— Какую там можно ожидать высоту? Тысячу метров или больше?

Воронов сверился с картой.

— Ориентировочно — тысяча сто.

— Тысяча сто... За восемь лет работы в этих местах я ни разу не слышал, чтобы волки зимой поднимались так высоко. Им там делать нечего. Лоси и олени зимой ищут корм в тайге. Тем более, я вообще не знаю случая, чтобы волки рискнули напасть на большую группу людей. Что же остается? Последняя и, на мой взгляд, наиболее вероятная версия: туристы сами, без всяких побуждений извне, покинули палатку. Причину этого, на первый взгляд, невероятного поступка надо искать в них самих.

— А яснее? — спросил Турченко.

— Ссора, драка и так далее.

По пилотской прокатился ропот. Было очевидно, что эту «аморальную» версию

туристы встретили в штыки.

— Это невозможно, — категорически заявил Воронов.

— Невозможно? — повысил голос прокурор. — Скажите, в группе спирт или водка были?

— Наверняка, — ответил Воронов. — В зимний поход без спирта не пускаем.

— Так. А ссору на почве ревности вы исключаете тоже? Не забывайте, что в группе были две девушки...

— Исключается полностью, — твердо сказал Воронов.

— И напрасно, — с сожалением заметил прокурор. — Я за два дня опросил достаточно много людей, хорошо знавших пропавших туристов. Но я считаю преждевременным оглашать материалы следствия такому широкому кругу лиц.

Новиков обвел взглядом набившихся в пилотскую спасателей, летчиков и механиков.

Турченко тоже вслед за ним осмотрел комнату.

— Прошу остаться только членов штаба и командиров экипажей, — сказал он тоном, не допускающим возражения.

Пилотская опустела. Новиков извлек из кармана блокнот. Из блокнота торчали бумажки, он их попытался затолкать внутрь, но ничего не мог поделать и бросил блокнот на стол.

— Я не собираюсь гадать, что произошло в группе Сосновского, — сказал он. — Драка, поножовщина или просто несчастный случай. Это мы установим там, на месте. Я хочу лишь огласить показания тех людей, которые хорошо знали пропавших. Они в какой — то степени могут дать ответ на вопрос товарища Турченко. Сопоставив последнее сообщение о находке палатки с этими показаниями... (он похлопал по блокноту)... нетрудно убедиться в том, что товарищ Воронов весьма идеализирует пропавших туристов, во — первых, и сделать заключение, что причиной несчастья явились некоторые члены этой группы, во — вторых.

— Вы имеете в виду Постыря? — спросил Турченко.

— Да, и не только его. Но начнем с Постыря. К несчастью, я не нашел среди спасателей, которые в большинстве являются студентами того же вуза, где учились и пропавшие, лиц, которые бы знали Постыря. Поэтому я пока располагаю лишь официальной характеристикой. Она говорит о том, что Постырь является человеком весьма неустойчивым, склонным к переменам, а мы знаем, что такого рода люди способны на необдуманные поступки. Учитывая тот факт, что в среде студентов — туристов Постырь был новичком, вполне реально допустить, что именно он мог внести в группу разлад, именно он мог стать зачинщиком ссоры или драки. Товарищ Воронов, вы можете чем — нибудь опровергнуть подобное предположение?

— Это невозможно.

— Что именно?

— Невозможно, чтобы в группу, совершающую поход высшей категории трудности, попал хулиган.

— Это общее утверждение...

— Да, но утверждение, основанное на многолетней практике туризма!

— ... А меня интересуют факты. Располагаете ли вы фактами в отношении Постыря, которые опровергали бы мое предположение?

Новиков выждал несколько секунд и сказал, на скрывая удовлетворения:

— Не располагаете. Я тоже не располагаю. Значит, Постырь мог стать человеком, который поставил группу на грань гибели.

Он поднял руки, как бы защищаясь от возражений:

— Прошу вас понять правильно: я не хочу чернить пропавших туристов, но результаты поисков на сегодняшний день — палатка с вещами и продуктами — вынуждают меня делать подобные предположения. Я считаю, что лучше худшее предположить, чем обнаружить. Разве не так?

Не согласиться с этим было действительно трудно. Почувствовав молчаливое

одобрение членов штаба, Новикоз заговорил увереннее.

— К сожалению, в пропавшей группе был еще, по крайней мере, один сомнительный человек. Вот несколько выдержек из показаний, которые довольно ярко характеризуют этого человека: «Блиzkих друзей у него нет. Неприятный он какой — то...»

«За что его обсуждали на комсомольском бюро? Он кого — то избил...»

«Вечно он один ходит. Во всяком случае, я никогда не встречал его вдвоем с девушкой. Почему? Да он парень довольно грубоватый...»

Так характеризуют этого человека его же товарищи.

— Кто же это? — перебил прокурора Турченко.

— Норкин Николай. Я бы мог привести еще несколько подобных высказываний. Все они говорят о том, что движущими чертами в характере Норкина являются злость и агрессивность. Скажите, разве такой человек не мог вызвать в группе ссору или драку со всеми вытекающими последствиями?

С минуту все молчали. Потом полковник спросил:

— А как вы себе это представляете? Как могла вспыхнуть в группе драка?

Новиков развел руками:

— Пока я могу лишь предполагать, мне надо осмотреть палатку самому...

— Завтра с первым же рейсом мы забросим туда вас и Воронова, — тотчас пообещал полковник.

— Сейчас я могу высказать только рабочую версию. Спирт, девушки... Могли быть и еще какие — то, пока нам не известны причины, вызвавшие ссору... Во время драки наверняка были пущены в ход ножи, члены группы покинули палатку. Одни дрались, другие успокаивали, третьи разнимали... Времени понадобилось много, если драку вообще удалось прекратить... Вероятно, члены группы отошли от палатки далеко, возможно, была еще и метель. Короче говоря, назад, к палатке, они дорогу не нашли. Это очевидно.

Все сидели подавленные. Картина, нарисованная прокурором, не оставляла никаких надежд. А опровергнуть его версии было нечем, да и некому. Разве только Воронов... В конце концов, именно к нему и обратились взоры членов штаба.

— Ну, так что вы на это скажете, товарищ Воронов? — несколько грубовато обратился к нему Турченко. — Могло быть такое у ваших туристов?

— Нет, — резко ответил Воронов, — В это я не верю.

— Значит, вы полностью исключаете и драку и ссору?

Это уже спросил Кротов.

— Да, исключаю полностью.

— Чем же вы тогда объясняете находку палатки с вещами и продуктами?

— Надо все осмотреть на месте. Я думаю, что Васюков ошибся. В палатке он, вероятно, обнаружил вещи, в которых туристы спят.

— А продукты?

— Неприкосновенный запас.

— Ну и что дальше?

Теперь вопросы сыпались со всех сторон. Молчал лишь Виннер. Он сидел у окна и страдальчески морщился.

— Очевидно, все — таки с ними произошло несчастье. Возможно, при подъеме на Рауп. Они оставили у подножия палатку и налегке поднялись на Рауп.

— Но палатка порвана...

— Ветер. Прошло десять дней.

— А что вы думаете, председатель спортклуба? — повернулся к Виннеру Турченко.

Виннер встал. Он потер руки, поморщился, ему очень не хотелось высказываться...

— Я не знаю... Оставить палатку с вещами так далеко от вершины... Не знаю. Таких случаев не было. А Сосновский — турист грамотный... Палатка почти в пятнадцати километрах от Раупа. Это четыре часа на лыжах. Им же еще надо было подниматься на вершину... Не знаю, не знаю.

— Значит, вы присоединяетесь к мнению прокурора? — настойчиво спросил Турченко.
— Нет, нет, — даже замахал руками Виннер, — Никакой драки у них быть не могло. Это невероятно! Такого у нас еще не было!
— Все когда — то случается впервые, — философски заметил прокурор.

14

«31 января.

Поземка шуршит по насту, позванивают обледеневшие веточки на березах — непрерывный печальный звон. Почти «Зимние грезы» Чайковского в далеком глухом урмане исполняет сама природа.

Я стою под березой и слушаю. У моих ног на пеньке стоит усталый Глеб. Быстро темнеет, под куртку начинает пробираться холод.

— Хрустальный звон. Ты слышишь, Глеб?

— Да, слышу, Неля. Так бывает в лесу в марте. Наверное, была оттепель.

Оттепель? Ой, Глеб, какой ты сухарь...

— А ты помнишь, Глеб, наш первый зимний поход? Я тогда еще уши обморозила, и ты мне их растирал варежкой. И ругался: «Оттирать снегом обмороженные уши — то же самое, что на обожженное место лить кипяток»,

— Да, тогда был сильный мороз. Куржак.

Мороз — куржак? Да, я знаю, что это такое. Накануне дня два падал снег, мела пурга. А потом вдруг все стихло, выглянуло солнце, и вот тогда — то и пришел этот куржак, На людях, деревьях, даже на лыжах выпал толстый иней. Мы шли по сказочному лесу. Под окутанным дымкой солнцем деревья стояли в плюшевых наростах инея. Мороз — куржак.

— И ты меня тогда следопытской грамоте учил. Водил по кустарникам и показывал следы. Ты сказал, что зайчихи никогда не возвращаются к своим зайчатам, а кормят первых попавшихся. Странно, правда? И еще ты мне тогда подарил чечетку. Она залетела в палатку, а ты ее поймал. «Чив — чив — чив» — помнишь?

— А ты ее выпустила.

Я стою под березой и со мной Глеб. Надо мной тончайший печальный звон. Мне холодно, и я протягиваю руку Глебу...

— С тех пор, как я увидел тебя, ты все время со мной. Ребята спрашивают: что ты улыбаешься? А я знаю, когда тебе хорошо... Тебе холодно?

— Мне тепло, Глеб.

Налетел ветер. С сосновых вершин глухо падают на землю снежные шапки. Издалека, словно с другого материка, доносится Люськин вопль: «Глеб! Неля — я! Ужи — ин!»

— Надо идти?

Глеб прислушивается.

— Да, надо. Будут искать. Я заросший? У меня есть бритва. Я побреюсь?

— Ты смешной. С бородой же теплее.

Глеб усмехается и проводит ладонью по своему лицу.

— Да, теплее.

Мы возвращаемся к костру. Люська встречает насмешливым вопросом:

— Вы, конечно, случайно пришли вместе?

Я не обращаю внимания на Люсино ехидство. Я знаю, что она добрая.

После ужина забираюсь в палатку. В ней уже разобраны вещи, расстелены одеяла. Посреди палатки на чурбаках гудит печка. Я укладываюсь, закрываю глаза и чувствую, как меня начинает укачивать дорога. Бесконечно длинная, трудная дорога.

К вечеру 31 января мы прошли, судя по крокам, около восьмидесяти километров. Щегольская белая штормовка Коли Норкина на спине побурела от пота, а его извечно ироническое «чмо» потеряло свой презрительный оттенок. Вчера у костра он напевал, а это бывает с Колей только в минуты высочайшего блаженства. Даже его серые злые глаза,

кажется, оттаяли, Он по — прежнему отпускает «шюточки». («Шюточки», — говорит Коля, — должны бить не в бровь, а промеж глаз»), но его «шюточки» уже никого не обижают. А вернемся из похода, пройдет день — другой, и Коля опять станет циником, опять он вытянет на свет божий свою теорию о делении человечества на умных негодяев и непроходимых дураков. Себя он относит к промежуточной прослойке, — туристам. К этой же прослойке он вынужден был отнести не только меня, Глеба, Люську, но и Льва Толстого. Перед Толстым Коля немеет. Я не помню случая, чтобы он в разговоре о книгах Толстого употребил свое излюбленное «чмо». «А что, разве Лева не турист? — кипятится Коля. — Вспомните, как он ходил босиком, вспомните, как он накануне смерти ушел из дому. Пешком! Дряхлый старик! Так мог поступить только турист».

Однажды, кажется, в Саянах, Коля настолько оттаял, что рассказал мне о своем отце. «Знаешь, Нелька, он жалкий человек. Пил, как верблюд. Все подряд: водку, валерьянку, чефир, тройной одеколон. Пил так, что стыдился показываться трезвым на улице. Все в него пальцем тыкали, мальчишки дразнили его «Чихарем», потому что, когда он напьется, то беспрерывно чихает.

А мать его жалела. Плакала и жалела. Понимаешь? А я готов был убить его. И убил бы, если б не мать».

Может быть, поэтому Коля Норкин одним из первых на курсе вступил в дружину. И, наверное, из — за отца, из — за ненависти к пьяным, Колю с таким треском выставили из дружины и чуть не выгнали из комсомола. Коля об этом не вспоминает, но я — то помню хорошо, как его разрисовали в «БОКСе». Гигантская горилла — волосатая, коричневая со значком дружинника на груди избивает крошечного бедного человечка. Коля учился самбо, конечно, он здорово отдубасил алкоголика, но разрисовали его так зря. Только больше обозлили. Именно после этой карикатуры мир и был разделен на умных негодяев и непроходимых дураков.

А в походах Коля оттаивает. «Все, — говорит Коля вечером, — истоптался». И задирает ноги кверху. «А как человечество?» — ухмыляется Вадим. «Чмо! Муравьиная куча. Пусть копошится».

Но иногда он срывается, и тогда всем тяжело. Может, он и сам понимает, что нам с ним тяжело, но так ощетиливается, что всякий, кто дотрагивается до него в такие минуты, отлетает, словно от дикобраза.

Вчера часам к трем мы повернули на Северную Точу. Река лениво извивалась, оставляя то слева, то справа крутые обрывы, желтеющие глинистыми проплешинами. А по берегам темнел урман. Кое — где на крутых поворотах Точа так подмыла берега, что сорокаметровые сосны рухнули в долину и над рекой повисли «мосты». Возле этих «мостов» образовались заломы и пройти через них невозможно.

Сначала мы шли по берегу. Потом Глеб решил, что по реке идти легче. В долину Точи спускаться можно было только «лесенкой».

— Я первый, — заявил Коля и взял обе палки в правую руку.

Он уже добрался до середины обрыва, как вдруг Толя Броневский лихо присвистнул «и — эх!» — и ринулся вниз наискосок. Снежный карниз не выдержал, осел и покатился вместе с обоими лыжниками в долину. Когда улеглась снежная пыль, стали видны торчащие из снега лыжи, палка, да темнел рюкзак.

Сначала откопали Толю. Он лежал на рюке, глотал снег и блаженно улыбался. Но Норкин был настроен более мрачно. Это объяснялось тем, что на него свалилась основная масса снега, и он застрял в снегу вниз головой. Пошевелив руками — ногами — целы? — и увидев лучезарную улыбку Броневского, Коля опять сорвался: «Чмо! Бойся кобылы сзади, а дурака со всех сторон!»

Норкин говорил с такой злостью, что всем стало не по себе.

— Ты извини... — виновато пробормотал Толя, но Норкин демонстративно отвернулся в сторону.

Мелочь? Может быть. Но только не в походе, где все семеро связаны невидимыми

нитями, когда все семеро едят из одного котелка, спят в одной палатке, идут друг за другом след в след все триста километров.

Люська расстроилась. «За что он так ненавидит всех? Лучше бы уж меня обозвал «чмо»...» Но больше всех переживал эту пустячную историю сам Толя Броневский. Он все пытался объяснить Глебу, почему понесся по склону. «Понимаешь, Глеб, в каждом человеке есть что — то гоголевское: ну, какой русский не любит быстрой езды... Вот и во мне... Я никак не ожидал, что карниз обвалится. Но ведь ничего страшного не случилось? Как ты думаешь?» «Да брось, ерунда!» «Нет, конечно, Коля сильно на меня рассердился. Палка сломалась. Лямка у рюкза оборвалась. Но я же хотел пришить, а он как глянул на меня... Ты на меня не сердись?»

Конечно, Толя переживал свое «снегопадение» до вечера. Он всегда долго переживает свои ляпы. Сначала удивляется («Как это могло случиться? Ведь я хотел, как лучше!»), а потом от огорчения не может найти себе места, перед всеми извиняется, и под конец все начинают шархаться от его извинений. Смех и горе.

Вчера я так устала, что не было сил писать дневник. Написала пару строк и завалилась спать».

День шестой нашего славного похода.

Идем на лыжах третьи сутки то по берегу, то по реке. На берегу глубокий снег, от которого лыжные ботинки приходится защищать брезентовыми «чунями». «Чуни» — гордость изобретателя Вадима Шакунова. А сшила их Люсия. Это обыкновенные брезентовые мешки, напоминающие сапоги и перевязанные у щиколоток ремнями. На реке тонкий крепкий наст, такой крепкий, что лыжи не оставляют следов.

Шли, шли, и вдруг впереди раздался треск, зловещее шуршание и испуганный крик.

Направляющим шел Постырь. Еще минуту назад он поглядывал на всех героем: «Кто не верит, что я везучий? Какую я вам торю лыжню, а вы — ноль внимания!»

Теперь он лежал на боку и вопил:

— Тащите! Вода!

Едва его оттащили в сторону, как продавленный снег почернел от воды. Продух.

И снова завал. Не обойти, не пройти. Отовсюду торчат измочаленные сучья, какой — то сушняк вперемешку с комьями красноватой глины и черными корявыми корнями, а сверху полуметровый слой снега.

Я попытался взобраться, но тут же моя правая лыжа уехала в глубь завала. Меня вытащили, и всем пришлось снова выбираться на берег.

Везет мне!!!

А потом улыбнулась удача. На берегу Точи мы наткнулись на еле заметный след. Вадим измерил пальцами ширину и заявил, что это охотник — манси. Они все ходят на широких лыжах, подбитых оленьим мехом.

Тропа вела в чащу, петляла, извивалась. Направляющий все время сверялся по компасу, ругался, но уйти с тропы в сторону было невозможно. Вокруг стояла такая плотная угрюмая тайга, что даже Норкин не предлагал идти «на таран».

Километра через три тропа вырвалась на поляну. Посреди поляны — сосна. Под ней с десяток бревен, аккуратно сложенных друг на друга. Удивительно: в такой глуши — и вдруг спиленные человеком деревья. Здесь были люди... Это звучит почти смешно. Мы уже, кажется, забыли, как выглядят они, эти обыкновенные люди, не туристы. Мы окружили сосну. С двух сторон сосны — свежие затеи. А на белой древесине какие — то странные значки. Три косые черточки сверху вниз, поперечная и снова две продольные. А еще ниже — три длинные вертикальные черты.

— Вот тебе номер! — изумилась Люсия. — Письмена!

Вадим аккуратно перерисовал письма в блокнот, а Коля сфотографировал.

Потом нам часто стали попадаться вдоль охотничьей тропки белые затеи, а на них черточки, точки. Какой — то охотник шел по лесу и рассказывал, что он видел, какого зверя подстрелил. А может, это и не дорожный рассказ, а заметки лесорубов?

Остановились, когда солнце утонуло в сизой дымке. Палатку растянули между двух берез на небольшом «пяточке» у излучины Точи. Сверху по долине дул жгучий ветер, но здесь было затишье, синие сумерки и недовольный ропот деревьев.

Рюкзаки разобрали, одеяла, теплые вещи, продукты сложили в палатке, ложки и палки составили в «козлы».

Глеб с Вадимом хорошо потрудились над костром. Откопали яму, натаскали сушняка — костер получился большой, жаркий. Вася Постырь, когда костер немного прогорел и на земле накопилось достаточно углей, подложил сухих поленьев, сложив их «колодцем», навалил еловых лап, поверху расстелил свою истерзанную телогрейку и растянулся на ней во весь рост. Через минуту от костра уже доносилось ритмичное посвистывание, а еще через минуту в воздухе запахло паленым.

Запах тлеющей ваты достиг обоняния Норкина, он вскочил и завопил;

— Горим! Пожар!

Горел, конечно, Постырь. Он печально повертел телогрейку, вернее, остатки от нее и отодрал обгоревший рукав. Подошел Вадим, почмокал губами, покачал головой («Ай, ай, какой случай!») и натянул остатки телогрейки поверх штормовки.

— Хорош! — рассмеялась Люсия.

На телогрейке не было воротника, куса левой полы и вообще проще было пересчитать, что на ней осталось.

— Выбросим? — спросил с сочувствием Глеб.

— Ни — ни! — запротестовал Постырь. — Реликвия!

Стемнело, лес еще плотнее обступил «пяточок», по черному небу проносятся рваные облака, напоминающие тени.

Сейчас Люсия священнодействует у костра. Норкин от нетерпения фыркает и грызет сухари, Глеб нарезает аккуратными кружками колбасу и дарит солнечные улыбки Васенке. А та все пишет и пишет. Ей бы быть вундервундом, а не мне».

А. Б.

«...Я люблю сидеть у костра. Огонь, как живое существо. И вообще, если бы не было костров, если бы не было этих таинственных сумерек и пляшущих языков пламени, я вряд ли бы стала туристкой.

— Стала бы, — говорит кто — то сзади.

Что? Я заговорила вслух? Какой ужас! Слава богу, что слушал Глеб.

— Глеб! И тебе не стыдно подслушивать?

— Чуть — чуть.

— Я очень устала. Но мне хорошо.

— А почему тебе хорошо? — спрашивает Глеб вполголоса.

— Не знаю, Глеб.

Глеб усмехается и незаметно трогает мои волосы.

— Мама любит вывешивать белье в солнечные морозные дни. Чтоб белье проморозилось, продулось ветром и высушилось.

— И тебя тоже проморозило, продуло и прогрело?

— Ага. Знаешь, как меня продуло?

— А ты знаешь, что сейчас задымишь от костра?

Я поворачиваюсь. Прямо передо мной рвутся вверх языки пламени, потрескивают поленья, булькает чудо — гуляш «а — ля Броня». А над всем этим Люська с дымящейся ложкой. Не вытерпела, пробует, обжигается и ехидничает:

— Уединились, голубки...

— А вот и уединились!

Я, видно, краснею от своей храбрости, потому что Люська от изумления выгибает брови дугой и давится горячим гуляшом.

Глеб садится рядом. Он ест аккуратно, не спеша. Ни крошки не уронит на снег. Точный, аккуратный педант. А я его люблю. За что, спрашивается?

— Глеб, ты скучный? Глеб усмехается.
— А как ты думаешь?
— Скучный, — говорю я вполне убежденно. — Все рассчитываешь, все делаешь точно, никогда не ошибаешься. Поэтому тебя всегда выбирают в начальники. Не правда, скажешь?
— Не правда. И усмехается.
— Знаешь, ты очень хитрый. Ты всегда усмехаешься, а я не знаю, какой ты. Ты добрый?
— А как ты думаешь?
Я с сомнением всматриваюсь в круглое усмехающееся лицо. И я облегченно вздыхаю. Кажется, добрый. Потом на меня снова накатывает сомнение: а какие у него на самом деле глаза? Я их видела серыми, чуть — чуть синими, видела даже зелеными от елок, а какие на самом деле — не знаю. Странно: все в нем привычно, все в нем неизменно, а вот глаза — всегда разного цвета
— У тебя все время глаза разные. И я тебя совсем не знаю, какой ты на самом деле внутри. А я хочу знать, какой ты.
— А ты какая?
Но тут на нас обрушивается Люська.
— Перестаньте объясняться. Тошно слушать.
— Завидно? — отрывается от каши Вадим и ухмыляется. — Самой хочется влюбиться?
— Вадька! — поднимается во весь рост Люська. — Ты о чем?
— О любви, — невозмутимо отзывается Вадим.
— А ну тебя, — остывает моментально Люська. — Ты вот скажи лучше, ученый флегматик; можно сразу в двух влюбиться?

Ура, Люська села на своего любимого конька: о любви она может говорить круглые сутки. Я допиваю чай и пробираюсь в палатку. Наша палатка — чудо туристской техники. В ней два отделения: мужское и женское, разделенные простыней.

У меня неожиданно теплая и сухая постель. В ногах под одеялом горячий камень. Откуда он? Милый мой Глеб. Я так устала, и мне так хочется спать, а тут такое счастье подвалило: теплая и совершенно сухая постель. Приснись мне сегодня ночью, Глеб. Ладно? И тогда я тебя поцелую. Хочешь? Хоть ты и заросший, и колючий... «Можно ли влюбиться в двух?» Глупая Люська, зачем тебе влюбляться сразу в двух? И кто они? Норкин и Постырь? Глупая ты, Люська...»

15

15 февраля утром мы собирались вылететь из Кожара к вершине «1350», где вчера нашли палатку сосновцев. Вертолет грузили продуктами, спальными мешками, палатками.

Утром положение стало казаться не таким уж безнадежным. Может, Воронов и прав. Отсиживаются где — нибудь в снежной пещере — ведь были же такие случаи...

Впрочем, настроение, возможно, улучшилось и оттого, что впервые за три дня над Кожаром было чистое, ясное небо, много света и солнца. Казалось, предсказания о циклоне не оправдываются.

Мы ждали отлета в пилотской. То и дело хлопала дверь, кто — то уходил, приходил. Все спешили, ругались. Я тоже торопился записать самое главное.

В динамике, из которого то и дело слышались команды, вызовы экипажей, предупреждения об отлетах самолетов, защелкало, захрипело, и сквозь треск «морзянки» прорвалось: «Товарищ полковник! Поймал Гольшкина!»

Гольшкин — радист в отряде Васюкова. В том самом отряде, который вчера нашел палатку пропавшей группы.

«Рауп, Рауп, я Каемка! Как слышите? Перехожу на прием».

В ответ частая россыпь «морзянки»:

«Рауп, Рауп, вас понял, вас понял. Как слышите меня?»

Возле домика взревел автомобиль. Приехал прокурор Новиков.
«Товарищ полковник, расшифровываю текст радиogramмы. В полкилометре... на восток от... найденной... палатки... на границе... леса... обнаружен труп... Сосновского...»

16

Вертолет приземлился на небольшое плато, сплошь усеянное обломками скал. Угрюмая дикая местность. Во все концы до горизонта разбегались горные вершины, покрытые снегом и лесом. Острые камни и уродливые карликовые березки. Пронизывающий до костей ветер и неестественное малиновое солнце, краем ушедшее за вершину. Она напоминала сахарную голову, безымянная вершина с отметкой «1350».

На севере виднелись две такие же голые залезанные вершины. Солнце облило их красным вином. Даже невооруженным глазом был виден на восточном склоне одной из вершин черный прямоугольник провала. Рауп.

К югу от флажка, возле которого приземлился вертолет, застыла гряда причудливых, изрезанных ветрами останцев.

Из вертолета выскакивали под свист винтов. Двигатель Проданин не выключил. В случае внезапного налета ветра вертолет мог мгновенно уйти в воздух. Проданин после аварии на Соронге стал осторожен. Выглядывал из кабины и подгонял рукой: быстрее, быстрее!

Из вертолета летели ящики, тюки, связки лыж.

Радиogramма о гибели Сосновского нас просто оглушила. Только теперь я начал понимать, как глубоко были убеждены все спасатели в том, что под Раупом ничего серьезного не случилось. Внешне и теперь шло как надо, и все, однако, делалось как в полусне. Возможно, такое впечатление усиливалось видом туристов, встречавших нас на плато. Горы, малиновое солнце и закутанные по глаза люди в зеленых штормовых костюмах — все казалось неестественным, доходило до сознания как нелепый спектакль. Но нелепей всего в этом спектакле выглядели мы с Новиковым: в городских пальто, в шарфах, сквозь которые проглядывали галстуки.

На плато нас встретили командиры поисковых отрядов: Васюков и Балезин. Отряд Балезина уже успели перебросить к вершине «1350». Нам троим — мне, Воронову и Новикову — дали лыжи. Но оказалось, что лыжи не нужны, они только мешают. С плато в долину можно было спуститься только на пятках.

— Мы нашли еще костер, — сказал Васюков, — начнем с него?

Крепкий наст, застывшая снежная рябь. На границе леса встретили туристов и проводников. Настороженные мрачные взгляды, безмолвные рукопожатия. Под раскидистой, перекрученной ветрами сосной остатки костра, едва присыпанные снегом, обгоревшие куски материи, обломки сучьев.

— Похоже, что бросали в костер одежду, — сказал негромко Васюков.

— Зачем? — насторожился Новиков. Васюков неопределенно пожал плечами.

— Все могло случиться.

— А кто обнаружил труп?

— Проводник. Там, — махнул Васюков рукой в сторону карликовых зарослей.

Красные лучи солнца, поземка и скрип снега под ногами...

Сосновский лежал в трехстах метрах выше, тоже на границе леса. Лежал на спине, упираясь головой в ствол карликовой березки и поджав ноги. Его фигура напоминала позу боксера, брошенного в нокауте на канат. Он упал на ходу, а подняться ему не удалось.

Новиков, утопая в снегу по колено, обошел березку и наклонился над трупом.

— Кто —нибудь осматривал его?

Я оглянулся. Сзади метрах в пяти стоял Васюков. Он отрицательно покачал головой.

— Сюда из туристов не подходил никто, — сказал Васюков.

Новиков выпрямился. Он внимательно обвел взглядом заросли, сосну, под которой

нашли костер, молодой ельничек за ней.

— Палатка там, — показал в сторону вершины, похожей на сахарную голову, Васюков. Но Новиков уже не слушал его. Он увидел меня.

— У вас есть фотоаппарат? Сфотографируйте труп с трех точек — сверху, в фас и в профиль.

Это прозвучало как приказ. Солнце уже закатывалось и светило в объектив. Мне никак не удавалось сделать снимок в профиль.

Тем временем Новиков аккуратно перчаткой смел с лица Сосновского снег.

— Сфотографируйте теперь так!

Сосновский был одет в меховую куртку с капюшоном, лыжные брюки и шерстяные носки с привязанными к ним кусками березовой коры. Под подбородком от дыхания вырос толстый слой желтоватого льда.

Потом Новиков проверил карманы: одежда на погибшем промерзла так, что карманы открывались с треском, словно рвалась ткань. В карманах он нашел коробок спичек, носовой платок и синюю мыльницу. Мыльница при ближайшем рассмотрении оказалась карманным приемником. Все вещи Новиков аккуратно очистил от снега и разложил на вороновской штормовке. Воронов поеживался от колючих порывов ветра.

— Вы, — прокурор показал на меня, — и вы, Валентин Петрович, будете понятыми. Не возражаете?

Я стоял над погибшим. Удивительный контраст между покоем на лице и телом, застывшим в нечеловеческом напряжении. Он, видимо, пытался встать... Последний бой...

— Так вы не возражаете?

— Если вы хотите осмотреть сегодня и палатку, то нам нужно отсюда уходить немедленно, — сказал Воронов.

— Но я должен составить акт на месте...

— Через час наступит ночь, а мы засветло должны найти место для лагеря.

— Ну что ж, пойдем тогда к палатке, — неохотно согласился прокурор и начал рассовывать вещи Сосновского по карманам пальто.

Я огляделся. Солнце своим диском уже зацепилось за вершину, по долине побежали первые тени, даже ветер стих, и было слышно, как тяжело дышит стоящий сзади проводник — манси. Но именно от этой тишины и исходила какая — то неясная тревога.

Воронов тронул меня за плечо:

— Пошли.

— Отчего он погиб?

— Он замерз, — ответил вполголоса Воронов, и мне показалось, что он боится нарушить тишину, пришедшую в долину с сумерками. — Он шел против сильного ветра, шел, пока были силы.

— Значит, ветер?

— Я думаю, ветер.

Воронов покосился на прокурора, рассовывавшего по карманам вещи Сосновского. В штормовке Воронов уже ничем не отличался от тех спасателей, что встретили нас у сосны.

— Понимаешь, он погиб не случайно, — сказал Воронов, и меня еще раз поразила боль, прозвучавшая в его словах. Меня удивил не столько его внезапный переход на «ты», сколько тон.

— Он шел к какой — то цели. Шел ради чего — то очень серьезного, — сказал он все так же тихо, видимо, только для меня. — Видел, сколько льда у него под подбородком? Это от дыхания. Он еще долго жил, он бы мог вернуться к костру, но он шел вперед.

— Вы думаете, он видел отсюда костер?

— Это совершенно очевидно. Даже в самую сильную метель отсюда костер должен быть виден.

Мы поднимались вдоль границы леса прямо навстречу солнцу, которое начало прятаться за вершину. Густо — фиолетовая вершина была окаймлена алой полосой.

Поднимались без лыж, выбирая места, где снег спрессовался и не проваливался. Потом пошли камни. Камни торчали из — под снега, отчего все плато казалось рябым.

Палатка сосновцев была под самой вершиной, мы ее заметили, когда были буквально в десяти шагах. Небольшой холмик, из которого торчали две лыжные палки. Они, как потом выяснилось, были приспособлены в качестве шестов для оттяжек. Легкие порывы ветра шевелили клочки брезента.

На палатке лежал толстый слой спрессованного ветрами снега. Только в одном месте туристы попытались его снять — там темнело полотнище в дырах, сквозь которые проглядывали вещи.

— Мы не стали раскапывать до вашего приезда, — объяснил Васюков прокурору. — Раскапывать надо лопатами, палки не берут.

Новиков сгреб, сколько мог, снег с палатки, ему помогал Воронов. Попытались свести рваные края вместе — разрывы шли в беспорядке, пересекая друг друга.

— Так, — сказал Новиков, — понятно. Попробуйте вытащить, что сможете, из палатки.

Двое спасателей, вооружившись лыжными палками, начали расковыривать снег. Сначала вытащили какой — то мешок, в котором с трудом узнавался рюкзак, потом лыжную куртку, настолько промерзшую, что она казалась обломком камня.

— Николай Васильевич, пора уходить, — напомнил Воронов. — Уже темнеет.

— Минуточку, успеем...

Новиков встал на колени и запустил руки в палатку. Там что — то затрещало. Новиков побагровел от напряжения, и вдруг большой пласт снега хрустнул и приподнялся, обнажив брезентовый бок. Снег сбросили. Новиков растянул дыру пошире, и палатка раскрылась.

То, что увиделось, поразило хаосом: одеяла, куртки, валенки — все было перевернуто, скомкано и перемешано со снегом.

— Пусть все так и останется. Завтра сфотографируем, — решил Новиков.

Из вещей он взял с собой только кожаную офицерскую сумку. По всей вероятности, в ней были документы.

От солнца остался узкий серп — оно почти целиком ушло за вершину. Вся долина погрузилась в фиолетовые сумерки. Мы уходили на восток по тому самому плато, где нас высадил вертолет.

— Через два — три года Сосновский стал бы мастером спорта, — сказал Воронов, догнав меня. И тут же без всякого перехода и паузы добавил: — Вы ничего не имеете против того, чтобы мы были на «ты»? У туристов есть такая поговорка: «Кто ел одной ложкой из общей чашки, тот принес присягу в верности друзьям», — усмехнулся он.

— Я не захватил с собой даже зубной щетки, не говоря уже о прочем.

Воронов успокоил:

— Что —нибудь придумаем. Свитер у меня есть запасной, а штормовку дадут ребята. Хуже со спальным мешком. Мешков мало, придется спать по двое. Поместимся?

— Как —нибудь поместимся, — сказал он минуту спустя.

И ни слова, даже намек, на то, что осталось внизу, в долине. Я почувствовал раздражение от его спокойного голоса, от этих мелочей, которые занимали его. Спальный мешок, свитер... Где остальные шесть ребят? Здесь, под снегом? А если не здесь, если у них именно эта ночь может оказаться последней?

Солнце уже скрылось за вершиной, мы были на границе дня и ночи. Ночь догоняла нас по пятам, и одно время казалось, что мы оторвемся от нее, но вдруг малиновая верхушка вершины потемнела, словно остывшее железо, и нас окутали сумерки.

На плато сиротливо бился на ветру флаг, но вещей, выгруженных из вертолета, уже не было. Нас дожидались двое провожатых. Они объяснили Воронову, что все вещи спущены в лагерь, а лагерь разбит внизу, на берегу Малика, и Воронов похвалил: «Молодцы».

— До Малика с километр лыжня проложена, но спуск довольно крутой, — сказал в ответ на похвалу один из провожатых.

— Договоримся сразу, — предупредил меня Воронов. — Николай Васильевич падает

направо, а ты налево.

— Почему я должен падать? — возмутился Новиков. — Я на лыжах, слава богу, с пяти лет.

— Ну, если так...

Впереди пошли туристы. Я шел третьим, за мной Новиков. Наст был такой твердый, что палки скользили, как по льду, и я беспрерывно терял равновесие.

Из — за хребта дул ветер, обжигал лицо и забирался под пальто. Я позавидовал туристам. Они плотно упакованы в штормовые костюмы. На головах шерстяные шапочки и капюшоны, на ногах брезентовые чехлы — бахилы, Все продумано до мелочей. Настоящая снегу — ветрозащитная упаковка.

Далеко внизу, на юго — востоке, вдруг вспыхнула зеленая ракета. Потом вторая. Идущий впереди меня проводник остановился, вытянул руку вверх и выстрелил. Все случилось так неожиданно, что я инстинктивно шарахнулся в сторону.

Красная ракета описала дугу, залила снег сиропом

— Там лагерь?

Провожатый обернулся, на ходу перезаряжая ракетницу.

— Отряд Лисовского, — сказал он глухо, словно из бочки. — Получили по радио приказ идти к нам. Часа через два придут.

Сзади меня послышались проклятия. Новиков упал, неудачно врезавшись в куст вереска.

— Дальше пойдет мягкий снег, — утешил тот, что стрелял из ракетницы. Он повернулся ко мне лицом, и теперь я понял, почему он бубнит. Половина лица у него была под маской. Он помог Новикову подняться и подал ему палки.

— Как вы думаете, — сказал Новиков, — они тоже шли по этому плато?

— Конечно, — ответит тот. — Мы шли по их следам. Следы обнаружили вон там, на Малике, — указал он вниз, в темноту. — Они не могли обойти это плато. Но фирн сейчас кончится. Скоро кончится, — успокоил он — и Новикова, и меня.

— А палатку мы нашли по азимуту, — объяснил наш проводник, пропуская меня вперед. — На фирне следы не остаются, мы засекали их направление по компасу и вышли на палатку.

Спустя минуту он сказал у меня за спиной:

— Сейчас мы идем по их следам. Мы шли по их следам...

Я не заметил, как началась мягкая лыжня. Меня вдруг понесло, на каком — то повороте я попытался обогнуть дерево, и вовремя вспомнил про совет Воронова: падать налево.

Едва я успел свалиться, как мимо пронесся турист, видимо, тот, что с ракетницей, он шел сзади меня, а в следующую секунду я оказался погребенным в снегу под Новиковым. Конечно, он забыл, что ему надо падать на правый бок!

— Кто это разлегся посреди дороги? — сердито спросил он.

— Я думал, вы хоть извинитесь! Лыжня в двух метрах от меня.

Новиков, видимо, догадался...

— Такая темень... Извините...

— Приятно слышать.

Мы бы переругивались и пытались освободиться от лыж и друг от друга еще минут десять, все глубже утопая в снегу, если бы не подъехал Воронов.

— Я задержался на перевале, — сказал он. — К нам идет Лисовский, я засекал азимут по ракетам.

Пока мы с Новиковым очищали друг друга от снега, подъехал и Васюков.

— Нет, я сам проверял, Валентин Петрович. Центр седловины, палатка и сосна лежат на одной прямой. И наклон берез тоже вдоль этой линии...

Васюков увидел нас и мгновенно умолк.

— О какой линии вы говорите? — насторожился Новиков.

Ответил после небольшой паузы Воронов.

— Вот Коля Васюков предполагает, что их выдуло из палатки сильным ветром. Видели, как растут березки на границе леса. Почти стелются по земле. Это от частых сильных ветров...

— Еще одна теория?

— ... Они установили свою палатку на аэродинамической оси. Судя по местности, ветры дуют по центру перевала на сосну, где мы нашли костер.

— Товарищ Васюков, а палатка в самом деле порезана ножом?

— Да... Мне кажется, что порезана, — сухо протянул Васюков, и разговор прекратился.

Дальнейший спуск до лагеря мы проделали в полном молчании. В лесу было так темно, что я уже не различал под ногами лыжню и катился туда, куда меня катили лыжи. К счастью, спуск стал более пологим, и я только дважды выполнил совет Воронова «падай налево».

Потом лес просветлел, послышались голоса, и мы выкатились на поляну. Здесь горел костер, вокруг него стояли туристы, за ними угадывались лыжи, составленные в «козлы». Полянка была утоптана, вещи аккуратно уложены в штабель, трое или четверо возились с палаткой. Искры от костра уносились вверх, и дым наверху растворялся в темноте. Обычный туристский бивак...

На секунду у меня в сознании время сместилось, и я увидел перед собой не спасателей, а сосновцев. Я хорошо помню, что даже потряс головой, чтобы избавиться от наваждения...

17

Да, в ту ночь мы шли по их следам. Даже лагерь поискового отряда в долине Малика, как выяснилось на другой день, был разбит на месте последней стоянки группы Сосновского.

1 февраля они поднялись на Тур — Чакыр. Балезинцы нашли на этой вершине их «визитную карточку», и в тот же день Васюков обнаружил их следы на Малике, в семидесяти километрах от Тур — Чакыра. На Малик они могли попасть двумя путями: вернувшись назад, к устью Северной Точи, или вдоль Главного хребта с двумя перевалами на высоте тысячу двести метров. Первый путь был безопаснее, но длиннее. Они выбрали второй путь — по Кай — Оле и Точе...

«День седьмой

Даешь Тур — Чакыр!

Сначала наш начальник говорил так: «Твое дело, вундервунд, начать. А писать дневник будут все». Что же я слышу на седьмой день похода? «Групповой дневник на совести вундервунда». Вот и верь после этого начальникам!!

Тур — Чакыр — одна из самых хитрых вершин Приполярья. И «ростом» как будто невелика — всего каких — то 1370 метров, а попробуй возьми ее в лоб. Многие обжигались с востока, так что мы сразу на вечернем кострище, несмотря на отважные выкрики Норкина, решили взять Тур — Чакыр по западному отрогу, со стороны Кай — Олы. Это, конечно, крюк, но зато уж на Тур — Чакыре побываем наверняка. Так сказал начальник и быть посему.

Сегодня дежурил Глеб. Новый мировой рекорд! Ликуйте! Вместо богом положенных двух часов на утреннюю укладку и завтрак мы потратили всего час сорок!

Было так пасмурно, что на душе скребли коты. С Тур — Чакыра одна за другой неудержимо сползали тучи. Промозглая погода!

Сначала шли по берегу, по звериной тропке. Здесь много лосей — пользуемся по мере возможности их дорогами. Но километрах в трех от границы леса «лосетрасса» свернула в глубь урмана. «Среди лосей туризм не развит», — рассудил Шакунов и полез напролом через мелкий сосняк.

Лоси — то знали, где прокладывать тропу. А Шакунов не знал. И поплатился. Угодил в какую — то яму. Когда его оттуда извлекли, он радостно сказал: «Гам капкан».

Вытащили и капкан. Он был взведен и покрыт слоем жира. От капкана под снегом

тянулась проволока. Всеобщее изумление: здесь бывают охотники?! Но капкан, конечно, ставил не медведь.

Коля Норкин выломал толстый сук и засунул его в капкан. Щелкнули челюсти, и палка разлетелась пополам. А Вадик повертел перед собой руку и сказал с удивлением: «А я его под снегом нащупал рукой».

У границы леса нас встретил сильный ветер. Надели маски и поползли чуть ли не на четвереньках под облака. Появились первые скальные выходы, и, естественно, я пустил в ход топорик. Через минуту у меня в руках был отличный кристалл розового шпата.

Перевалили через хребтик, не предусмотренный картой, и потопали по компасу. Но все компасы вдруг почему — то стали показывать разные азимуты. Глеб немедленно высказал предположение: «Железная руда!» Норкин уточнил скептически: «Дрожат наши руки, а не компасные стрелки».

За хребтиком под защитой гранитной скалы, нависшей над головами, сделали привал и начхоз угостил нас сухарями, ветчиной и сахаром. Рюки решили оставить под скалой, благо она заметная, и штурмовать Тур — Чакыр налегке.

Мудрое решение, что и говорить. Когда рюки свалили под скалой, стало светлее. Столько вдруг сразу засияло улыбок на лицах.

«Надеть маски!» — скомандовал Глеб, и Коля тотчас повторил: «Есть, надеть намордники!» В масках все похоже на чертей. «Пошел черт на тучу, а из нее — то и стрельнуло», — говорила моя бабка, когда слышала гром. Едва мы забрались на западный траверс — каменистую гряду, полого уходящую в небо, как раздался грохот. Что это было — так и не поняли. Возможно, где — то недалеко случился снежный обвал, а может, и в самом деле гремел гром. Не любит Тур — Чакыр гостей!

Последнюю сотню метров шли без лыж. Трудновато. Камни обледенели, ботинки скользят по фирну, ветер валит с ног, а вершины все нет.

Отдыхали, сбившись в кучу, и смотрели вверх. Там иногда в просветах метели мелькали новые скалы, на которые надо было взбираться или искать обход. Потом стянули с физиономий фланелевые маски и в человечьем обличье на высоте 1300 метров спели песню «Бабку — Любку», наш отрядный гимн. Пели, конечно, от злости, чтобы перекричать ветер.

Десять минут истекли, и снова по траверсу на Тур — Чакыр... Снег, снег и вдруг солнце. Яркое, совсем южное солнце. Только не греет. Под нами клубятся облака — мы выше их, мы вышли на вершину. Ура! От солнца и снега болят глаза, но никто не пищит, все ищут Тур. Вершина Тур — Чакыра — несколько груд камней, в беспорядке наваленных на «пяточке» двадцать на двадцать метров. Ребята побросали лыжи и рассыпались по «пяточку».

От ледяного ветра нигде нет спасения. Под ногами белое клубящееся море облаков, над которым торчат крохотными островками вершины. Грандиозное зрелище!

Наш начхоз не выдержала. Стянула маску, отбарабанила на плоском камне чечетку и выдала сверж программы частушки:

Мы туристы боевые — замечательный народ,

Мы в походы часто ходим — нас холера не берет!

Последний взгляд окрест и — вниз, кто на чем. Проплутали в облаках с часок, пока нашли скалу с рюками, и снова полезли в гору. «Умный гору обойдет, обойдет». У нас все «умные».

После обеденного привала, когда семеро отдохнувших сытых туристов ломились напролом через тайгу, произошла удивительная встреча. Из чащи нам навстречу вышел огромный мохнатый лось. Он стоял перед направляющим Глебом и мрачно поглядывал на интервентов. «Ой — ой! — запищала Васенка. — Он же рогатый!» А Глебка величественно махнул на лося лыжной палкой и свистнул. Лось не остался в долгу: фыркнул, тряхнул рогами, но при здравом размышлении тропу все же уступил. «Не понимаю, — до сих пор удивляется Васенка, — как он тебя не поддел на рога?»

— Он же не дурак, — резонно заметил Вадим.

Это я дурак! Как я мог прошляпить такой великолепный кадр: лось против Сосновского! Побеждает интеллект!

А. Броневский».

«Господи, куда мы забрались! Бедная моя мамочка, я так редко о тебе вспоминаю, и так вы сейчас далеко от меня. Непутевая у вас дочка, верно...

Но я все равно знаю: с вами ничего не случится, у вас хватит забот, здравого смысла не паниковать обо мне, когда я в походах. И я о вас тоже не беспокоюсь.

Как — то моя мамочка вздохнула и сказала: «Люська, ты совсем отбилась от рук. Куда тебя черти носят, да еще с парнями? Небось и спишь с ними в одной палатке? — «Самой собой, мамочка». — «Бессовестная девка!» — «А почему? Разве ты не знаешь, что я выйду замуж только по любви?»

Моя милая мамуся покачала головой и изрекла: «Ив кого ты уродилась? Один пустозвон у тебя в голове».

Но я на нее не сержусь. А папку я люблю. Он добрый и в усах. На фронте он был старшиной и с тех пор не расстается с рыжими усами. «Старшина без усов, — говорит папка, — что петух без хвоста».

Папка похлопает меня по спине (совсем как Буранка, на котором каждый день ездит по бригадам) и прогудит: «Девка ты у нас бедовая, это верно. Но не забывай: цыгане тоже бродят, бродят, а на зиму все в одно место возвращаются...»

С каждым километром долина Кай — Олы, на которую мы свернули утром, сужается, берега лезут все выше, и все чаще встречаются завалы. Где милая Точа — ленивая, раздольная, с желтыми глинистыми берегами? Кай — Ола — злая река. Во многих местах она подмыла кручи, и тридцатиметровые сосны рухнули в долину. Над Кай — Олой повисли «мосты», при виде которых Вася Постырь вспоминает темпераментных испанцев и их знаменитое «карамба!»

А Коля Норкин выражается по — русски: «Черт подери эту Кайлу!» Коля просто исходит тоской оттого, что у нас нет с собой толковых шашек. «Эх, и рванул бы я этот заломчик!» — мечтательно говорит он, стоя перед завалом, через который ни проехать, ни пройти.

Люди идут по свету,
И в жизни им мало надо,
Была бы прочна палатка,
И был бы нескучен путь...
Но дремлют в бродяжьих душах
Бетховенские сонаты,
И нежные песни Грига
Переполняют их...

Норкин вообще взрывается по любому поводу. Никогда не угадаешь, что его разозлит. Однажды Саша рассказывал о своей бабушке. Она у него учительница, прекрасно знает русскую литературу и, по словам Саши, необыкновенная женщина.

«Терпеть не могу старух, — вдруг перебил его Коля. — Противно слушать, как они с утра до вечера только и говорят о похоронах и поминках. К моей бабке ходит вся улица. Она самая старая — ей уже за девяносто лет. Вот все старухи к ней и ходят, грызут семечки и удивляются: «Как же ты, Мария Тимофеевна, все ходишь по земле — матушке?» — «А я уж приглядела себе местечко под могилку. Веселенькое такое, в сторонке. И тополек посадила. Пусть надо мной тенек будет.» — «Чмо!»

«Чмо» у Коли означает высшую степень презрения. «Чмокает» он великолепно, так и хочется похлопать его по губам...

Но сегодня Коля — самый добрый из всей семерки. Он первым вызвался дежурить ночью у печки, помогает у костра поварам, таскает за двоих сушняк... Отчего?»

3 февраля.

Мороз не больше пятнадцати градусов, ветер средний.

Полог — простыня оправдал себя полностью. Только выбираться сложно. Надо продумать штормную конструкцию.

В группе все здоровы, бодры, поют. Идем в графике. Я думаю, что этот поход на Рауп будет самым интересным из всех наших трех походов высшей категории трудности.

Г. Сосновский»

18

Огромную тридцатиместную палатку спасатели с трудом растянули между деревьев. Здесь было тихо, пощипывал лицо мороз, с верхушек сосен время от времени глухо падали снежные хлопья, — только это и нарушало лесное безмолвие. И вдруг в той стороне, где спасатели нашли палатку сосновцев, явственно прозвучал далекий человеческий стон. Я вздрогнул. Померещилось?

Васюкив, сидевший рядом со мной у огня, объяснил: стонут останцы. «Сплошь дырявые, вот ветер и свистит в них» — сказал он хмуро. Ему самому, видимо, тоже действовали на нервы эти стоны.

Находка палатки, а главное, труп Сосновского подействовали на спасателей, как шок. Они рубили еловый лапник, варили ужин, все шло своим чередом, а я то и дело встречал угрюмые взгляды. Все переговаривались вполголоса, словно мертвый лежал здесь, у палатки, а не за перевалом.

Оживленнее всех выглядел прокурор. Даже чересчур оживленно. Он неожиданно подсел ко мне, с наслаждением вытянул ноги к огню, заговорил бодро:

— Печет? Штаны еще не прожгли, а? Вот вы и попали в очевидцы. Все журналисты мечтают быть свидетелями. Не так ли?

На душе у меня было скверно. Мало того, что я в своей городской одежде промерз, как собака, так черт принес этого прокурора.

— О чем же вы будете писать, дорогой журналист? Де мортус аут бэне, аут нихиль. Да — с, мой дорогой. О мертвых следует писать хорошо или ничего не писать.

Не знаю почему, но слова Новикова сразу взбесили меня. Может быть, раздражение таилось еще с прошлого вечера. Может быть, меня неприятно резанул его уверенный тон, явно ощутимое сознание собственной правоты, которое слышалось в его голосе. А может быть, мне, как и другим, было скверно. Я нахамил.

— Послушайте, Николай Васильевич, вы не замерзли? Ребята меня угостили спиртом. Отлично приводит в чувство!

Я извлек из — под бревна фляжку и потряс ею перед носом Новикова. Фляжка булькала, а Новиков поморщился.

— Жаль, — сказал он с сожалением. — А вы показались мне серьезным и вдумчивым человеком. — Он отвернулся от меня и занялся полевой сумкой, которую нашли в палатке сосновцев.

Эта проклятая тишина... Прямо уши заложило. Где же еще шестеро? Под снегом? А может, все — таки ушли? Я начал снова рассматривать карту, которой снабдил меня Воронов. Потрепанная «верстовка». Густая сеть речек, хребтов, каньонов, долин. Куда они могли уйти? Жирный треугольник — наш лагерь, рядом — плато, на него садятся вертолеты. Крест поменьше на склоне вершины — труп Сосновского. В двенадцати километрах от него на север — Рауп. Там их нет. В этом уже не сомневается никто.

А где же сосна, под которой нашли их костер? На юго — восток от вершины «1350» извилистой чертой уходит речка Соронга. Вдоль ее берегов — зубчатая бахрома. Каньон. Сосна где — то ближе. Кажется, здесь у кромки леса. Вся эта долина Соронги, где нашли костер и Сосновского, похожа на мышеловку. Уйти из нее можно только вдоль Главного хребта, к Раупу. Но для этого как минимум у них должны быть ботинки и теплые вещи. Ветер, который дует по хребту, их в два счета сделал бы ледяшками. А если в ту ночь бушевал ураган?

Тогда Воронов, пожалуй, прав: у них выбора не было, ураган их просто сбросил с вершины «1350». Они неизбежно должны были искать спасения в лесу или... выходить из «мышеловки» по каньону. Каньон непроходим? Да, там за каньоном уже был Лисовский. Избушка на Мяпин — Ие оказалась забитой снегом..., Живые или мертвые? Где искать? Как искать?

Прокурор, наконец, вытряхнул из полевой сумки весь снег и извлек пакет, завернутый в полиэтилен. В пакете оказались паспорта, деньги, железнодорожные билеты, письмо к председателю кожарского райисполкома от спортклуба с просьбой оказать помощь в сборе фольклора и две одинаковые тонкие книжечки в синих переплетах: «Маршрутная книжка группы туристов спортклуба «Мезон»...

— Значит, маршрутную книжку они так и не сдали. — В голосе Воронова прозвучало сожаление. — Четыре дня потеряли...

— Теперь это уже не имеет никакого значения, — сказал прокурор.

— Почему?

— Отсюда они не ушли. А по вашим же расчетам они здесь были десять дней назад. Или вас все еще одолевают сомнения?

Это было продолжением вчерашнего спора в пилотской. Воронов хмуро перелистывал маршрутную книжку. Вместо ответа на вопрос прокурора он пожал плечами. Да и что он мог сказать? В палатке сосновцев был такой беспорядок, что сама собой напрашивалась мысль о драке. А согласившись с версией о драке, нужно было согласиться и с выводом, что искать надо не живых, а мертвых. И искать на том же самом склоне, где был найден труп Сосновского.

...Шесть часов вечера. На оленьих шкурах прямо на снегу лежат радист Гольшкин и Воронов. Сквозь треск костра до меня доносится голос Воронова и писк «морзянки». Воронов диктует медленно, по нескольку раз повторяя одно и то же слово: «Двигаясь в непогоду, группа Сосновского могла принять гребень отрога горы «1350» за перевал в Соронгу. Поэтому ночью при отступлении они могли перепутать азимуты и вместо отхода к Малику, где у них была прежняя стоянка и где они, возможно, оставили часть продуктов и снаряжения, в лабазе, они отступили к Соронге. Но главной загадкой остается выход всей группы из палатки. Единственная вещь, кроме ледоруба, найденная вне палатки, — китайский фонарик на крыше — подсказывает, что сначала из палатки вышел один человек, тепло одетый. Вероятно, он своим поведением или криком заставил всех остальных поспешно бросить палатку...» Воронов приподнялся на локте.

— Продиктуешь? Мне надо поговорить с Васюковым.

Я ложусь на место Воронова. Оленья шкура пахнет псиной. Жора подталкивает фонарик.«... Причиной могла быть смертельная угроза, нависшая над жизнью вышедшего или необыкновенное явление природы, вызвавшее ужас, или еще какая — то причина, которую мы не знаем.

Завтра откапываем палатку и продолжим поиски в долине Соронги...»

Ночью я спал плохо. Спать вдвоем в спальном мешке — наказание. Онемело бедро. Утром обнаружил, что спал на фотоаппарате.

В восемь часов утра радист Гольшкин связался с Кожаром. Штаб запросил погоду для вертолетов. Запросил также точное описание избушки, найденной Лисовским. Зачем?

Удивлен и Лисовский: «Я ведь уже сообщал... Избушка без крыши, стоит на берегу Мяпин — Ия, двери сорваны, внутри забита снегом. Никаких следов. Сдалась им эта избушка!»

Жора передал ответ Лисовского, попросив разъяснений, но Кожар ограничился только обычным: «Вас понял, текст принял».

После обмена радиограммами весь отряд, за исключением дежурных и радиста, ушел наверх. Воронов приказал взять лыжные палки, веревки и подбитые оленьим мехом мансийские лыжи. Лыжи с веревками лежали у палатки. Все понимали, для чего они нужны, и обходили их стороной. На этих лыжах должны поднимать на перевал труп Сосновского. В

конце концов лыжи взяли проводники — манси.

Я остался в лагере. «Ты собираешься с нами? — подошел ко мне Воронов. — Видишь ли, прокурор хочет сейчас составить протокол о Сосновском. Мы у трупа были втроем, ты к тому же фотографировал. Я понимаю, что это тебе не по душе, но я никак не могу с ним сидеть...»

Одним словом, мне пришлось писать протокол.

Новиков диктовал медленно, без конца уточняя формулировки, и я решил, что этой работе не будет конца, как вдруг с перевала донеслись выстрелы.

— Опять кто — то пропал? — насторожился Новиков и поспешил закончить протокол.

Новиков ошибся. Стреляли из ракетниц, указывая посадку вертолету, который привез продукты. Прилетел и капитан Черданцев с четырьмя оперативниками. Капитан со своей командой сразу спустился вниз, в долину.

Когда мы с Новиковым выбрались на плато, вертолета уже не было.

Весь километровый спуск от найденной палатки до сосны, где был обнаружен костер, усеян острыми камнями. Камни торчали, словно противотанковые надолбы. Между ними виднелись наледи. Здесь, на склоне вершины «1350», берет свое начало река Соронга. Подземные ручьи прорывались сквозь снег и разливались между камнями. Повсюду поблескивал желтоватый лед.

Поиски велись по всему склону — от палатки до сосны. Выстроившись в цепочку, туристы через каждые два — три метра протыкали снег лыжными палками, пытаясь на ощупь определить, нет ли под снегом трупа. Воронов составил схему поисков таким образом, что на каждый квадратный метр наста приходилось по два — три прокола. Часть ребят бродила с палками. вокруг сосны, в мелком ельнике. Снег там доходил им до пояса.

Это был изнурительный труд. Чтобы проткнуть двухметровый слой снега, требовались большие усилия. Все тело спасателя в напряжении, в ожидании, а в душе у каждого, наверное, противоречие: быстрее бы закончить прощупывание и не дай бог, чтобы под снегом оказался труп. И в то же время никто не был уверен, что эта работа вообще даст какие — нибудь результаты. Отличить под толстым слоем снега замерзшего человека от кочки почти невозможно. Воронов все сомнительные; места сам прощупывал дважды, а то и трижды.

Прокурор с тремя туристами откапывал палатку, я фотографировал долину, останцы, предполагаемый путь их отступления. Все что — то делали, но я не мог отделаться от ощущения, что мы занимаемся совсем не тем, чем нужно. Никто не может дать ответа на главный вопрос: кого нам надо искать — живых или мертвых?

Во второй половине дня над долиной появился самолет, сделал круг и сбросил вымпел. Я засунул фотоаппарат за пазуху и подошел к Воронову.

— Вот, читай, — протянул он мне скатанный в трубку твердый листок бумаги.

«Воронову. Предлагаю немедленно отправить группу с комплектом снаряжения и продуктов на поиски избушки в долине Соронги. Кротов»

— Значит, есть какие — то новые данные, — радостно сказал Воронов. — Может быть, речь идет еще об одной избушке?

— Ты рад?

— Прощупать снег мы всегда успеем. Разве не так? Поиски спешно прекратили. Все, за исключением прокурора и его помощников, разбиравших палатку сосновцев, вернулись в лагерь. Спасатели недоумевали: выходит, Лисовский нашел что — то не то? А может, просто проверяют?

Перед Вороновым дилемма: выходить сейчас или утром? Через час должны наступить сумерки, а за час можно только перевалить в долину и ночевать пришлось бы у входа в каньон, как раз в том месте, где нашли остатки костра. Воронов колеблется.

Пришел прокурор с тремя спасателями. Оказывается, пока мы дебатировали, еще раз прилетал вертолет. Летчики забрали палатку, тело Сосновского и найденные вещи. Кое — что прокурор принес с собой: бинокль, блокнот с туристскими песнями и две тетради в

клеенчатых переплетах.

Но никаких приказов из штаба летчики не передавали, прокурор с командиром вертолета разговаривал сам.

— Ерунда, — сказал Новиков, узнав о приказе штаба идти на Соронгу, — я уверен, что в этом нет никакой необходимости. На Соронгу они попасть не могли никак. Значит, и искать там нечего. Обследование палатки подтвердило версию следствия...

Прокурор коротко рассказал о том, что они увидели, когда откопали палатку полностью: палатка разрезана в трех местах, видимо, ножами. Изрезана та боковина, что обращена к склону. Внутри все вещи перевернуты. Нашли в палатке продукты — сухари, ветчину, сахар, одежду и обувь — семь пар ботинок и три пары валенок.

— Они могли уйти и без обуви, — сказал Воронов.

Без обуви? По снегу? Потом я вспомнил про Сосновского: у него к ногам были привязаны куски коры.

— Ваши предположения фантастичны, — с раздражением сказал прокурор. — Вы забываете, что они чреватые неприятными последствиями. В штабе, конечно, достаточно трезвые люди, но прислушиваются больше всего к вам...

— Об избушке в долине Соронги я ничего не знаю, вернее, узнал из той самой радиограммы, которую читали и вы.

Воронов говорил вежливо, но, видимо, это ему давалось с трудом.

— Я знаю, что штаб во многом руководствуется вашими соображениями, — упрямо повторил прокурор. — Вы по — прежнему считаете, что они живы?

Вопрос был, как говорится, задан «в лоб». До этого прокурор избегал высказываться в таком тоне, он предпочитал недоговаривать, отлично понимая, что единомышленников среди спасателей не найдет, как бы ни очевидны были факты, подтверждающие его точку зрения. И вот теперь — разговор начистоту. Это было и предупреждение: что бы ни случилось с любым из спасателей, отправленных на Соронгу, отвечать будет только Воронов. И Воронов это отлично понимал.

— Да, считаю. Во всяком случае, мертвых мы успеем найти всегда.

Это был отказ, пусть и в вежливой форме, продолжать завтра прощупывать снега на склоне.

— Вот как? — удивился прокурор. — Но ведь вы...

— Я получил приказ отправить людей на Соронгу!

Новиков усмехнулся:

— Приказ... Ну что ж, приказы надо выполнять. Больше он Воронова не трогал. Подсел поближе к печке, у которой висела «летучая мышь», углубился в дневники сосновцев. Было ясно, что он решил дожидаться вечернего сеанса связи с Кожаром.

После ужина все собрались у рации, которую Жора Гольшкин укрепил на березовых колышках, Жора тщетно пытался поймать Москву, чтобы узнать точное время. Он должен был выйти в эфир ровно в 18 часов.

Наконец рация ожила. Кожарский радист работал на ключе, а Жора расшифровывал вслух: «Сообщите результаты поисков. Есть ли продукты? Сколько обмороженных и больных?»

И ни слова об охотничьей избушке.

— Запроси — ка, Жора, — не вытерпел Лисовский. — Чего они там морочат голову с избушкой? Ведь мы нашли в ней только снег...

— Тише!

Новая радиограмма. «Морзянка» пищит, как мышь. «По сведениям местных жителей, избушка на Соронге посещается охотниками. В ней должны быть продукты и запас топлива...» Значит, Лисовский нашел не ту избушку?

— Там были дрова? А продукты?

— Да что вы, ребята? Белены объелись? — обиделся Лисовский. — Один снег там. А лопат у нас не было,

— Тише! «Завтра бросим всю авиацию в верховья Соронги. Точные координаты избушки неизвестны...»

Поздно вечером Воронов подсчитал: за день прошупали под снегом около десяти тысяч точек.

Десять тысяч поделить на двадцать — пятьсот на каждого... А снег спрессовался, лыжные палки проходят наст только под тяжестью тела...

— Сколько человек пойдет завтра на Соронгу? — спросил я Воронова.

Валентин Петрович оторвался от карты, неопределенно пожал плечами:

— Все будет зависеть от погоды.

И в это время к нам подсел прокурор. В руках у него была одна из тетрадей, найденных им в палатке.

— Намечаете маршрут на Соронгу? — спросил он и, не дожидаясь ответа, добавил: — Я все же попросил бы вас людей не отправлять.

— Пойдет одна группа.

— А, понятно.

Новиков повертел в руках тетрадь.

— Это дневник группы, — сказал он. — Полистайте, может быть, найдете что —нибудь...

— А остальные тетради?

— Дневники Коломийцевой и Васениной. Читайте пока этот, потом я вам дам остальные.

От Воронова дневник попал ко мне... Мы листали его с конца. Всех прежде всего интересовали последние записи.

19

«5. II. 1962 г.

Сегодня восьмой день лыжного похода. В среднем мы делаем в день 20–25 километров. От графика отстаем на полдня. Вчера задержались из — за плохой погоды.

Завтра должны подняться на Рауп. Температура — от 6 до 20 градусов мороза. Часто идет снег. Сильный западный ветер. На плато между вершинами «1350» и «950» ветер достигал силы 10 баллов. Подъем были вынуждены прекратить.

Сегодня сначала проголосовали за дневку, но после обеда решили выступить, чтобы завтра иметь больше светлого времени для изучения озера на Раупе.

Поход закончим в срок.

Г. Сосновский».

Листая дневник в обратном порядке, я добрался до страниц, помеченных четвертым февралем. Они были написаны Коломийцевой.

«4 февраля.

Сегодня ко мне в руки, наконец, попал групповой дневник, и у меня волосы встали дыбом. Что ни строка — то Люська. Да есть ли у вас хоть капля совести? Я вас кормлю, я вам пою песни... Ну, подожди, вундервунд!.. Небось не пишешь, как каждое утро мы ругаем на чем свет тебя и Норкина. Эти негодяи встают раньше всех и умудряются так перепутать все вещи, что даже палатка дрожит от негодования. А потом вместо физзарядки все бросаются их искать, чтобы отколотить за проделки. Норкин защищается и рычит, а с Броневского как с гуся вода. Мы его с Васенкой колотим, а он только ухмыляется во всю рожу. «Согрелись, девочки? И я согрелся. Хорошо боксируете!» Перед завтраком Вадик успел смастерить санки. Новое изобретение ученого — самоучки! Полозья Вадик выстругал из березы, вместо поперечных брусьев пошли обломки лыжной палки. «Порядок!» — гордо заявил он. А через десять метров санки вместе с гордым изобретателем утонули в сугробе. Вадик способен придумать что угодно, он способен целыми часами развивать сногшибательные идеи, но все его идеи тонут, как эти санки в снегу.

Ура! Наконец — то мы добрались до Малика! Даешь Рауп! Малик — последняя речка, по которой нам предстоит карабкаться на хребет. Послезавтра мы будем штурмовать Рауп. Кто, интересно, будет спускаться в озеро? Наш начальник, конечно, опять проявит деспотизм и полезет в озеро сам. Ну, голубчик, на этот раз номер тебе не выйдет!

После трех — четырех километров по льду Малика опять полезли на откос. Нелегкая эта была затея и совершенно ненужная, так как все равно надо идти по Малику. Но ненормальный вундервунд, первым взобравшийся на откос, так отчаянно орал и размахивал руками, что все потеряли головы. «Рауп, Рауп, сюда!» И когда я, наконец, выпрямила спину и перевела дыхание, я, честное слово, простила Броне все его проделки. Вот он какой. Приполярный Урал! Честное слово, ни на Волчихе, ни на Молебном Камне, ни даже на Яман — Тау я не видела таких гор и такой дикой местности, как здесь, в Приполярье. Разве там Урал? Урал, настоящий Урал можно увидеть только здесь.

«Смотрите, смотрите!»

На севере тучи вдруг раздвинулись, и в просвете между ними загорелись две совершенно одинаковые вершины. Вот картинка! Два лысых гольца, проткнувшие тучи, были залиты кровавым закатом. Неужели это тот самый Рауп? Впечатляет!

Исторический момент был ознаменован внеочередным привалом. Все шестеро сидели на поверженной ветром сосне, болтали чунями, уплетали колбасу и, разумеется, на чем свет поносили жадюгу — начхоза, то есть меня. Троглодиты, а не туристы!

А потом мы стояли кучкой у последней лиственницы. Прощались с Маликом. Перед нами перевал в Соронгу. «Подье — ем!» — раздалась начальственная команда. Последний взгляд на Малик, и мы провалились в метель. Исчез в снеге последний ориентир — высокая сибирская лиственница. Ветер встал на пути стеной. Снег сечет по лицу, как песок.

Отдыхаем под скалами. Здесь тихо, уютно. Мечта! Камни издают протяжные звуки, прямо — таки поют. В скальных карманах зеленеет ягель и синеют крупные ягоды голубики. ...Возвращаемся к Малику. Погода ухудшилась, и Васенка неудачно хлопнулась.

Л. Коломийцева».

Последняя фраза была подчеркнута синими чернилами. Авторучка в отряде была только у прокурора, я писал ею протокол.

— Прочли? Разрешите, я еще раз гляну.

Прокурор требовательно протянул руку. Групповой дневник пришлось отдать.

Я взял дневник Васениной. Открыл тетрадь посередине и стал искать последние записи. В одном месте я наткнулся на закладку, ее, видимо, сделал прокурор, а может, и Воронов, он тоже листал дневники с конца...

«...Я шла по следам Вадима, и ветер до меня доносил обрывки фраз:

— ... Человек отличается от животного тем, что он при желании может понять свою подлость. Но он не хочет. Животным оставаться проще — хватай, тяни, жуи! Инстинкт превыше всего!

Это Коля. Сколько же мусора в его аполлонской голове!

— ...В жизни человека три абсолютные величины: рождение, любовь и смерть.

А это уже Вадим. Странно слышать, что наш флегматик в абсолютный постулат возвел не только рождение и смерть, но и любовь. Наверное, он и в самом деле очень любит свою Ляльку, хотя ни разу за весь поход не вспомнил о жене. Лялька даже не пришла провожать его на вокзал. И в комнате ее не было. Как странно! Он ничего не хочет о ней говорить, а видно, страдает. Значит, любит. А что такое любовь? Тахир и Зухра? Ромео и Джульетта? Это в книгах. А в жизни? За что я полюбила Глеба?

...Снова повалил снег, день посерел, стало холодно, неудобно. Мы укрылись под скалой, потому что снег густой и сырой, лыжи через каждые пять минут превращаются в тракторные сани. А утро было такое ясное, что нельзя было оторвать глаз от неба. И вдруг на юге, там, где мы были три дня назад, сквозь дымку проявился величественный Тур — Чакыр. По лесистым отрогам, по снежным морщинам по откосам скользила тень единственного облачка, сорвавшегося с Тур — Чакыра. Я, кажется, заговорю стихами, но, честное слово,

такого утра я давно не видала. Зовут. Снова в путь — дорогу...»

Бумага покоробилась, во многих местах карандаш стерся так, что нельзя было прочесть ни строчки. Я перебрал несколько страниц. И вдруг мое внимание остановила фраза: «Я сделала несколько шагов в сторону и тотчас отчетливо услышала стон...» Что — то тревожное почудилось мне в той строке, и я вернулся назад, на предыдущую страницу.

«...Я лежу в палатке, меня бьет озноб. Глеб навалил на меня все теплые вещи, а я все равно не могу согреться. Глеб ушел, я достала дневник. Дневник мне всегда помогал успокоиться.

«Всю ночь я слышу вздохи странные, у изголовья слышу речь...» Когда пришли в голову эти стихи? Они звучат в голове, как навязчивая мелодия, я никуда не могу от них уйти. Что же со мной случилось?

К вечеру 4 февраля мы вышли из ущелья Малика и поднялись на перевал. Дул сильный западный ветер. Мы закутали лица шарфами, надели маски, натянули вторые варежки и свитеры. Идти было трудно. Снег так обледенел, что палки скользили и приходилось делать невероятные усилия, чтобы сохранить равновесие. Ветер швырял в лицо пригоршни колючих снежинок, залеплял глаза. Где — то слева в метели скрывалась вершина «1350», по траверсу которой мы должны подняться на Главный хребет.

Тайга сменилась карликовым лесом. Перекрученные стволы клонились к тайге, словно просились под защиту высоких сосен. Своим фантастическим видом они напоминали застывшие языки пламени. Я отчетливо помню, как подняла голову и увидела, что карликовый лес под ветром вдруг заволновался и на секунду выпрямился. Но мне только показалось: налетел ветер, а странный лес даже не шелохнулся.

А потом пошли кусты можжевельника. Чахлые ветки кланялись каждому порыву ветра и бились о наст. Сквозь неумолчный свист доносились звенящие звуки. Словно где — то вдали нестройно звенели колокола. Да, я хорошо помню, что в этой пустынной местности я почувствовала какую — то тайну. Кажется, уже тогда мне стало не по себе.

Наша реденькая цепочка так растянулась, что я видела перед собой только синий рюк Васи Постыря. Бася согнулся в три погибели, шел как — то боком, то и дело сверяясь с компасом. Он сегодня рисовал кроки. Рисовал небрежно, в варежках. Очень сильный ветер. А Глеб был от меня далеко. Он шел замыкающим. Я оглянулась и потеряла равновесие. Упала на бок. С трудом поднялась на колени, потом оглянулась. Вася исчез. Справа что — то чернело. Я сделала несколько шагов и тотчас отчетливо услышала стон. Душераздирающий, ужасный стон!

Я остановилась. Меня просто не держали ноги. И никого из ребят!

Метель вдруг унеслась вниз, и передо мной выросли шесть гигантских человеческих фигур — заснеженных, обледеневших.

Они двигались прямо на меня. Я хотела отпрыгнуть в сторону, но метель сильно ударила меня в спину, и снова раздался этот невыносимый стон.

Больше я ничего не помню. Видимо, я оступилась и упала лицом на наст.

Первое, что я увидела, когда пришла в себя, — глаза Глеба. Ко мне пришел запоздалый страх.

Глеб поднял мою голову. Надо мной висела скала, слева в расщелине я увидела огромные ягоды голубики. Глеб проследил за моим взглядом и сорвал несколько мерзлых и кислых ягод. И вдруг снова откуда — то сверху на меня обрушился стон.

Я закричала: «Глеб? Ты слышишь?...»

Он меня успокаивал, как ребенка: «Ничего не случилось, ты просто неудачно упала и немного разбилась».

Осторожно вытер мне лицо платком, и я почувствовала на губах что — то соленое. Совсем рядом я увидела огромные пятна крови, и у меня снова начала кружиться голова.

— Ты упала и разбила нос, — говорил Глеб. — Но кровь уже не идет.

Просто смешно: разбила нос, а так испугалась. Я, видимо, попыталась засмеяться, но смеяться было почему — то больно. Я закрыла глаза и вдруг отчетливо увидела керосиновую

лампу, зябкие тени по стенам, карие немигающие глаза и голос — протяжный, пронизанный какой — то тревогой: «Ан — ана! А вдруг проснется Тумпа — Солях?...» Так вот кого я увидела в метели!

Я услышала голоса подходивших ребят. Норкин говорил:

— Понимаете, эти останцы так выветрились, что готовы рухнуть в любую минуту. Пять скал. Словно пятерня торчит из земли.

— Ты говоришь «пять»? А не шесть?

А это Глеб. В его голосе тревога. Значит, я ему сказала, что их было шесть?

— По — моему, пять. Но самое любопытное, что они выстроились по ранжиру. Впереди самый высокий, замыкает самый маленький камень. Я даже азимут засек: северо — северо — запад. А воют! Прямо джаз Лундстрема!

Тут только Вася заметил меня:

— Что я вижу? Некоторые отдыхают лежа? Я видела недоумение на лицах ребят, но я не могла ничего объяснить им, я только просила:

— Уйдем отсюда. Уйдем скорее...

Останцы? Значит, это были останцы? Не шесть, а пять.

Наверное, все это мне померещилось? Не было ни стонов, от которых останавливается сердце, ни этих грозных гигантов, чуть не растоптавших меня... Не было? У меня ужасно болит голова. И все в голове перепуталось. Я не знаю, чему верить, что было, чего не было. Тумпа — Солях? Господи, бред какой — то. Но я же хорошо их видела, я же отлично знаю, что именно из — за них я упала и разбила лицо. И потом — этот стон! Даже сейчас в палатке стоит мне на секунду закрыть глаза, и вновь я вижу метель и зловеще нависшие надо мной фигуры великанов. И совершенно отчетливо слышу душераздирающий стон...»

Нет, великаны Неле не померещились. Я испытал такое же почти потрясение, когда мы с прокурором догоняли спасателей, ушедших за перевал.

На плато нас встретил пронзительный ветер. Поднимались медленно, на границе леса сняли лыжи и тащили их за собой на шнурах. Дышать воздухом, наполненным мельчайшими льдинками, было трудно, и мы часто останавливались.

Делая глубокий вдох, я поднял голову, и вдруг высоко надо мной возникли шесть заснеженных гигантов. Вот — еот подомнут, раздавят! Впечатление было подавляющим.

Я сделал шаг вперед, и все исчезло. Передо мной были просто камни — останцы.

Я отступил и стал искать точку, на которой камни превращались в людей. Шаг назад, чуть влево и вновь шесть гигантов. Нависли надо мной, того и гляди раздавят, как муравья.

— Что вы топчетесь?

Новиков был раздражен. Я оглянулся и увидел, что стою на его лыжах.

Точку, когда останцы превращаются в братьев Тумпа — Солях, еще раз я так и не нашел. А когда рассказал об этой удивительной метаморфозе прокурору, он пренебрежительно отмахнулся: «Мало ли что может померещиться в метели!» Да я и сам вскоре решил: это снежный мираж, никаких идиолов не было. И вдруг — эти страницы в дневнике Васениной.

Продолжить чтение дневников в тот вечер не удалось. Пришла новая радиограмма из штаба, наконец, разъяснившая, что существование охотничьей избушки на Соронге подтверждает восьмой член группы Александр Южин. Штаб предполагает, что пропавших туристов можно искать только там и только лыжными поисковыми отрядами, так как вертолеты и самолеты не летают. Улучшение погоды ожидается послезавтра.

Воронов начал инструктировать туристов, которые пойдут в спасательном отряде, проверять их снаряжение. Во главе группы должен пойти капитан Черданцев. Расстроенный Лисовский — его больше никто не слушает: «Что ты там нашел? Сарай?» — с вызовом спросил Воронова: — «А я, что, в лагере останусь?»

— Если можешь, пойдешь с Черданцевым, — спокойно ответил Воронов и еще уточнил: — Вообще окончательный отбор добровольцев будет после подъема на плато, перед спуском.

Мне Воронов предложил лечь спать, с тем чтобы завтра я дежурил с утра.

20

В этот день меня разбудили дежурить в шесть часов.

Пошевелился — кто — то прочно держит за волосы. Когда окончательно проснулся и ощупал голову — сообразил, что ночью с головы слетела шапка и волосы примерзли к палатке.

Попробовал встать — ноют ноги, ноет шея. Голова гудит, перед глазами плывут яркие фиолетовые тени. Шаг, поклон с усилием, хруст наста, вздох облегчения. Снова шаг, снова поклон. Поклон этой зловещей долине... Сон? Если бы это был сон!

Тайга ночью, особенно в бурю, производит жуткое впечатление. Все гудит, воет, качается. Метет снег, залепляя ели так, что дерево можно отгадать лишь по острой верхушке. Но еще неприятнее в такую бурю в нашей палатке. Укрепленная кое — как, она вся скрипит, шевелится, и кажется, что при очередном порыве ветра она рухнет на раскаленную печку и людей.

С перевала доносится заунывный вой. Проклятое место! Судя по вою, погода явно нелетная. Воронов вчера высказал предположение, что Сосновцы покинули палатку в такой же бешеный ветер. Можно только удивляться, как они вообще добрались до леса. Ураган сбивает с ног и гонит людей по плато, как перекасти — поле.

Мутный жидкий рассвет. Сегодня 17 февраля. В семь часов я поднял на ноги дежурных поваров, а в восемь — всех остальных. Поднимались с трудом, хмурые и невыспавшиеся. А вернее, неотдохнувшие. Чувствуется, что спасатели вымотаны до предела. Не удивительно: по подсчетам Васюкова, его отряд на лыжах по Приполярному Уралу прошел почти пятьсот километров. Из похода и сразу в поиски.

В 8.30 Кожар запросил погоду. Воронов коротко бросил Голышкину: «Ответь — скверная», а Жора все это перевел в метры, баллы и градусы.

В конце концов, ледяная вода в Малике и разминка сделали свое дело — спасатели заторопились. Шестнадцать человек, наскоро проглотив кашу, колбасу и какао, натянули рюкзаки и начали цепочкой подниматься к перевалу. Мы с Вороновым пошли провожать их.

На плато один из туристов упал и порезал руку. Наст такой жесткий, что режет все: обувь, одежду, даже лыжи.

Едва вышли из леса, как нас подхватил и закружил бешеный ветер. Ничего не видно. Сбились влево, больше часа плутали по плато. Хорошо, хоть ветер был теплый, а то бы все поморозились. Через каждые пять — десять минут ветер вдруг спадал и наступала кратковременная передышка. Тогда над головой проявлялось ясное солнце, и видно было, как из — за вершины «1350» стремительно выкатывается очередной снежный шквал и несется в долину и на плато.

Отдышались в затишье, за останцами. Чертово плато! На лыжах не пройти — переломаетесь на камнях, а пешком — наст не держит, проваливаетесь в иных местах по пояс.

Добровольцы готовились к спуску. Капитан Черданцев из шестнадцати отобрал четверых и Лисовского.

Когда все связались в цепочку, Черданцев махнул рукой, и шестеро добровольцев медленно спустились в метель. Они шли, согнувшись под ветром, след в след и через минуту полностью растворились в снеге.

На обратном пути в лагерь я все же обморозился. Щека горела так, что к ней страшно было притронуться. Теперь я оценил преимущества маски — увы, маски у меня не было.

В лагере Новиков сидел над дневниками. При нашем появлении он поднял голову и спросил Воронова коротко:

— Отправили?

— Да, — так же коротко ответил Воронов. — Пошли шестеро.

Прокурор хотел что — то сказать, но передумал, только махнул рукой и снова углубился в дневники. Он листал одну из тетрадей, временами заглядывая в другую. Не глядя на меня, протянул мне третью тетрадь. Дневник, или вернее, записная книжка Люси Коломийцевой. Я узнал ее почерк, виденный вчера в групповом дневнике. Даты, как и у Васениной, чаще всего отсутствуют. Я начал, конечно, с последней записи.

«Что за день!

Однажды мама мне сказала: «Уж очень ты любвеобильная, Люська». Она, наверное, права. Потому что сегодня я влюбилась в Броню. И не потому, что он именинник. Наш Броня сегодня был просто потрясающий! Он весь сиял и светился, как новенький рубль. Мечта!

Когда Толя счастлив, он не может молчать. В такие минуты он жаждет осчастливить мир и нас, в частности, своими грандиозными планами. «Братцы, я вам построю такой дом, что вы ахнете. Вы не думайте, что если я не архитектор, так не могу строить дома. Я построю вам дом, в котором не будет ни одного несчастного, в котором никто никогда не будет плакать. Мой дом будет вмещать тысячу квартир и будет стоять на берегу реки. Или на берегу озера. В нем будут только южные квартиры и ни одной северной. Понимаете, в плане он будет выглядеть как треугольник. Ни черта вы не понимаете! Все вы мезонщики. Пи — мезон, ми — мезон... Кому нужны ваши атомы?»

Но тут уж все дело испортил Вадька. Взял да и обиделся: у него вообще с утра клюква во рту. Среди нашей семерки пятеро физиков и только Вадька — настоящий ядерник. Конечно, его задела пламенная речь именинника больше всех. Вадька, когда обижается, всегда смотрит на обидчика сверху вниз и бубнит как в бочку: «Только прорабы...» (в «прорабы» Вадька вложил с полкилограмма яда), «... только прорабы могут перепутать Бора с Даллесом».

А Броне море по колено! «Не будь Бора и Оппенгеймера, Хиросима и Нагасаки не были бы сожжены бомбами».

Боже, как мало надо, чтобы люди полезли на стенку. Петухи! Мои милые добрые парни, чтобы не поделили? Вадька петушится и наскакивает на любого, кто не согласен с его взглядами на физиков и физику.

«Давай коллективно плюнем на бомбы», — уже шел на мировую Броня. В конце концов Вадя все же успокоился, и Броня перешел на тему о Раупе: «Откроем на Раупе целебный источник?! Вот это было бы здорово! Представляю: Полярная Мацеста. «Сообщение ТАСС. На Приполярном Урале группой туристов — энтузиастов открыто теплое озеро, содержащее целебные воды». Даешь Мацесту, Рауп!»

Броня просто приплясывал от восторга. Он смелыми штрихами на снегу прокладывал бетонные шоссе и рисовал необыкновенный дворец.

«Здесь Приполярье. Здесь мало солнца. Так сделаем и крышу курзала стеклянной! Куполом. А оболочку можно поставить на растяжках». В общем, Броня сегодня был просто чудо.

Вдохновение — сестра таланта. Это тезис Вадьки. Если он имел в виду Броню — он тысячу раз прав. От поздравлений Броня совсем захмелел, Всю поляну изрисовал. Снежные санатории, снежные города, снежные дворцы...

Какая же красотища здесь! На перевале в Соронгу нас приветствовали шесть витязей — останцев. Свистят, дудят, улюлюкают, негодяи. Совсем как болельщики на стадионе. До смерти испугали Васенку. А Броня убежден: неспроста, говорит. Клад сторожат. Эти осташки, пожалуй, повнушительней не только Семи Братьев на Таватуе, но и идолов на Мань — Пупы — Нёре.

Ну и погода! На перевале «реве та стогне», а здесь, на биваке, царство тишины. Стукнешь палкой по елке, а на тебя снегопад. Глеб ткнул палкой, палка двухметровая, а до земли не добралась. Вот так Малик! Мне бы такую шубу.

Эх, что может быть прекраснее горного воздуха? Где еще можно встретить такие могучие кедры, кронами под облака? Сказка. Где еще можно так крепко выспаться, как в дырявой палатке на высоте тысячу метров! Что может быть прекраснее чувств туриста, на

четвереньках вскарабкавшегося на вершину? Ничто и нигде!

А Васенка сегодня что — то грустная. Поссорилась с Глебом, что ли? Сидит в палатке, все пишет...»

Неожиданно около палатки раздался шум. Громко говорили о каком — то лабазе, продуктах и лыжах.

Я вышел. У костра Корольков — перворазрядник из отряда Васюкова — рисовал на снегу схему Малика.

— Вот здесь наша палатка, а вот здесь мы его и нашли.

Нашли лабаз сосновцев. Лабаз был почти рядом с нами, чуть выше по Малику. Посреди полянки возвышалась снежная пирамида, увенчанная парой лыж. Можно было только удивляться, как эту пирамиду не заметили раньше — наша лыжня проходила в десяти метрах.

Новиков с неохотой оторвался от дневника, пошел вместе с Вороновым и со мной осматривать находку.

В лабазе обнаружили десять банок молока, тушенку, масло, сахар — одним словом, пятидневный запас продуктов. Сверху гитара, пара лыжных ботинок, пара теплых войлочных.

Стоя на полянке, я вдруг ясно представил себе сосновцев. Здесь они отдыхали перед восхождением. Между двух кривых берез у них была натянута палатка — на березках остались следы от веревок, перед палаткой горел костер, — под снегом там нашли угли. Кто — то из них играл на гитаре, пел песни... Тишина, снежное безмолвие. Лишь периодически со стороны останцев доносятся стоны.

Лабаз — еще одна утраченная надежда.

Воронов и я вернулись в лагерь. Прокурор, верный своему долгу, остался составить протокол на месте находки.

Группа Черданцева уже была в лагере. Не пробились! Двое обмороженных, один на плато при возвращении повредил ногу.

Вход в каньон они не нашли. Назад возвращались по компасу.

— Идти надо верхом, — хмуро подвел итоги своей неудачной экспедиции капитан. — От вершины «950» — та, что за останцами на восток, — надо спускаться к ущелью. Я так думаю.

Больше всех расстроился Воронов. В отряде было уже пятеро обмороженных, а теперь вот еще покалеченный сержант. Лежит, постанывает... Надо его срочно отправлять в Кожар. Ураган, настойчивые приказы из штаба и эта последняя неудача с группой Черданцева. И главное, потерял еще один день. Кто знает, может быть, он будет роковым для пропавшей группы.

— Да, я виноват перед вами, — подошел Воронов к пострадавшему сержанту. — Нельзя было вас посылать в эту трубу.

— Я думаю, завтра мы все — таки пройдем, — настаивал капитан. — Верхом проще, я так думаю...

— Никуда вы больше не пойдете, — вдруг стряхнул с себя оцепенение Воронов. — Как вы спуститесь в ущелье? Вы знаете, какая высота стенок? У нас же нет ни крючьев, ни веревок. Два альпенштока и один реп — шнур на весь отряд!

Потом он опять тяжело задумался. Через полчаса надо докладывать в штаб. А что докладывать? Вернулись, обморозились, у сержанта, видимо, перелом...

Постепенно вокруг капитана с Вороновым собрались все, кто был в палатке. За полчаса нужно было решить и подготовить текст радиogramмы в штаб.

— Что будем делать?

Пришел Новиков от лабаза, нагруженный продуктами.

— Протокол я составил, товарищ Воронов, продукты, я думаю, можно пустить в общий котел.

Прокурор с грохотом бросил рюкзак с консервами около печки.

— О, я вижу, у вас идет совет? Что же решили? Потом он увидел сержанта, корчившегося от боли.

Все сорок пар глаз уставились на прокурора... Будет буря...

Бури не было, Новиков неопределенно хмыкнул и присел возле печки. Он протянул к раскрытой дверце озябшие руки, шевелил пальцами, словно втирал в ладони тепло.

— Ну, так что же вы решили?

— Пока ничего, — сдержанно ответил Воронов. Но спасатели уже зашевелились, заговорили. «Искать... Пробиваться к Соронге любой ценой, »

— Вот как? — удивился Новиков. — А я думаю, поиски надо прекратить. Сколько уже обмороженных и покалеченных? Шесть? По — моему, достаточно. Разве вы не так думаете, Валентин Петрович?

Воронов поморщился, словно от боли.

— Нам надо искать живых, Николай Васильевич. Живых, — повторил он. — Мы не можем бросить товарищей. Они, конечно, ушли по ущелью. Раз они знали об избушке, то ушли наверняка. Нам нужно идти к ним на помощь, я так думаю.

— Я знаю, Валентин Петрович, вы не принимаете версию следствия. Но подумайте сами, как они могли уйти? Искать? Идти на помощь? Вы полагаете, им еще нужна помощь?

В палатке наступила тишина. Прокурора в отряде сторонились, но ни разу еще не чувствовалась такая отчужденность. Может быть, Новиков ощутил эту настороженную и неприязненную тишину. Он продолжал мягче и тише:

— Раздетые, разутые... Двенадцать дней на морозе без продуктов... Валентин Петрович, вы же серьезный человек.

— Они нас ждут, — стоял на своем Воронов. — Вы же читали радиogramму, в избушке должен быть запас продуктов и топлива.

— Вам хочется доказать невозможное?

— Они не могли так просто погибнуть. В группе Сосновского надежные ребята. Два перворазрядника, у остальных вторые разряды. Вы ведь смотрели маршрутную книжку? Читали, сколько у каждого за плечами походов? Закаленные, мужественные люди!

— Опять иллюзии... Почему же тогда не ушел вместе со всеми командир группы? Или иначе: почему группа бросила командира?

— Многие туристы попадают в сложные положения. И все — таки выходят победителями. А сосновцы — очень сильные туристы. Мы должны прийти им на помощь. Я думаю, что скоро вы убедитесь в нашей правоте, — упрямо твердил Воронов.

— К сожалению, вы должны будете убедиться в моей правоте, — сказал Новиков.

После длинного разговора о результатах поисков сегодняшнего дня в штаб была отправлена общая радиogramма:

«Группа Черданцева вернулась из — за метели. Видимости нет. Спуск в долину опасен. Поиски будем продолжать завтра, но половину отряда лучше заменить свежими силами. Необходимо снять группу Васюкова и манси. Погода с каждым часом ухудшается. Нас заваливает снегом. На перевале ураган. Ветер до тридцати метров в секунду. В случае необходимости отряд может отойти по Малику, Северной Точке до заброшенного поселка геологов, где можно забрать людей вертолетом. Отряд в состоянии проделать такой поход за двое суток. Воронов. Новиков».

— Я бы на вашем месте не стал включать в текст радиogramмы слова «поиски будем продолжать». — В голосе Новикова послышалось предупреждение, но Воронов на это никак не реагировал.

— Ну, что ж, каждому свое, — сказал прокурор уже своим обычным бесстрастным тоном.

Когда, наконец, все успокоились и занялись приготовлениями ко сну, прокурор протянул мне и Воронову тетрадь.

— Это дневник Васениной, посмотрите вот с этой отмеченной мной страницы. Обратите внимание: «Ребята поссорились...»

Мы читали дневник вместе с Вороновым, испытывая естественное смущение, неловкость, людей, вторгающихся во что — то очень личное, сокровенное...

21

«Я проснулась от того, что надо мной кто — то монотонным голосом читал Блока: «В даях снежных веют крылья — слышу, слышу снежный зов...» Я открыла глаза — в палатке был морозный сумрак. Никого. А в ушах все звенело и звенело: «Белый зов... зов... зов...»

Я плотно закрыла уши, и все стало тихо. Но тревога не проходит. В памяти возникают случайные, когда — то прочитанные строчки. Они назойливо повторяются, словно испорченная пластинка: «Всю ночь дышала злобой выюга, сметая радость сердца прочь...» Опять «Снежные маски».

В палатке я одна. Вчера я долго не могла уснуть, все казалось, что кто — то ходит вокруг нас и топает. И теперь проспала. А ребята не разбудили. Если бы не холод, проспала бы до обеда. Наверное, решили устроить дневку.

Палатку ребята разбили на берегу Малика. Мы вернулись. И вернулись, конечно, из — за меня.

Какое — то странное место: между сугробов темнеет вода, а вокруг стоят мохнатые угрюмые ели. Малик выбирается из — под сугробов, ныряет в снежные туннели и где — то внизу звенит на перекате. В лесу стоит такая тишина, что страшно вздохнуть, и просто не верится, что на перевале ревет ураган.

Ребята утоптали лыжами снег, набросали под днище палатки для прочности еловых лап, расстелили одеяла, рюкзаки, штормовки, запасные свитеры, куртки.

Я забралась в палатку, а ребята стали готовить костер. Яму под костер решили не рыть. Ребята спилили сосну — сушину, бревна, конечно, уложили гатью и на этой гати развели костер. Возле костра было тихо. Я не помню, чтобы возле костра у нас было тихо. Обязательно рассказывают, поют. Все из — за меня.

А сейчас смеются, Вася Постырь под аккомпанемент гитары поет: «Белым снегом ночь метельная дорожку замела...» А, вот почему ко мне опять явились «Снежные маски».

Как странно: неужели все встали так тихо, что не разбудили меня? Все, наверное, занялись делом, одна я валяюсь. Палатка изнутри успела покрыться инеем, страшно высунуть нос из — под одеял.

Я знаю, что нужно сделать. Нужно рывком сбросить с себя одеяла и куртку и выбраться на свет божий. Нужно размяться, нужно умыться... Господи, сколько этих «нужно»! Только Глеб умеет их стоически не замечать. Он уже, наверное, ушел на перевал. Надо что — то делать. Долой дневник!..

Я так и не выбралась. Только — только собралась, как палатка закачалась, и в нее вполз Толя. Толя, как всегда, запутался в пологе и чертыхнулся. А потом удивленно уставился на меня. Он, видимо, решил, что я уже прогуливаюсь у останцев,

— Ты? Спишь?

— Нет, отдыхаю.

Толя с сомнением покачал головой:

— Что — то не заметно, чтоб ты отдыхала. По — моему, ты еще и не покидала постели.

Толя устроился поудобнее у меня в ногах. Его лицо озарилось вдохновением. Сейчас Толя вспомнит своего любимого Паустовского или начнет читать стихи. Надо его отвлечь от стихов, стихами он может просто замучить.

— Толя, зачем ты пришел?

— За тобой, Васенка! Я хочу тебе объясниться... Нет, нет, не бойся! У меня уже есть кому объясняться. Seriously! Перед походом я получил письмо от Кати. Сорок страниц, представляешь? И она вполне со мной согласна, что у нас должно быть трое парней.

— Ты ей писал о парнях?

— Разумеется.

Глаза у Толи черные, большие и честные. Кажется, не врет. Но... еще не поженившись, еще не назначив даже свадьбы, договариваются о том, сколько у них будет детей! Чудаки.

— Знаешь, я сегодня проснулся, выбрался в лес, а лес — то заколдованный. Понимаешь? Никто никогда здесь не бывал, сотни лет елки — палки стоят под собольими шапками и все думают, думают о чем — то. Ждут, понимаешь. Бову — королевича ждут. Прискачет Бова на сером волке, взмахнет мечом — кладенцом, и сонное царство рухнет к его ногам. Вот я и выломил палку. Меч — кладенец, размахнись! Ох, и задал же я жару боярам — елкам.

Только чудной какой — то. Что с ним случилось сегодня?

— А мне говорят: не бесись. Дай поспать спящей красавице.

Это, конечно, Люська проехала по моему адресу.

— А хочешь, я тебя познакомлю с дедом — морозом? Конечно, хочешь, по глазам вижу!

В общем, Толя все — таки меня из палатки вытащил. Чуть не волоком. Я встала, потом оступилась с тропки и провалилась по пояс в снег. У костра хохочут, а я готова разреветься. Вот дубинушка!

Только потащил меня к берегу Малика. Я посмотрела и ахнула. В глубине крошечной полянки, утонув в сугробе, стоял толстощекий в пышной шапке дед — мороз. Он как будто старался выбраться из сугроба и укоризненно поглядывал на меня.

— Понимаешь, — шепотом сказал Толя, — был еловый пень, а стал дед — мороз.

Я сделала шаг к деду — морозу и тут увидела, что у него под носом покачивается на нитке самый настоящий желтый мандарин. А на сугробе надпись: «Привет новорожденному!»

— Это чудо, — изумился Толя. — Пять минут назад я еще не подозревал, что мандарины могут расти на елках — палках. Ха, да он меня поздравляет! Послушай, Васенка, ведь сегодня пятое февраля! Я ж именинник, черт тебя разбери! Дай я тебя поцелую!

...Я опять лежу в палатке, вспоминаю деда — мороза, вспоминаю, как я отбивалась от поцелуя Толи и как из — за куста раздалось жидкое «ура!».

Когда утихло «ура!», Люська подошла ко мне и деловито осведомилась:

— Нос зажил?

Нос у меня до сих пор болит, но, в общем — то, пустяки. Люська бесцеремонно оттерла меня от Тольки, сама чмокнула его в щеку и торжественно объявила:

— Граждане туристы! Этому оборванцу сегодня стукнуло ровным счетом двадцать один. Здорово?

— Здорово! — заорали граждане туристы.

Толя был счастлив. И правда, много ли найдется на свете людей, кто бы так, как он, отмечал свой день рождения? Мы попели, перед дедом — морозом утоптали полянку и чокались кружками о его пышную шапку. Кто — то плеснул кофе на деда, и шапка «продырявилась». Мне даже жалко стало > такого красавца.

— Понимаете, граждане, — сказал расчувствовавшийся Толя, — в мандаринке восемь долек... А нас семь. Восьмую дольку я предлагаю...

— Имениннику! — закричала Люська.

— Вот именно, — обрадовался Толя. И проглотил.

— Поросенок! — завопила Люська. — Слопал. А я — то, дурочка, надеялась... И что за мужчины пошли нынче?

Господи, что я пишу? На душе скверно, болит голова...

Потом мы спели «Катюшу». В честь Толи. В десятом классе Толя влюбился в свою одноклассницу Катю, Катя уехала учиться в Киев, но Толя ей верен уже четвертый год. Толя рассказывает о Катюше по любому поводу и заявляет, что парней назовет Лесем, Михасем и Петрусем.

У меня в голове какой — то сумбур. Снежные маски, идолы, Толя — именинник, мандарин... Я пишу о чем угодно, только бы разогнать тревогу. Может, я просто устала? На

душе беспокойно, я чувствую себя виноватой и перед ребятами, и перед Глебом.

Совершенно случайно подслушала, как ребята спорили о физике. Я на этот спор не обратила бы внимания, если б не услышала голос Глеба: «Самое страшное на свете — человеческая трусость. Трусость в человеке убивает все человеческое, она делает его подлым животным.»

Я никогда не слышала, чтобы Глеб говорил так резко. Меня не покидает чувство, что это он сказал обо мне. Ведь это я вчера перепугалась идолов, и ребята отступили на Малик... Господи, почему так скверно на душе!»

Читать дневник было трудно. Страницы дневника отсырели, слиплись, их приходилось расслаивать с большой осторожностью. А в этом месте почерк Нели Васе — ниной был совсем уж непонятен. Лихорадочно бегущие, кривые линии.

Мы начали с новой страницы, где не было даты.

«... Я выбралась из палатки и увидела, что Глеб уходит наверх, к останцам. Он спешил, мне показалось, что он уходит от меня.

Я догнала его у самой кромки леса. Здесь уже чувствовалась метель, деревья покачивались и скрипели. По снегу змеилась поземка. Глеб стоял, опершись на палки, и оглядывался. Он ждал меня.

Глеб, мой милый Глеб... Я слышала его дыхание, кажется, слышала даже, как бьется его сердце, но совершенно не понимала, о чем он говорит... Потом я сообразила, что он спрашивает, как я себя чувствую. Я что — то ответила.

— Ты вчера очень испугалась?

— Да. Испугалась.

— Я тоже. За тебя. Тебя поднял Толя, я подбежал позже. Такие идолы... И вправду братья Тумпа. Я как глянул — прямо оторопел. Сейчас тебя прихлопнут палицей. Тебе тоже так показалось?

Он еще что — то говорил — не помню. Потом вспомнил про спор у костра... «Ребята поссорились, да? Это я виноват...»

Мне даже смешно стало на какое — то мгновение. Ничего они не перессорились, просто пошумели, как обычно.

Когда мы спускались к палатке, я вспомнила:

— Зачем ты ходил наверх?

— Смотрел, что на перевале.

На перевале? И вдруг я догадалась:

— Ты не хочешь дальше идти?

— Не хочу. Ты же видела, что там творится.

Да, я видела. Метель. Я представила, что сейчас произойдет у палатки. «Привет, начальник! — скажет Люська. — А поход нам зачтут без Раупа?» И обязательно при этом оттопырит нижнюю губу. Это у нее признак величайшего презрения. А Норкин скажет, глядя поверх головы: «Чмо! Дотопались. Теперь будем драпать». Вадим пожмет плечами и вспомнит какой —нибудь случай из антарктического похода Скотта. Только Постырь, не знаю, как отнесется к отступлению.

— Ты это всерьез?

— Всерьез.

— А если ребята не захотят отступить?

— Ты хочешь сказать — объявят меня трусом?

«Может быть, и скажут...» А сама сказала совсем другое:

— Но говори глупостей. Все знают, что ты не трус.

И от того, что я Глебу сказала не все, что думала, мне стало неприятно. Слово я его в чем — то обманула.

Все получилось, как я предполагала. Только Вадим вспомнил случай не из жизни капитана Скотта, а из своей собственной.

— Однажды я сдрейфил и отказался спускаться по каменной осыпи. Я очень

благородно отошел в сторонку, а вместо меня полез...

— Можешь не продолжать, — хмуро перебил его Глеб. — Я помню этот случай. Тогда было совсем другое дело.

— А ты надеешься без риска пройти все триста километров?

В общем, на Глеба насели здорово. И он сдался. Не сразу, правда, но сдался. Я знала, что так и будет. Он боялся, что ребята обзовут его трусом. А если бы я полчаса назад не промолчала, сказала бы то, что думаю, он бы, наверняка, держался иначе. Потому что я видела по его глазам, что в душе он по — прежнему стоит за отступление. Я знаю, что он всегда был против бессмысленного риска. «Бессмысленный риск в туризме, — говорил он, — то же самое, что для хирурга операция с завязанными глазами».

Но все же он согласился идти к Раупу...

...Меня продолжают мучить стоны останцев. Просто голова болит от них. Я знаю, что это свистит в камнях ветер, мне об этом целый час толковал Толя, потом Глеб, я уверена, что если бы был с нами Саша, то он обязательно бы рассказал какую — нибудь занимательную историю из жизни камней. Я верю, что это обыкновенное, ну, пусть не совсем обыкновенное природное явление, но все равно безобидное, я убеждаю себя не прислушиваться к вою останцев, я стараюсь слушать Люськино сопение, а за всем этим слышу стоны братьев Тумпа.

...У Глеба нет отца. И я своего совсем не помню. Мама говорит, что его убили в конце войны, уже в Венгрии. Грустное совпадение. А в остальном — полное несовпадение. Люська права — у Глеба должна быть необыкновенная жена. Почему я такая трусиха? Может быть, потому, что выросла без отца? Мама ведь тоже трусиха. Она каждый вечер проверит, на оба ли замка закрыта дверь. И форточку на ночь открытой оставлять боится, хотя мы живем на третьем этаже. Это у нее с войны. К нам через форточку воры пытались забраться. И я такая же трусиха.

Боже, опять кто — то ходит за палаткой. Бред. Никто не ходит. Звери в такую погоду сидят в лесу. А может, люди? Чушь!

В том углу, где спит Глеб, палатка совсем продавилась под снегом. Если снег не сбросить, она там прорвется. И Глеба засыплет снегом.

Но какой ветер! И останцы...

Я знаю, что я должна сделать. И я должна это сделать. Должна. Десять раз скажу «должна» и сделаю...»

Только на следующий день, восемнадцатого февраля, мы догадались, что эти, последние строки, были написаны в ту ночь, когда погиб Глеб Сосновский.

22

Утро 18 февраля выдалось ветреное и снежное. Ураган теперь доставал и до нашей тихой стоянки. С вершин падал снег, снег падал с неба, снег заполнил собой весь воздух. Дежурные через каждые пятнадцать — двадцать минут палками сбрасывали снег с крыши шатра, палатка, основательно прогретая изнутри печкой, обледенела и гремела под палками, как жесть. Настроение у всех подавленное, нечего и думать идти в такую погоду на перевал.

Ждали, что скажет штаб. Кожар уже запросил метеосводку — ответили: хуже быть не может. Теперь мы ждали решения. Рация молчала долго. Видимо, там решали. Потом Жора призвал к тишине и начал расшифровывать писк «морзянки». Штаб решил после воздушной разведки района Соронги все самолеты и вертолеты бросить на поиски избушки. Значит, они уверены, что искать туристов надо там. То есть живых.

Один из вертолетов штаб направлял к нам с продуктами и медикаментами. Продукты мы съели еще вчера. А обратно — захватят больных.

Вторым рейсом на Малик будут заброшены саперы с миноискателями. Зачем? Искать под снегом трупы? Миноискателями? По палатке прокатывается нервный смех. Смеются и тотчас давят в себе непрощенное веселье. Над Маликом такой снегопад, что в пяти шагах

человека не видно. А что делается на перевале, одному богу известно.

Жора энергично отстукал: «У нас ураган. Принять вертолеты сейчас не можем».

Через пять минут рация пропищала утешение: «Завтра в вашем районе ожидается улучшение погоды. Барометрическое давление по обе стороны Главного хребта выравнивается».

Потом пошли указания об эвакуации обмороженных и больных и приказ срочно подготовить вертолетную площадку в районе лагеря: вырубить лес на площади сто на сто. Гектар.

Потом уж совсем непонятное: «Держите связь на волне 27,05 метра с отрядами Балезина, Воробьева и Кудрявцева». Дальше сообщались часы связи. Почему с ними связь должны держать мы? Где они?

— У меня на исходе батарееи, — сказал Голышкин. — Я не смогу держать связь по три часа в день.

— Это ты им сообщи. Пусть пришлют новые, — сказал Воронов.

Он поднял голову от карты. Лицо — заросшее, хмурое, с кругами под глазами — осветила слабая улыбка.

— Видишь, — сказал он, подавая мне карту, — этот круг — радиус действия переносной рации. Отряды могли снабдить только переносными, не потащат же они такой чемодан, как у нас. Их, наверняка, забросили сюда вертолетами. Вот в этот круг.

Круг вписывал в себя верхнее течение Соронги с десятком притоков, восточные отроги Раупа и хребтик, который начинался от вершины «950». Это уже были, конечно, не те пять тысяч квадратных километров, о которых говорил полковник. Значит, вертолетчики все же пробились — вряд ли на Соронге погода намного лучше, чем у нас, на Малике. Циклон закрыл облаками и метелями весь Приполярный Урал.

Подошел Черданцев — в штормовке, с рюкзаком. На подбородке болтается маска.

— Играем на картах? Пометь мой маршрут.

Он нагнулся и ногтем прочертил линию от лагеря до вершины «950», а дальше круто изогнул ее к ущелью Соронги:

— Четверых беру с собой, — добавил он. — Через пять минут выступаем.

Воронов молчал. Нахохлился и смотрел мимо капитана, куда — то в угол палатки.

— Я не имею права вас отпустить. У нас нет альпинистского снаряжения.

— Э, — поморщился капитан. — Спустимся. Репшнур я забрал. Не возражаешь? Я их на этом шнуре, как на парашюте, спущу.

Воронов молча пожал протянутую руку Черданцева, молча проводил капитана с ребятами (пошли все вчерашние, за исключением сержанта) до подъема на перевал. И только когда они скрылись в метели, вдруг спохватился:

— У него же двое обмороженных!

В лагере Васюков его несколько успокоил:

— Капитан сала в тушенке наковырял, сделал какую — то мазь. Говорят, здорово помогло. Вам тоже могу дать, — предложил он мне.

Мазь напоминала вазелин, только бурого цвета. Пахла преотвратительно: горелый жир пополам с пихтой. Но щека зудела меньше.

Пока я возился с мазью, Воронов набил свой рюкзак, зашнуровал штормовку и натянул брезентовые бахилы. Я не сразу сообразил, что он собирается идти вслед за капитаном. Просто решил прогуляться по Малику, подобрать новую вертолетную площадку. Удивил меня рюкзак.

— Рюкзак? — усмехнулся Воронов. — Не могу же бросить капитана без подстраховки.

— Но пойми: тебе ведь штаб запретил покидать лагерь.

— Мало ли что можно запретить!

Он опять улыбался, от его подавленности не осталось и следа.

— К вечеру, я думаю, вернемся. Если не спустимся в ущелье. А может, спустимся?

С Вороновым ушли еще пятеро ребят. Взяли с собой |палатку, продукты, ракетницу...

Не вернутся они сегодня. Будут ночевать на хребте, но не вернутся. Это было ясно написано на лице у каждого.

За Воронова остался Васюков. Он принял уход Воронова как должное. Ни тени удивления.

Вторую группу проводили тоже до подъема. Это метров триста по густому ельнику.

— Пока!

Помахали, прокричали «турпривет!» и исчезли в метели.

Вскоре после ухода вороновской пятерки Жора включил рацию. Подошел час связи с поисковыми отрядами.

Первым откликнулся Балезин. Я отчетливо слышал в наушниках его голос. «Алло, ребята! Мы идем по Соронге. Как слышите? Нас перебросили с Тур — Чакыра, как слышите?»

Я вернул наушник Жоре, и он сказал: «Записывай координаты...» Балезин был в районе того самого Мяпин — Ия, где Лисовский нашел избушку. Значит, ищут все — таки ту самую избушку?

Потом на этой же волне заработала вторая рация. В эфир вышел Воробьев. Он сообщил, что в отряде все здоровы, но продвигаются с трудом, так как снег глубок. По координатам выходило, что летчики высадили их километрах в сорока от Соронги, на каком — то притоке. Воробьев просил сообщить в штаб, что они уже сломали две пары лыж и один из спасателей идет на обломках.

Третий отряд в эфир не вышел. Видимо, у них было что — то не в порядке с рацией, так как позже выяснилось, что нас они слышали отлично.

Запросили Балезина о третьем отряде. Он назвал район где — то между нами и Раупом. Это самый северный отряд из всех четырех. Впрочем, сейчас их, считая группы Воронова и Черданцева, в районе Раупа уже шесть. К какой — то невидимой и неизвестной пока точке на Соронге двигались тридцать два человека с четырех сторон. Район поисков уменьшился до сорока — пятидесяти — ти квадратных километров. На карте — миллионке всего — ничего, но чтобы обшарить даже это «всего — ничего», потребуется в лучшем случае три — четыре дня.

Тишина. Все звуки глушит снегопад. Даже треск костра не доносится в палатку. После ухода двух групп к вершине «950» лагерь сразу опустел.

Я вышел из палатки. Откуда — то из глубины леса доносились неясные звуки пил и топоров. Там валили лес, готовили новую вертолетную площадку. Снег падал все так же ровно, мягко и беззвучно. Снег навевал сон, снег подавлял своим безграничным равнодушием. Сразу вдруг заныла обмороженная щека и навалилась усталость.

Я вернулся в палатку, стряхнул толстый слой снега с одежды и сел у печки. Угнетающе действует вот такая бездеятельность: слоняешься, чего — то ждешь, и начинает тебя разъедать тоска.

В лагере остались я и Новиков. Он сидел в палатке у входа, где посветлее, разложив перед собой документы и тетради, найденные в палатке сосновцев. Когда я ему сказал, что к вершине «950» ушел не только Черданцев, но и Воронов, Новиков сделал сожалеющий жест.

Новиков ждал вертолета. В ответ на его сообщение, что следствие он закончил, штаб тотчас сообщил, что он должен вылететь первым же вертолетом. С этим вертолетом должен вылететь и я,

— Вы внимательно читали последние записи Васениной? — вдруг поднял голову Новиков.

— Как будто, — ответил я не очень уверенно. Читать — то я читал, но половину не разобрал — так мелко и так небрежно была исписана последняя страница.

— Как вы думаете, где она могла написать вот это?

Я подошел поближе и наклонился: «Десять раз скажу «должна» и выйду...»

— А вот еще одно место, — сказал прокурор, подчеркивая ногтем: «В том углу, где спит Глеб...». — Выходит, что эти строки написаны не днем четвертого февраля, а ночью, —

усмехнулся он. — В ночь с пятого на шестое...

Я должен отдать дань мужеству Новикова. После того, как им же самим было совершенно неопровержимо установлено, почему туристы покинули палатку, он ни разу не вспоминал о своей «аморальной» версии — ни там, в горах, ни потом, в Кожаре, и сделал все возможное, чтобы предать ее забвению. И тем не менее, «аморальная версия» чуть было не сыграла решающей роли во всей этой истории. Но об этом я узнал уже позже, когда встретился с Сашей Южиным в Кожаре.

23

Саша спал в том самом номере и на той самой кровати, где до отлета в горы жил я сам. Администратор сказал: «Занимайте свое место», — и я его растормошил. Он испуганно подскочил, извинился, и тут я догадался, кто был передо мной. Я тоже извинился. А потом мы разговорились.

— Вы знаете, в старом поселке геологов я сорвался в шурф, повредил ногу и вынужден был вернуться домой, — рассказывал Саша, запинаясь и заикаясь. — До станции меня довез дед. Я не помню, откуда он взялся, как его звали. Помню только, что на нем была заячья шапка. Дед был веселый и на прощание похихикал: «Южин, а ногу сломал на севере».

Целую неделю я сидел дома и злился на себя. Я понимал, что упустил очень интересный поход. Рауп на туристских картах был неисследованным, абсолютно «белым» пятном, о нем ходило много самых невероятных слухов, и было очевидно, что ребята первыми в истории туризма прокладывают тропу к этому Раупу.

К походу мы готовились долго, тщательно изучали литературу, какую удалось обнаружить по этому району, получили задания от геологов...

10 февраля я, как и спортклуб, ждал от ребят телеграммы. Телеграммы не было, но я беспокоиться не стал, так как Глеб, расставаясь, сказал, что контрольный срок переносится на два дня. Вот, понимаете, как бывает.

Саша улыбнулся виновато.

— Продолжайте, я вас слушаю.

— Сейчас я и сам диву даюсь, сколько мы натворили ошибок. Не сдали копию маршрутной книжки, я не сообщил о возвращении... Да вы уже обо всем этом знаете.

О том, что я свалился в шурф, в спортклубе узнали только 13 февраля, когда я, наконец, доковылял до телефонной будки и передал просьбу Глеба о переносе контрольного срока. Я попал на председателя турсекции Гену Воробьева. Он обругал меня и через полчаса был у меня дома. От него я узнал, что на ноги поднята масса людей, на поиски брошена авиация... Понимаете, я рассмеялся: «Глеба ищите?»

В тот же день Гена со спасательным отрядом вылетел в Кожар.

За наших ребят я был совершенно спокоен. В худшем случае Глебу за самовольное перенесение контрольного срока влепят выговор. С часу на час я ждал телеграммы: «Поход окончен, живы, здоровы, турпривет!». Саша опять виновато улыбнулся:

— Вы ложитесь, отдыхайте, я найду себе другую кровать...

Да. А телеграммы не было и на другой день. После обеда я перетянул потуже ногу бинтом и поехал в спортклуб. Там все нервничали, сразу сказали мне, что о нашей группе знают уже в обкоме партии и в Федерации туризма, в Москве. Вот в спортклубе, знаете, я впервые почувствовал себя... нехорошо. Мне пожимали руку, сочувствовали, даже удивлялись, а мне казалось, что за моей спиной говорят: «Это тот самый, единственный...» И тут только я всерьез встревожился за ребят. Заметался, что делать. В конце концов помчался домой собирать рюкзак. Я еще не знал, что буду делать, но одно знал, совершенно твердо; я должен быть в Кожаре.

А утром за мной приехали на машине. Вошел незнакомый человек, поздоровался со мной. «Как ваша нога, товарищ Южин? Вы можете выехать в Кожар?» Вот от него — то по пути к аэродрому я и узнал, что Глеб... В общем, что нет больше Глеба.

Сопровождающий сказал: «Нашли палатку, почти все вещи и труп командира отряда».

Вот так я все и узнал.

— Вы прилетели в Кожар самолетом?

— Да. В самолете я чувствовал себя плохо... Вы видели Глеба? Там, в горах? А я в морг не пошел... Не смог...

— Ну, вы прилетели...

— В Кожар мы прилетели часа через три. Нас, вернее, меня, потому что самолет был грузовой, встречали двое. Спросили: «Товарищ Южин? Как перенесли перелет? В состоянии ответить на несколько вопросов?»

— Об избушке спрашивали?

— Да, тут же на аэродроме: «Знали ли в группе об охотничьей избушке в верховьях Соронги?» Я сказал, что знали и что она была у нас отмечена на карте.

Мне предложили вспомнить, кто мог рассказать об избушке... «Это очень важно». Я и сам понимал, что это важно... Но я ничего не мог вспомнить. Я только мог назвать людей, с которыми мы встретились в походе. Что мы узнали об избушке в Бинсае, я помнил точно.

Список получился небольшой. Учительница из Бинсае, местный житель, родственник его Степан Кямов, который рассказал нам легенду о Тумпа — Соляхе, лесоруб, дед в заячьей шапке — вот, кажется, и все, кого я вспомнил. Они просмотрели список и сказали, что со всеми этими людьми уже разговаривали, кроме лесоруба, которого не застали дома. Я рассказал им, как он выглядит.

С аэродрома меня повезли в горком партии. И там тоже здоровались и удивлялись: «Вы и есть тот самый?» Там было много народу: два мастера спорта, кажется, из Москвы, два или три эксперта из областной прокуратуры и еще кто — то.

И там мне задавали те же вопросы: какой у нас был маршрут, брали ли мы с собой оружие... Спрашивали и об избушке. Но я уже начал сомневаться, видел ли я эту избушку на карте.

Тогда мне дали карту — точь — в-точь, как у нас. «Нарисуйте, — сказали, — где вы запомнили значок избушки». Я закрыл глаза и попытался вспомнить. Хребтики, вершинки, реки... В общем, нарисовал я наугад.

Потом меня повезли в прокуратуру. Один из встречавших меня на аэродроме оказался помощником прокурора, а второй — постарше — следователем из областной прокуратуры. Там я пробыл до глубокой ночи. Их интересовало буквально все: кто в чем был одет, у кого какие родители, много очень расспрашивали о туристских правилах... И все это до поздней ночи.

Утром в гостинице я вдруг вижу — Оля Шакунова. Она приехала ночным поездом и до утра сидела на вокзале.

И вот когда она сказала: «Саша, что же это такое?» — я почувствовал стыд. Почему я не там? «Не с ними? Почему я должен отвечать на вопросы, на которые не могу ответить? Почему я должен видеть в глазах Оли молчаливый упрек: «Ты вот здесь — живой и здоровый, а он?» Понимаете, я чувствовал себя виноватым перед Олей, перед всеми, кто так же, как она, может мне задать вопрос: «Что же это такое?»

К вечеру меня опять вызвали в прокуратуру. Там я узнал, что привезли нашу палатку, вещи и... Глеба.

— Вы его видели? Это правда, что он ушел от ребят?

— Видел. Вероятно, он поднимался по склону, но дошел только до границы леса.

— Да, мне говорили. О чем я рассказывал? Да, когда я зашел в прокуратуру, палатка была растянута, по диагонали комнаты. Один ее бок, справа от входа, был разорван и скреплен булавками. Эксперт — женщина (она все время курила, и у нее был, понимаете, такой странный вид с папиросой за ухом, она одну папиросу курит, а вторая у нее в запасе за ухом) сидела на корточках и что — то рисовала. Мы поздоровались, к меня познакомили с ней. Эксперта интересовал полог — это мы так называли простыню у входа палатки. «Зачем она? Она ведь мешает входить...»

Я ей объяснил, что у нас было два отделения: дальнее — мужское, а у входа — для девушек...

— А что было потом?

Саша вздохнул. Я понял, что он устал от своего рассказа.

— Вы ужинали?

— Нет, — сказал он растерянно, — забыл...

За ужином он немного отошел, мы вернулись в номер и проговорили еще добрый час.

... В прокуратуре Саше пришлось пережить немало тяжелых минут. Сначала на него даже не обращали внимания, целиком занятые палаткой. После того, как эксперт — женщина перерисовала все изодранное полотнище палатки в альбом, стали решать, что это: разрывы или порезы.

На рисунке эксперта порезы были намечены красными линиями, рядом с линиями стояли цифры, а внизу пометки: «1—разрыв, ветхость, ветер, 2 — разрыв, ветер...» Только против цифр «4» и «6» было помечено: «разрез ножом изнутри (следы масляного ножа на внутренней поверхности полотнища)».

Женщина категорически заявила, что нападение извне, по ее мнению, исключается.

Затем следователь подозвал Сашу к грудке вещей, сложенных в углу комнаты.

Следователя интересовала принадлежность вещей членам группы. И он предложил Саше разобрать вещи по хозяевам: «Мне нужно знать, чего здесь не хватает».

Но через пять минут стало ясно, что для Саши эта задача не по силам. Когда Саша брал что — либо из груды, у него начинали дрожать руки. Он видел перед собой не вещи, а своих друзей — тех, на ком еще недавно были эти штормовки, куртки, шапочки.

— Ну, хорошо, — сказал следователь, видя, что разбор вещей превратился в пытку. — Оставьте. Скажите лучше, чья это куртка?

И он протянул Саше... его собственную куртку. Саша не знал, что эту куртку сняли с мертвого Глеба.

— Моя. Я перед уходом отдал ее Неле Васениной, — сказал Саша.

Потом Саша понадобился женщине — эксперту. Ее звали Викторией Павловной. Она попросила его влезть в палатку и вспомнить, кто где спал. «У вас ведь у каждого было свое место?»

Саша влез. Палатка так пахла елью, что у него сжалось сердце. Как будто он сам оказался у Раупа. Ночь, метель, надо выбираться быстро, а тут этот полог...

Саша запутался в пологе, и Виктория Павловна помогла ему выбраться из палатки. Она все спрашивала: «Ну, вспомните, кто должен был спать в дальнем углу? А у входа? А посередине?»

У выхода должны были спать девушки — это Саша помнил точно. Но кто именно из девушек спал крайней у выхода, Саша не знал. В этом походе он в палатке не ночевал ни разу...

И снова бесконечные вопросы следователя и эксперта. Самые разные,

— Вы точно помните эту куртку?

— Чьих вещей здесь не хватает?

— Как вы обычно выбирались из этой палатки?

— Как можно выбраться из палатки, если она поставлена по — штормовому, то есть почти лежит?

— Как вы ставили печку?

— Что вы надевали на ночь?

— Вы спали под одеялами?

— Как бы вы лично действовали, если бы вам срочно надо было выйти из палатки? Скажем, в случае тревоги?

— Кто из ваших девушек более голосистая?

— Были ли у вас ножи?

И Саша отвечал на все вопросы, путаясь, запинаясь, стараясь припомнить все детали.

— Я им сказал: «Какой же турист, если он без ножа. В лесу без ножа никак нельзя». Я свой всегда ношу в нагрудном кармане. Он и сейчас со мной. — Саша показал мне нож, комбинированный — с вилкой и ложкой. — Такие же ножи у Толи и у Васи Постыря, только они носят их не в кармане, подвешивают в чехле к поясу. А у Глеба финский нож. Он его всегда носит... носил...

Саша умолк. Стали слышны разговоры в соседней комнате, все так же, как четыре дня назад, жалобно поскрипывала форточка, пропуская в комнату снег и холод. Снег падал крупными хлопьями.

Саша встряхнулся:

— Какая зима, — сказал он, — я не помню столько снега...

— А в горах что творится!

— Да, я знаю. Кротов все время беспокоил, что ребята в вашем отряде попадут под обвал.

Мы опять помолчали.

— Да, — вдруг спохватился Саша. — Я вам еще не все рассказал. Утром, это было уже семнадцатое февраля, меня пригласили в горком партии. Там было совещание по итогам поисков. И, видимо, должны были решать, что же делать дальше. Первым выступил мастер спорта — москвич. От Федерации туризма РСФСР.

Он сказал, что в несчастье с группой Сосновского виноваты прежде всего организации, оформлявшие поход. Спортклуб, завком, турсекция. Спортклуб подписывает все, не понимая в туризме ничего. Председатель спортклуба «болеет» за футбол, волейбол, хоккей, но только не за туризм. Активисты к документации относятся с величайшим пренебрежением. О слабой дисциплине в турсекции говорят хотя бы такие факты, что группа увезла с собой маршрутную книжку и что Сосновский самолично перенес контрольный срок на два дня.

Спортклуб вообще не контролирует туристов. Они забыли, что их в любой момент могут проверить Федерация, областной совет или даже прокурор. Надо работать на прокурора!

Ему, видимо, здорово понравился этот тезис «надо работать на прокурора», потому что он повторил его трижды.

— Вы понимаете, — сказал Саша, — когда москвич сел на место, мне хотелось убежать оттуда. Ведь во всем том плохом, что он перечислил, была и моя вина, понимаете? Рядом со мной сидел наш председатель, Лев Иннокентьевич Виннер. Так он совсем сгорбил. Но тут москвича перебил... Этот... Я его не знаю, но, по — моему, он здесь, главный.

— Турченко?

— Да, кажется, у него такая фамилия. «Выводы делать пока рано, — сказал он, — но их, видимо, придется делать».

И тоже глянул в нашу сторону, но не очень осуждающе.

Потом этот Турченко долго все уточнял: кто утверждает окончательный маршрут, должны ли туристы при себе обязательно иметь оружие, радиостанцию... Отвечал Лев Иннокентьевич, я тоже отвечал. А потом встал следователь.

— Я несколько удивлен выступлением товарища, — следователь кивнул в сторону москвича. — Вместо анализа обстоятельств трагедии, случившейся под Раупом в ночь с пятого на шестое февраля, я услышал, к сожалению, выступление ревизора. Слов нет, ревизии нужны, но, как говорится, в свое время. Сейчас нас должно больше интересовать, что же произошло в ту трагическую ночь на склоне вершины «1350»? Попробуем проанализировать те немногочисленные факты и вещественные доказательства, которыми располагает следствие.

Он сказал, что экспертиза утверждает: смерть Сосновского последовала в результате общего переохлаждения организма, «Поверхностные телесные повреждения, имеющиеся на трупе, надо отнести за счет ушибов при падении. Никаких ножевых или других смертельных ран на теле Сосновского не обнаружено».

Одним из первых выводов, который сейчас уже можно сделать безошибочно, группа не

подверглась нападению извне. Почему? В палатке найдены все документы, банка с деньгами и карты. По заключению экспертизы, палатка разрезана ножом изнутри. Нельзя допустить также, что на них напали дикие звери. Звери зимой, по свидетельству местных жителей, на хребте вообще не появляются.

— Вчера вечером, — сказал следователь, — мы получили сообщение прокурора Новикова с места происшествия. Новиков ознакомился с групповыми и личными дневниками, найденными в палатке. Они проливают свет на трагические события, происшедшие в ночь с 5 на 6 февраля. Новиков пишет: «Теперь уже не приходится сомневаться, что в палатке ночью произошла борьба, точнее, драка. И именно эта драка послужила причиной последующих событий на склоне вершины «1350». Последние записи в дневниках говорят о том, что в группе сложились ненормальные отношения между отдельными членами. В частности, между Норкиным и Шакуновым. Они спорили между собой в очень ожесточенной форме. Не надо забывать, что в группе были и две девушки, и в одну, судя по личным дневникам, был влюблен сам начальник группы. Был в группе и спирт, остатки обнаружены в палатке. Таким образом, причиной драки могла послужить девушка или что — либо еще, а толчком — спирт...» Саша помолчал.

— Понимаете, я сидел совершенно подавленный. Драка? В нашей группе драка? Это же невозможно! Я, наверное, стал бы кричать об этом во весь голос, но тут вмешалась Виктория Павловна.

— Да, — сказала она, — палатка изрезана изнутри ножом самими туристами. Но я удивлена выводами следователя не меньше, чем он сам был удивлен выступлением товарища из Москвы. Еще вчера, если мне не изменяет память, он имел мнение несколько другое. И если он так круто повернул, то, видимо, причиной этому — записка от товарища Новикова. Конечно, Новиков был на месте сам, это опытный криминалист, но позвольте мне усомниться в его выводах. Я вообще сомневаюсь, что в группе могла вспыхнуть драка. Не могло быть там недоразумения и на почве чувства к девушке.

Я беседовала с Сашей Южиным и Ольгой Шакуновой, женой одного из пропавших туристов, и я твердо убеждена, что драка среди них не могла произойти ни при каких обстоятельствах. Хотя, должна признаться, что сначала, когда я начала работать с одеждой, палаткой пропавших ребят и сопоставила с планами и схемами, присланными Новиковым, я тоже решила, что такой хаос мог бы быть только результатом ожесточенной борьбы.

Но меня заставили отказаться от такого вывода не только эти двое людей, близко знавшие пропавших. Меня убедила в противоположном мнении фотография...

Виктория Павловна подняла над собой фотоснимок.

— Это последний снимок из фотоаппарата «Киев», найденного в палатке. Фотография сделана между пятью и шестью часами вечера. Вы видите, что палатку туристы ставят в условиях сильной метели. Палатку ставят по — штормовому, это подтвердил и товарищ Павлов (Виктория Павловна кивнула на москвича). Значит, эта фотография сделана на склоне вершины «1350». Что из этого следует? Достаточно одного взгляда, чтобы убедиться в сомнительности выводов товарища Новикова. Только очень дружная группа могла так ставить палатку, могла вообще вести себя так.

— Я считаю, — продолжала Виктория Павловна, — что наиболее правдоподобна другая версия, которую вчера разделял и следователь. В ночь с 5 на 6 февраля одна из девушек, Коломийцева или Васенина, скорее Коло — мийцева, вышла из палатки. Ее сорвало ветром вниз. Конечно, она закричала, и вся группа бросилась ей на выручку. Этим объясняются и разрезы на палатке и беспорядочно брошенные вещи. А затем... Что могло произойти, если были неблагоприятные условия погоды, можно додумать.

Кротов сказал:

— Согласно метеосводкам, в тот день, а точнее, сутки, на перевале был мороз в пределах десяти градусов. Наблюдалось также неустойчивое барометрическое давление. Должен сразу предупредить, что эти данные весьма приближенные. Они высчитаны на основании показаний Кожарской и Лованьской метеостанций.

— Что значит, неустойчивое давление? — спросил кто — то.

— По наблюдениям летчиков, это бывает тогда, когда массы холодного воздуха, скопившиеся на западных склонах Главного хребта, под покровом сильной облачности с огромной скоростью через седловины врываются на восточные, более теплые склоны. При этом скорость ветра достигает ста пятидесяти и более километров в час. Об этом свидетельствуют радиосообщения, которые мы получаем из лагеря спасотряда на Малике. Там уже второй день бушует сильный ураганный ветер.

Совещание в горкоме закончилось тем, что поиски решили продолжать.

Саша опять приумолк. Видимо, пытается представить себе, что же это за погода, когда на тебя обрушивается ураган со скоростью сто пятьдесят километров в час...

— А в гостинице меня ждала Оля, жена Вадима, — спохватывается он. — «Я не плачу, — сказала мне Оля. — Я жду. Как ты думаешь, завтра их найдут?» Меня она по — прежнему не слушала и отвечала на свои вопросы сама. "Конечно, найдут. Может, сегодня уже».

Мы с ней ходили по улицам, и она рассказывала про Вадима. Рассказывала все: как они познакомились, как Вадим ей сделал предложение. От нее я впервые узнал, что перед походом они серьезно поссорились.

— Я была самонадеянной душой, — сказала мне Оля. — Разве можно ему запретить ходить в походы? Он же только этим туризмом и живет. Каждый вечер он мне рассказывал про свои походы.

... Утром восемнадцатого Сашу вызвали в штаб. Там были Турченко, Кротов и другие.

На стуле, в тулупе и валенках сидел мужчина с рыжей бородой. На его лице было написано страдание. Ему было, видимо, жарко в тяжелом тулупе.

— Вы знаете этого человека? — спросил Турченко. Мужчина поднялся и протянул Саше руку. Голубые глаза, окладистая медная борода...

— Из Бинсая я. Чай еще у вас пил...

— Вот давайте еще раз посмотрим карту, — сказал Турченко. — Товарищ Бабин подтверждает наличие избушки.

Саше дали карту. Ту самую, где он вчера рисовал треугольник избушки. Треугольник был стерт.

— Вчера вы ошиблись, — сказал полковник. — Летчики и отряд спасателей на этом месте ничего не обнаружили. Товарищ Бабин сейчас вам расскажет, как добираться до его избушки, а вы попытайтесь отыскать место избушки на карте.

Саша с Бабиным с одинаковым недоумением поглядели друг на друга, и Бабин начал подробно перечислять все повороты Соронги, все хребтики, скалы и притоки, которые он встречал, когда ездил охотиться в верховья реки, к Раупу... Точно так же две недели назад перед Бабиным сидел Глеб и искал на карте место, где находилась избушка этого бородача.

Карандаш плавал по Соронге, тыкался в протоки, и вдруг Саша отчетливо вспомнил слово, написанное рукой Глеба: «продукты». Больше Саша не сомневался, — он нашел ту самую точку, которую две недели назад нанес на карту Глеб.

— Где? — тотчас склонился над картой полковник, сравнил точку с заметками в своем блокноте и кивнул головой: данные совпали.

Полковник взял карту и схватился за телефон.

— Аэродром? Дежурный? Говорит полковник Кротов. Объявите по громкой связи: командирам вертолетов немедленно вылететь на север. Координаты посадки: квадрат «Д-5», километр от впадения притока в Соронгу. Посадку делает Проданин, Кравцов боится в воздухе. Капитану Проданину захватить с собой врача и медикаменты. С вертолетами поддерживать непрерывную связь.

Полковник опустил трубку, подумал секунду и снова поднес микрофон ко рту:

— Передайте: посадку делать при ветре и облачности не выше... не выше... Пусть сами решают на месте.

А через полтора часа радист Кожарского аэродрома принял радиограмму: «Кожар,

штаб. Докладываю: снял всех шестерых. Оказана первая помощь. Иду курс на Кожар. Проданин».

— Когда Проданин сообщил, что ребята живы? — спросил я.

— Около двенадцати.

Да, время почти совпало. Как раз в это время Новиков предположил, что группу в ночь с пятого на шестое сорвала в ураган Васенина. Он передал дневник мне, встал и выглянул из палатки. Небо обрушилось на наш лагерь сплошным потоком снега. Снег заглушал все звуки, тишина была осязаемая, как вата, как стена.

— Ну, и погодка, — сказал он, вернувшись к печке. — Могу выразить искреннее сожаление товарищу Воронову. Боюсь, что его безрассудное решение послать капитана и самого себя в ущелье кончится весьма плачевно.

Новиков тяжело опустился на чурбак. Меня оклчкнул Жора — радист. Связь со спасательными отрядами? Нет, еще не время.

— Пиши, — кричал Жора. — Быстрее пиши!.. «Всем., всем... коротковолновикам... уральской зоны... точка. Примите... и повторите... на волне... 27 целых... пять сотых метра... точка. Позывные... «Рауп»...

Наши позывные? Кто нас ищет? Штаб? Но время... «Морзянка» запищала опять.

— Пиши: «18 февраля... в охотничьей... избушке... найдены... шесть туристов... из группы... Сосновского... точка. Все шестеро... живы и сняты... вертолетом точка. Командирам... спасательных... отрядов прекратить... поиски... немедленно покинуть... зону... урагана... точка. Всем... всем...»

24

Сосновцев я так и не увидел. Сразу с аэродрома их перевезли в больницу. Только на второй день к ним пустили родных, а еще через день — Новикова. Но я в это время был уже в редакции. Я начал работать над большим очерком. Я хотел рассказать о событиях, свидетелем которых был, о мужественной группе туристов, о героической гибели Глеба Сосновского. Очерк «Отдай сердце людям» был напечатан в конце февраля. А в начале марта в редакцию зашел Воронов. От него я узнал, что по делу Сосновского было вынесено «обвинительное» заключение. Правда, позже эпитет «обвинительное», исчез, зато само заключение было принято в качестве официального документа комиссии «по расследованию обстоятельств гибели командира туристской группы физико — технического института Г. Сосновского».

— В чем же он обвиняется?

Воронов усмехнулся:

— Новиков на эту тему дал такое разъяснение: «Мы его не обвиняем, а ставим ему в вину...» Следствие, а вслед за ним и комиссия поставили Глебу в вину две вещи: раскол группы и уход в одиночку.

Я был совершенно ошеломлен:

— Как же это понять? А разве уход в одиночку попадает под какой — нибудь закон?

— Формально говоря — да. Не под уголовный, конечно, а под туристский. Вообще — то и уход в одиночку, и раскол группы — одно и то же. Точнее, один поступок, попадающий под действие двух параграфов инструкции о походах высшей категории трудности. Но дело не в этом. Ты не думал, почему он ушел из группы?

— Шел к палатке за вещами, за продуктами...

— Это ответ не на «почему», а «куда». Мне кажется, что и Новиков, когда писал свое заключение, на этот вопрос тоже не смог ответить. Он, правда, попытался обосновать уход Глеба, но, по — моему, его объяснение — та же самая «аморальная» версия, только в другом плане: Сосновский обманул ребят, Сосновский бросил их на произвол судьбы.

— А ты видел ребят? Я уехал раньше, чем...

— Я тоже. Врачи не пустили.

— ... А без них ничего не выяснишь.

— Это точно. Поэтому тебе прежде всего нужно встретиться с ними. Не сейчас, а через месяц, скажем, или два. Когда они немного придут в себя. А я постараюсь раздобыть для тебя экземпляр официального заключения комиссии.

Мы с Вороновым обстоятельно обсудили все, что так или иначе имело отношение к «делу Сосновского».

Первую попытку встретиться с Сосковцами я предпринял в марте. Решил начать с Толи Броневского. Судя по групповому дневнику, это оптимист, остряк, он, наверное, легче других перенес трагедию, его будет проще вернуть к тем печальным дням...

Дверь мне открыл сухошавый седой старик. Старомодное чеховское пенсне, борода клинышком, аккуратно завязанный галстук довольно модной расцветки на фланелевой рубашке... «Отец», — решил я.

— Вам нужен Анатолий? Пройдите, пожалуйста, он дома.

Толя сидел за столом. В комнате — кушетка, стол, рояль, две стены заставлены книгами. Он повернулся ко мне — такая же синяя фланелевая рубашка, пестрый джемпер, смуглое тонкое лицо. Полное сходство с отцом.

Я назвал, сказал в двух словах о цели визита. Он беспомощно оглянулся, словно не знал, куда меня посадить, забыл даже ответить на мое «здравствуйте»,

Я прямо приступил к делу:

— Вы знаете заключение прокуратуры по делу Сосновского?

— Да, знаю.

— Мне кажется, что это заключение необъективное, мягко выражаясь. Оно, на мой взгляд, неправильно освещает кое — какие детали.

— Да, мне тоже так кажется.

— Вот я и решил разобраться, в чем оно необъективно. Но, вы сами понимаете, без вас и других участников похода мне не удастся установить истину. Не так ли?

— Да, да, конечно.

Странная метаморфоза: от волнения он не побледнел, а потемнел, словно на лице проступил какой — то скрытый загар. Он сжался и словно обледенел.

— Прежде всего, мне кажется, в заключении неправильно освещено поведение группы в ночь с пятого на шестое февраля, когда вы покинули палатку. Вы понимаете, кого я имею в виду?

— Да, конечно, понимаю.

— Обвинительное заключение прокуратуры целиком строится на ошибке командира группы. Ну, и, естественно, на поведении в ту ночь Васениной.

Толя молчал. Потом он поднял голову, на какую — то секунду я поймал его взгляд и понял, что он колеблется. Он вдруг сделал протестующий жест, и я оглянулся. В дверях стоял его отец. Я не успел сообразить, что произошло, как Толя ожил.

— Не надо, папа. Оставь нас вдвоем. Прошу тебя, оставь.

Старик бесшумно притворил за собой дверь.

— Только вы не ходите к Неле, — сказал вдруг Толя. — Я очень прошу вас, не ходите. Я все расскажу сам.

Он собрался с духом и начал рассказывать...

— Второй подъем на перевал мы начали поздно, почти в три часа дня. Глеб, в общем — то, был прав: мы здорово задержались у Малика. Но на это были свои причины. Вы знаете, что был мой день рождения. Так все необычно...

Часть продуктов, запасные лыжи и гитару мы оставили в лабазе. Его потом нашли. Мы решили вернуться за продуктами и вещами после восхождения на Рауп. Это был, конечно, крюк, километров двадцать пять, но зато мы могли идти к Раупу налегке.

Толя вдруг улыбнулся и, хотя смотрел мимо меня, куда — то в окно, я понял, что он немного оттаял.

— Перед тем, как закопать свою гитару, Вася Постырь вдруг залихватски присвистнул

и заиграл плясовую: «Ох, Люсенька, спляши напоследок!»

Люся у нас здорово плясала. Мы посмеялись, вытащили Люсю из сугроба, куда она угодила во время «барыни», и спели еще раз «Бабку — Любку»...

Пели все, даже Коля Норкин. Вообще — то ведь он у нас парень мрачный.

А потом мы пошли. Подъем на перевал был изнурительным. Ветер буквально сбивал с ног. Я даже, помню, пожалел, что иду налегке. С тяжелым рюкзаком идти против ветра легче. Хорошо, хоть мороз был слабый. Наст в гребешках, свежие наносы, а под ними острые камни. Достался нам, одним словом, этот подъем. Пока поднялись на перевал, я три раза падал.

Шли мы медленно, Глеб все время удерживал направляющих, чтобы легче было идти девушкам. Он кричал, а ветер уносил его голос в сторону. Уже за три метра не было слышно. Вот какой был ветер.

Шли мы по компасу. Азимут взяли прямо на южную вершину Раупа, а ветер сбивал нас к останцам. Они были где — то южнее нас, и в периоды затишья оттуда доносился такой... такой печальный звон. До сих пор помню. Да вы и сами, наверное, его слышали.

К пяти часам мы уже буквально валились с ног. Я думаю, что не одному мне приходила тогда в голову мысль, что Глеб был прав, когда предлагал повернуть от Малика на запад. Мы шли против ветра и на подъем. И все время камни. Что ни шаг — лыжа скребет по камню, боишься ее сломать и теряешь равновесие. В общем, это был самый трудный наш переход.

Без четверти пять мы решили сделать привал. Никто толком не знал, где мы остановились, но идти дальше вслепую было просто опасно.

Обледеневший, усыпанный острыми камнями склон был не слишком удобен для ночлега, но нам удалось найти небольшую площадку. Уже начинало темнеть.

Мы сняли рюкзаки, уселись потеснее, и Коля Норкин сфотографировал нас всех в этой метели. Что делать: идти искать другую площадку для палатки или ставить ее здесь? Чтобы поставить палатку по — штормовому, то есть почти закопать в снег, потребуется как раз те самые полчаса светлого времени, которые еще были в нашем распоряжении. Но где мы находимся? Глеб предполагал, что мы сидим на отроге Раупа, где — то в его начале. Вадим сомневался и говорил, что мы свалились на отроги хребтика между вершиной «1350» и южной вершиной Раупа. Позднее, вы знаете, выяснилось, что ошибались они оба: мы не дошли не только до траверса, но и до хребтика нам еще надо было пройти километра три, если не больше.

Все же Глеб с Вадимом решили подняться повыше, чтобы сориентироваться. А мы стали копать яму под палатку. У нас был ледоруб, но его взял Вадим делать засечки, чтобы найти обратную дорогу, и мы копали яму лыжами и палками. Под жестким настом оказался фирн. Как крупа. Копали медленно, яма, в общем — то, получилась мелкой. Снега оказалось мало.

Беспокоились за ребят, ушедших на разведку. В такой метели потеряться очень просто.

Они вернулись минут через двадцать. Вернулись как раз вовремя: уже совсем стемнело. Наверху такая же пурга.

Палатку мы закопали здорово. В ней можно было только сидеть согнувшись. И все время оседала под снегом крыша. Я дважды выбирался из палатки и сгребал снег с крыши.

Он с минуту помолчал, словно собираясь с мыслями, потом продолжал:

— Палатка у нас старенькая, и девушки все беспокоились, что она под снегом прорвется...

Поужинали мы часов в девять. Ужин был простой — окорок да сухари. Смешно было подумать, что здесь, на этом каменистом склоне и в такую метель можно развести костер и вскипятить чай.

Люся пела свою любимую песенку «Расцвела сирень в моем садочке...», но по — настоящему веселил нас Вася Постырь. У него неистощимая фантазия. Раз скажет правду, а раз сочинит. И все из туристской жизни. «Идем мы по тропке — тишина. Только капли с веток шлепаются на головы. Темнотища и жуть... И вдруг как заверещит, как завоет!..» Вот

в таком духе рассказывал. А под конец выясняется, что верещал и выл всего — навсего филин. Но смеялись мы от души. Усы у Васи торчали, как пики, глаза от ужаса становились совсем круглыми, а голову он втягивал в плечи так, что не было видно из — за ворота подбородка. Со страшных историй Вася переходил на «армянские» анекдоты, мы смеялись, уткнувшись головами в шапки, а Люся сердилась:

— Свистуны! Или замолчите или рассказывайте вслух!

Толя оживился. Он уже не отводил от меня взгляда, ему доставляло удовольствие рассказывать о своих друзьях веселое и смешное.

— Ну, хорошо. А что в это время говорила Неля? Как она выглядела? Впрочем, в палатке у вас было ведь темно...

— Нет, — ответил Толя, и с его лица мгновенно сбежала улыбка. — У нас были фонарики.

— Что же ее толкнуло выйти из палатки? Ведь она же должна была понимать риск...

Я говорил в пустоту. Говорил, высказывал предположения, догадки, Толя молчал.

Тихо, без шороха и скрипа, открылась дверь, и опять на пороге появился старик. Я подозреваю, что он все это время стоял за дверями и ждал момента. Делать было нечего, я встал, попрощался, но потом сделал еще одну попытку:

— Вы, конечно, правы: Васенину сейчас беспокоить не стоит. А Шакунов?

— Их в городе нет. Никого. Ни Вадима, ни Коли, ни Люси. Их нет в городе, — повторил он, не глядя на меня. Это прозвучало как: «вы их лучше не ищите, они вам все равно ничего не расскажут».

— Жаль. Я думал, вы мне поможете.

Старик в прихожей сказал: «Мы никогда не говорим об этом. Простите, но мы никогда не говорим...»

25

Я действительно больше никого из сосновцев в то лето не разыскал. Сначала они лечились и отдыхали в каком — то санатории, а потом наступили летние каникулы.

Но дело было даже не в том, что я их не мог разыскать. Когда я рассказал о своем визите к Броневскому Воронову, он решительно отказался от плана, который сам же выдвинул: «Да, пока рано. Нельзя их без конца терзать напоминаниями о Сосновском. В конце концов, они ведь тоже считают себя виновными в том, что так все кончилось... Я видел как — то Васенину. Она еще не оправилась от потрясения. Она ведь любила Глеба, ты знаешь об этом».

— Как она выглядит, Неля?

— Девушка лет двадцати. Высокая, стройная, с короткой прической. Лицо немного скуластое, глаза расставлены широко. На левом виске шрам — память о Рауне. Левую руку прячет в рукаве — у нее же отняли пальцы.

— О чем вы с ней говорили?

— Да так, ни о чем... Не ходи к ней, пожалуйста. Вообще я думаю, что в этой истории надо разобраться как — то по — другому.

Я ничего не понимал. Неужели Воронов изменил свою точку зрения? Невозможно!

— Ты знаешь, — сказал Воронов, — если бы Со — сновский остался жив, а погиб бы другой, его бы судили.

— И он был бы осужден?

— Как командир группы — да.

— Он же не совершил ничего аморального. Интересно, как бы вел себя в тех обстоятельствах этот прокурор Новиков? Стал бы он рисковать своей жизнью ради других?

— А ты уверен, что Глебу надо было рисковать? Я разозлился.

— При чем тут «надо»? В конце концов, у человека, кроме разума, есть еще и сердце. Воронов вздохнул.

— Давай не будем ссориться. Я считаю, что Глеб заслуживает доброй памяти, но и прокурора можно понять. Ты читал в «Комсомолке» о двух ребятах, которые погибли на Алтае при переправе? А про саянскую трагедию читал? Гибель Сосновского и эти два случая — звенья одной и той же цепочки.

Я наконец понял ход мыслей Воронова.

— И ты думаешь, что нужно осудить Сосновского в назидание другим? Осудить за то, что он был настоящим человеком? Не согласен! Я постараюсь доказать свою правоту. Узнать о Сосновском все! Как он себя вел? Как смотрят на его поступок все те, кто был с ним рядом в ту ночь?

Я сказал, что после неудачных попыток встретиться с ребятами мне остается одно — прокуратура. Новиков читал дневники, разговаривал с сосновцами в первые дни. У него, конечно, есть протоколы. «Материалы следствия он тебе не даст, — трезво заметил Воронов. — А вот дневники попросить стоит. Все равно ведь ты с ними знаком...»

Эти дневники я у Новикова просил дважды. Сначала ответил уклончиво: дескать, копии снимать — дело хлопотное, а выслать дневники пока нельзя, ему и самому кое — что еще не ясно. В конце письма он предлагал мне повнимательнее познакомиться с заключением по делу Сосновского: «В нашем заключении вы, надеюсь, найдете ответы на все интересующие вас вопросы. Я уверен, что оно поможет вам дать в печати правильную оценку тем событиям, свидетелями которых мы были с вами оба. Я сегодня нее прикажу для вас снять копию с заключения по делу Сосновского...»

Это было похоже на издевательство, и я решил, что терять мне больше нечего. Письмо у меня получилось довольно злое. Во всяком случае я ему высказал все, что думаю о его «заключении», и еще раз, в более официальном тоне, попросил найти способ предоставить в мое распоряжение дневники или их копии. Ответ не замедлил ждать: «Прокуратура г. Кожара предоставить в ваше распоряжение вещественные доказательства не может».

И вот как повернулось... Хотя и через полтора года, но эти дневники и копии протоколов все — таки у меня в руках,

26

Протоколы были длинные, с подробными юридическими преамбулами: кто, где, когда, и только на второй, а то и третьей странице начиналось то, что более всего интересовало меня. Я читал их в том порядке, в каком они были сложены прокурором.

Из протокола допроса Люси Коломийцевой

Коломийцева: Все это так и произошло. Когда нас, всех шестерых, сбросило ураганом на камни, конечно, мы сначала не могли ориентироваться. Ведь было темно.

У кого — то, кажется, у Васи Постыря, в кармане оказался фонарик. Мы бросились на свет. Нелю пришлось разыскивать. Еле нашли ее между камней.

Прокурор: Что же вы предприняли потом? В каком направлении пошли?

Коломийцева: Вряд ли мы шли сознательно. Ураган гнал нас, бросал на камни, перекачивал по наледям, мы теряли друг друга, кричали что есть силы, снова собирались вместе, а через несколько шагов очередной удар ветра нас опять разбрасывал на камнях. Глеб кричал, что лес левее, а ветер гнал нас вниз по склону, и мы не могли свернуть ни вправо, ни влево.

Там, на одной из последних каменных гряд, сильно разбился Вася Постырь. Наверное, он упал на острый камень грудью и сломал ребро. Его сначала поддерживали под руки, а потом буквально несли. Где — то отстал Коля Норкин, ему кричали...

Нелю с самого начала вел Глеб. Она, вероятно, ударилась о камень виском и была почти в бессознательном состоянии.

Прокурор: Как вы не обморозились при спуске?

Коломийцева: Мы все время падали и бегали. Согревались. Я одета была лучше всех. Я всегда спала в трех свитерах, шапке, меховых варежках, так и выскочила из палатки.

Прокурор: Когда же вы собрались всей группой?

Коломийцева: У костра. Коля Норкин нашел нас по костру. Разводить огонь на ветру, почти на открытом месте, было настоящим истязанием, но иного выхода не было. Где — то в метели бродил потерявшийся Коля, и только костер мог указать ему путь к нам.

Коля совсем окоченел, прыгал у костра и все пытался засунуть обмороженные руки в огонь. Вадим с Глебом оттирали ему щеки, потом стянули обледеневшие носки и растерли ноги.

Я перевязала Нелю. Отодрала кусок ковбойки, в кармане у меня нашелся почти чистый носовой платок и забинтовала им голову. Мы копошились у костра, ребята своими телами и рубашками защищали огонь, топтались и плясали на снегу.

Больше всех пострадал Вася Постырь. Когда в затишье, в ложбинке Васю забинтовали все той же ковбойкой и стянули ему грудь ремнем, ему стало лучше, но все равно идти ему было тяжело, и он не столько шел сам, сколько висел на плечах у Вадима и Толи. Ему чаще других оттирали руки, сдирали обледеневшие нос — ки>и отогревали ступни руками. А потом я приноровилась греть ребятам руки у себя под мышками, под курткой. Сама до сих пор удивляюсь, откуда во мне в ту ночь было столько тепла.

Спасла нас находчивость Вадима Шакунова. Когда Глеб с Толей разжигали костер, он нарезал из березовой коры широкие ленты, отогрел ленты над огнем и завернул себе и ребятам ноги в эти березовые онучи. Онучи плохо держались на ногах, ломались, но все же защищали ноги от снега.

Здесь у костра Глеб сказал, что он пойдет к лабазу, а мы должны идти к охотничьей избушке. Он подробно объяснил Вадиму, как пройти к этой избушке. Все ее приметы описал.

Прокурор: Вы сказали, что Сосновский пошел к лабазу?

Коломийцева: Да, это я точно помню. Вот потом, как мы добрели до избушки, не помню. Последние километры мы шли в каком — то полусне. Ясный рассудок сохранил только Вадим. Во всяком случае у него хватило силы воли орать на нас, когда мы пытались свалиться в снег. Он останавливал всех через каждые полчаса и заставлял оттирать друг другу обмороженные места. Он тащил на себе последние несколько километров Васю Постыря.

Из протокола допроса А. Броневского

Прокурор: Значит, вы не знали, что Сосновский пошел к палатке?

Броневский: Он ушел к лабазу.

Прокурор: Да нет же, его нашли по пути к палатке! Вот посмотрите на схему. Вот палатка, вот лабаз, а вот здесь нашли Сосновского.

Броневский: Это так неожиданно. Я не знал. Но Глеб не мог так ошибиться. Он шел к палатке. Да и остальные ребята, видимо, не знают. Как — то так получилось...

Прокурор: Вы верили, что он догонит вас?

Броневский: Мы верили, что он спасет нас. Он всегда приходил нам на выручку в трудные минуты. Приходил на помощь, не задумываясь, насколько это было трудно и сложно. Там, на Соронге, мы об этом говорили часто. Представляли, как он пробирается к лабазу, находит лыжи, продукты, запасные ботинки. В лабазе мы оставили не только продукты, но и мешок, который можно приспособить под рюкзак. А спать у костра, у таежного костра, который Глеб не раз складывал из сухих бревен, он отлично умел. Спать на хвойной подстилке, прямо у огня, рядом с горящими бревнами, которые тлеют внутри, знаете, нодья называется, он не раз учил меня во время похода и по Саянам и по Алтаю. Мы не допускали мысли, что все на самом деле хуже. У меня, знаете, в голове даже не возникало таких опасений, что пройти одному без товарищей сто двадцать километров по дикой местности даже такому закаленному туристу просто невозможно. Ведь ходят же охотники в одиночку...

Прокурор: Сто двадцать километров?

Броневский: Ему нужно было дойти хотя бы до Ловани. Он же знал, что нам нужна помощь, нужен врач. Он не мог не знать об этом, потому что сам растирал обмороженные

ноги Васе Постырю и Коле Норкину. А если бы он добрался до людей, то, конечно, стал бы разыскивать нас на вертолете.

Прокурор: Вы все знали, что он уходит?

Броневский: Да, мы отдали ему все, что могли. Он оказался одетым хуже всех. Люся отдала ему варежки, а Неля курточку на заячьем меху. Она вышла из палатки, натянув телогрейку на курточку. Курточка была с капюшоном, и она очень пригодилась Глебу, так как он сам оказался даже без шапочки. Глеб всегда спал без шапочки... Знаете, мы просто не могли допустить мысли, что он не дойдет...

Прокурор: Что происходило у костра, под сосной? Кто с ним разговаривал последним?

Броневский: Не знаю. Я был в ельнике, возле Васи Постыря, накладывал ему на сломанное ребро повязку. Я мельком слышал, как Глеб разговаривал с Вадимом, объяснял ему путь к избушке. Прокурор: Вадим его не удерживал? Броневский: Вадим, кажется, его отговаривал. Потом за Глебом бросился Коля Норкин. Наверное, хотел удержать. Но знаете, если уж Глеб решил на что, так никто не смог бы его отговорить. И Глеб из всей нашей семерки лучше всех ориентировался на местности. У него была феноменальная способность выходить точно к месту, куда надо. Он всегда получал высший балл на соревнованиях по закрытому маршруту... Может быть, если бы мы все запротестовали, Глеб не ушел бы. Но мы, наверное, растерялись. Двое раненых... Все почти раздеты...

Прокурор: Ну, а что было потом, когда Глеб Сосновский ушел?

Броневский: Мы пошли в обратную сторону. К ущелью. Вадим торопил. Он всех подгонял: «Быстрей, быстрей!» Он всех подталкивал, все время протапывал тропку, оттирал нам руки, щеки и торопил без конца. За весь двадцатикилометровый переход он ни разу никому, даже Васе Постырю, не дал присесть. «Сядешь — уснешь, — говорил он, — а заснешь — замерзнешь». Даже Коля Норкин, знаете, он у нас... строптивый, даже он беспрекословно выполнял все приказания Вадима. Во всяком случае, я не помню, чтобы он возражал. Почти никто ничего не говорил, кроме Вадима. Все шли как во сне.

Помню, как ветер то утихал, то снова усиливался. Помню, каким тяжелым казался Вася Постырь. Мы несли его на себе, чередуясь.

Прокурор: Сколько времени вы шли?

Броневский: Не помню. К избушке мы пришли в сумерках. Но, были ли утренние или вечерние сумерки, не помню. Не знаю, как уж Вадиму удалось найти эту избушку. Пока мы выгребали из нее снег — кто куском коры, кто и просто руками, — Неля с Васей, оставшиеся без дела и движения, едва не замерзли. Знаете, на морозе люди замерзают очень просто: хочется закрыть глаза и уснуть. И чем сильнее борешься со сном, тем сильнее хочется уснуть. Так все просто. И Неля в конце концов уснула. Уснула стоя, опершись о сосну.

Когда мы их втащили в избушку и начали растирать, она с трудом проснулась. Люся, отчаявшись ее разбудить, била по щекам. Била и, знаете, плакала.

Но в это время мы сумели все — таки растопить очаг, и в избушке сразу потеплело...

Из протокола допроса Вадима Шакунова

Прокурор: В чем вы нарушили в ночь с пятого на шестое февраля правила туризма?

Шакунов: Не надо было отпускать Глеба. Раскол группы... Но мы не могли себя вести иначе.

Прокурор: Согласитесь, что это довольно нелогично: обвинять и оправдывать поступки одновременно.

Шакунов: Я не оправдываюсь. Я говорю, что не представляю себе, как мы могли бы действовать иначе.

Прокурор: Ну, хорошо. Допустим, что это так. Охотно верю, что вы даете такие показания убежденно, а не под влиянием нездоровья. Следственная практика знает немало случаев, когда люди, попадая в аналогичные обстоятельства, подвергаются психической депрессии. Я даже могу допустить, что ваш беспримерный ночной переход по ущелью Соронги вам удался лишь потому, что ваше сознание было подавлено, вы не сознавали нависшей над вами смертельной опасности... Вы шли, просто повинуясь приказу

Сосновского.

Шакунов: Да, но мы действовали вполне сознательно. Как ни странно, но мы дошли до избушки, потому что путь по ущелью был очень труден. И потом ведь среди нас были раненые. Если бы путь по ущелью был полегче, мы бы наверняка соблазнились призалом, и тогда неизвестно, чем бы все кончилось.

Прокурор: Вы все время шли по реке?

Шакунов: Мы шли по Соронге, на берег не выбирались ни разу. Уже через полкилометра ветер почти стих, во всяком случае это был уже не ураган. Зато снег стал глубже, местами доходил почти до пояса. Мы буквально тонули в снегу.

Постепенно мы вышли из зоны урагана. Наконец, на восточном склоне небосвода, я хорошо это помню, мы увидели луну. Потом ущелье стало глубже, пошли почти отвесные берега, и снова потемнело, идти стало трудно. В каньоне опять подул сильный ветер. Здесь снегу было мало, но зато мы часто скользили по льду и падали. Во многих местах в каньоне над головой висели снежные карнизы, в таких местах я подгонял ребят шепотом, запрещал говорить громко. Боялся обвалов.

Прокурор: Мороз был сильный?

Шакунов: Мороз был не больше десяти градусов. Это нас и спасло.

Прокурор: Но ведь вы шли полураздетые, без лыж и обуви...

Шакунов: У нас на ногах была береста. Идти по глубокому снегу без лыж, конечно, трудно. Помогал ветер, он дул нам в спину и потом — мы двигались.

Прокурор: Говорят, что вы единственный сохранили присутствие духа и взяли на себя обязанности командира?

Шакунов: Просто я лучше всех понимал, что наше спасение в движении. Нам нужны были крыша и стены, нам нужен был огонь, чтобы спасти раненых.

Прокурор: Какой силы был ветер?

Шакунов: Баллов десять — двенадцать. Мы, собственно, потому и пошли к избушке, что в этом случае ветер нас подгонял. А против ветра к палатке или даже к лабазу нам всем, особенно раненым, было не дойти. Даже Глеб не дошел.

Прокурор: Сосновский плохо рассчитал свои и ваши силы. Вы согласны со мной?

Шакунов: Отчасти. Если бы не точность и пунктуальность Глеба, разве мы нашли бы эту затерявшуюся среди притоков Соронги крошечную избушку? Кто из нас, кроме Глеба, мог так дотошно выспросить у лесоруба приметы? Кто, кроме него, мог запомнить такие мелочи, как торчащий из обрыва валун, ель с обломанной верхушкой. А именно эти мелочи и помогли нам почти сразу найти избушку.

Прокурор: Вам выпал счастливый случай: в избушке оказались продукты...

Шакунов: Может быть нам и повезло, что хозяева избушки оказались запасливыми — там были дрова, кусок оленины и горох. Но не это главное! Продуктов было мало, мы сидели на голодном пайке. Оленину Толя разделил на две половины, потом каждую половину на четыре, затем он делил снова и снова. Острил что — то про бесконечно малые величины, превращающиеся при помощи ножа в мнимые. А гороху было килограмма два, в день каждому доставалось грамм по пятьдесят.

Лучшим лекарством, я думаю, была работа. Все, кто в состоянии был ходить, ходили и работали. Работа отгоняла мрачные мысли, и мы все время придумывали себе работу.

Больше, чем продуктам, мы обрадовались топору. С утра до позднего вечера, натянув на себя все, что можно было надеть, мы попеременно рубили сухостой и таскали к избушке дрова. Топить нужно было круглосуточно. В избушке было полно щелей, да и дымоходом служила просто дыра в крыше.

Прокурор: Вы верили, что Сосновский придет по вашим следам?

Шакунов: Да, верили. Но уже к концу первого дня мы начали готовиться к обратному маршу, к лабазу, а если удастся пройти — к палатке. Идти решили втроем: Толя Броневский, Коля Норкин и я. Неля с Васей Постырем не могли идти, а Люся должна была за ними ухаживать.

Прокурор: То есть вы решились на второй раскол группы?

Шакунов: Да, и во второй раз мы решились на это сознательно, любое другое, может быть, более трезвое решение было для нас невозможным. Мы не могли оставаться в избушке, не попробовав пробиться к лабазу или палатке. А еще точнее, мы должны были убедиться, что с Глебом ничего не случилось и что он действительно ушел в Бинсай. Мы, в сущности, повторили бы ошибку Глеба, но эта ошибка была для нас единственно возможным решением.

Прокурор: Вы предполагали, что Сосновский ушел в Бинсай? Зачем?

Шакунов: Он знал, что среди нас двое раненых, которым нужна медицинская помощь. Он мог рискнуть пойти в одиночку потому, что в лабазе были лыжи и продукты.

Прокурор: И вы считаете, что это реально — добраться от Раупа до Бинсая в одиночку без палатки и спального мешка?

Шакунов: Для Глеба — реально. Когда он не пришел к нам, мы решили, что он пошел вызвать вертолет.

Прокурор: Да, это логично. Не могли же вы убеждать себя в том, что он погиб. А как отнеслись остающиеся в избушке к вашему уходу? Ведь они понимали, что вы можете и не вернуться...

Шакунов: Оставшиеся отдали нам все теплое, что было на них. Из лозняка мы сплели снегоступы. Идти в них было неудобно, но зато они держали на снегу.

Прокурор: Пройти ущелье в обратном направлении вам, конечно, не удалось?

Шакунов: Не удалось. Сильный ветер, который нас подгонял во время отступления к избушке, теперь нам мешал. Сказывались также усталость и обморожения. Мы часто прятались за камни и отдыхали.

Прокурор: И много вы прошли?

Шакунов: К двум часам прошли только треть пути. Через три часа должны наступить сумерки. Мы могли или вернуться или идти вперед в надежде добраться до палатки.

Прокурор: И вы вернулись?

Шакунов: Вернулись. Что творится на перевале, мы не знали. Найдём ли мы там палатку — тоже не знали. Но зато мы знали, что нашего возвращения ждут трое наших товарищей в избушке. И мы вернулись.

Прокурор: Больше вы не делали попыток пройти ущелье?

Шакунов: На следующий день мы повторили попытку, но с тем же успехом. Правда, на этот раз мы дошли до половины ущелья, но не смогли преодолеть свежий обвал. Снег был рыхлый, и наши снегоступы нас не держали.

Мы еще сделали одну попытку. Через два дня. Сплели новые, больших размеров снегоступы, намазали лица слоем жира, натопленного из остатков оленины, и вышли ночью. Но и на этот раз мы дошли только до обвала.

Прокурор: Погода была такая же?

Шакунов: В тот день погода уже успокоилась, и мы в просветах туч видели вершину «1350». Но пройти к вершине уже не смогли.

Прокурор: Ну, а теперь вернемся к началу нашей беседы. Вы согласны со мной, что если бы Сосновский не пошел на раскол группы, то есть если бы не допустил ошибку, которую вы сами оцениваете как грубейшую в туристской практике, — погодите, не возражайте! — то тогда в живых остались бы все семеро?

Шакунов: Он не мог...

Прокурор: Я спрашиваю не об этом. Повторяю вопрос: если бы Сосновский не допустил ошибку, в живых остались бы все семеро?

Шакунов: Не знаю.

Прокурор: Поставим вопрос несколько иначе. Согласны ли вы в том, что смертельный случай в группе произошел из — за ошибки командира группы? Вы уже квалифицировали раскол группы, как тяжелую ошибку.

Шакунов: Да, это была ошибка. Но...

Прокурор: Виноват в этой ошибке только командир группы или кто —нибудь другой? Его кто —нибудь принуждал уйти?

Шакунов: Нет, не принуждал.

Прокурор: Значит, в этой ошибке виноват он один?

Шакунов: Он ушел сам. Он...

Прокурор: Хорошо, достаточно. Вы уже ответили на вопрос. Желаю вам побыстрее поправиться.

Из протокола допроса Н. Г. Норкина (допрос ввиду тяжелого состояния свидетеля был проведен в больничной палате)

Прокурор: Судя по показаниям ваших друзей, вы были последним, кто разговаривал с Сосновским?

Норкин: Да, я был последним. И возможно, я единственный, кто оправдывает его поступок.

Прокурор: Я бы сказал, довольно смелое заявление. Но учитывая ваше состояние...

Норкин: Нечего кивать на мое здоровье! Я не хуже других, а мозги у меня в полном порядке, и я знаю, что говорю.

Прокурор: Пожалуйста, не волнуйтесь. Мне необходимо уточнить кое — какие детали. Итак, вы были у костра...

Норкин: Я знаю, что большинство, включая, видимо, и вас, считают, что Глеб совершил грубую ошибку, покинув в ту ночь группу. Вам нужно найти виновного, и вы его нашли: виноват сам командир группы. Разве не так?

Прокурор: Пожалуйста, не горячитесь. Вам, в вашем положении, это вредно. Зайдет врач и...

Норкин: Действительно, с формальной точки зрения, так все и обстоит. Глеб не имел права покинуть группу, тем более в одиночку. Не должен был и как руководитель похода и как человек, подвергающийся смертельной опасности. А почему — то никто не задается вопросом: а мог ли он, честный, сильный человек, поступить иначе? Мог ли он, единственный не искалеченный на камнях, со спокойной совестью идти с нами в охотничьей избушке, не испробовав шанса раздобыть продукты и лекарства? Вот вы, вы, честный человек, скажите, могли бы вы на его месте поступить иначе? Скажите!

Прокурор: Послушайте, кто здесь кого допрашивает?

Норкин: А, боитесь? Увиливаете от ответа? А вы подумайте, вы только представьте, как бы он потом чувствовал себя в избушке, видя, как мучаются Неля и Вася? Ведь он бы понимал, что упустил единственный шанс облегчить наше положение медикаментами. В ту ночь он лучше всех нас сознавал, что вернуться от избушки к лабазу, а тем более к палатке гораздо труднее. Лучше сделать сразу крюк и догнать группу по следам. До вас это доходит?

Прокурор: Но ведь он же вас обманул. Сказал, что пойдет к лабазу, а на самом деле пошел к палатке.

Норкин: Да, обманул. И я бы на его месте тоже пошел на такой обман. Разве бы мы его отпустили, если бы знали, что он пойдет к палатке? Это же верная смерть.

Прокурор: Да, тут вы правы. Так оно и получилось. И все же вернемся к началу: вы были последним, кто разговаривал с Сосновским. Что он вам сказал?

Норкин: Он сказал: «Я вас догоню. В лабазе остались лыжи, на лыжах я вас быстро догоню».

Прокурор: Вы пытались его остановить?

Норкин: Я просился идти с ним, но он сказал: «Лыж только одна пара». Это было резонно, и я не пошел.

Прокурор: Что он еще сказал?

Норкин: «Неля с Васей сильно разбились, а до избушки двадцать километров. Может, их придется нести. Без тебя ребятам их не донести».

Прокурор: Это все, что он сказал?

Норкин: Нет, не все. Еще он сказал так: «Скажи., как бы ты поступил на моем месте?»

Прокурор: Что вы ему ответили?

Норкин: Он не стал ждать, что я ему отвечу.

Прокурор: А что бы вы ему ответили?

Норкин: Ответил бы, что на его месте поступил бы так же.

Прокурор: Вот как? И вы не удержали своего друга от смертельного шага?

Норкин: Я вам уже сказал, на его месте я поступил бы так же.

Прокурор: Даже зная, что пойдете на верную смерть?

Норкин: Я уже сказал: я на его месте поступил бы так же. Что вам от меня надо еще?

Прокурор: Извините... Это все.

27

Я разгладил письмо Васениной и нашел место, где у меня рассыпались листки.

«Вам нужна моя исповедь...»

В конце концов, я и сама пришла к выводу: если не вспомню и не напишу вам все, абсолютно все, что сохранилось в моей памяти, начиная с той ночи шестого февраля, я еще раз распишусь в малодушии. Эта мысль пришла и окончательно завладела мной в тот момент, когда я сидела на скале над Телецким озером после дождя. Солнце после дождя, особенно в горах, кажется необыкновенно ярким. Просто ослепительным. И когда оно пробилось сквозь тучи и залило светом хмурое озеро, я вдруг вспомнила, что я уже видела нечто подобное, видела там, на Соронге.

Это было дня за два до того, как нас нашли летчики. Я хорошо помню, как я стояла, закрыв глаза руками, и слезы лились сами собой. Я не чувствовала ни холода, ни боли, и слезы лились потому, что я не могла открыть глаза — столько было вокруг меня света.

Вышла Люся, обняла меня за плечи и вернула в избушку.

Мое место было на низеньких, устланных сухим мхом и хвоей нарах. Как и в палатке — с краю. Только в палатке я была крайняя с выхода, а здесь наоборот — крайняя у очага.

Люся уложила меня на нары, заботливо укрыла курткой. В избушке было сумрачно, резь в глазах прошла, и опять у меня перед глазами заплясали языки пламени в очаге. Необычным было только желтое пятно на полу. Луч солнца.

От сотрясения мозга сначала я ничего не воспринимала. Когда стало легче, начала кружиться голова. От голода, наверное.

Я долго не могла отделаться от мысли, что не Глеб ушел от нас, а мы бросили его. Я припоминала каждую мелочь с того самого момента, когда, сорванная ветром, оглушенная падением на камни, поднялась на колени и закричала. Было так темно и была такая метель, что я не могла различить даже вытянутой руки, а не то что палатки. От страха, что я осталась одна среди этого беснующегося снега, среди кромешной тьмы, из которой неслись стоны останцев, я закричала. Я кричала не переставая. На какой — то миг ветер унялся — это был всего лишь миг, но, видно, столько страха и отчаяния было в моем вопле, что всем, кто спал в палатке, передался мой смертельный страх, и они, трезвые и спокойные ребята, забыв об одежде, забыв об элементарной безопасности, исполосовали ножами палатку, чтобы не путаться в пологе, и выскочили, в чем попало, под ветер. И их всех шестерых, так же, как меня, ураганом сбросило вниз, на камни.

Когда меня все же нашли, подняли, в голове стоял звон, я сильно ушиблась плечом о камень, левая рука висела плетью, я плохо соображала, где я, что со мной и только чувствовала, как что — то липкое и теплое расплзается по щеке.

Как мы шли, я вспоминаю очень смутно. У меня все плыло перед глазами. Я только чувствовала под локтем руку Глеба, и эта рука и голос Глеба были для меня всем живым на свете...

Пришла в себя у костра.

Глеб собирался куда — то идти. Он мне сказал, что пойдет к лабазу. Я поверила, что он нас догонит от лабаза... А к палатке? Разве я бы его отпустила к палатке?

Вадим тоже отговаривал его. Но Глеб вдруг закричал:

— Веди ребят к избушке! Слышишь?

Глеб никогда не кричал и не приказывал. Это было так на него не похоже, что Вадим был буквально ошеломлен...

Когда Глеб уже ушел, следом за ним бросился Коля Норкин. Зачем? Не знаю. Может быть, он почувствовал, как это плохо, что Глеб ушел один. Да, наверное, он сообразил, что уход Глеба в одиночку — это самое худшее, что может быть в нашем положении.

Коля вернулся очень быстро. Но догнал ли он Глеба и что между ними произошло, я не знаю. Коля подскочил ко мне, обнял меня рукой и крикнул: «Пошли!» И по тому, как он держался, как он решительно скомандовал, я поняла: так надо. Так приказал Глеб.

Что было позднее, в избушке, вы знаете. И там, и долгое время спустя, когда я уже знала о гибели Глеба, я не хотела, вернее, не могла анализировать все случившееся. В чем была наша главная ошибка? Почему мы позволили Глебу уйти?

Сейчас, спустя полтора года, не только людям, дотошно разбиравшим каждый наш шаг, но и мне самой кажется диким и непонятным решение отпустить Глеба одного. Вряд ли кто — нибудь из нас шестерых даже сейчас может ответить на вопрос: как могло случиться, что мы разделились в самый трудный для нас час?

Наверное, это был такой час, когда мы могли только действовать, не задумываясь о последствиях. Единственный из семерых Глеб в хаосе не потерял разума. Он смог не только действовать, а думать и оценивать обстановку. Он смог внушить нам единственно правильное в той обстановке решение — идти в лес, к избушке, к огню и спасению, и мы пошли. Мы безгранично верили Глебу, и ни у кого даже не мелькнула мысль, что намерение Глеба в одиночку пробиться даже к лабазу — безумство.

Может, это произошло от того, что путь к избушке казался нам страшнее и труднее, чем полтора — два километра до лабаза. А ведь мы знали, что в лабазе, кроме продуктов, есть запасные лыжи и ботинки, и Глеб на лыжах догнать нас мог в два счета. Может, это произошло еще и оттого, что из всей группы Глеб оказался единственным, кто в ту ночь не покалечился. Он был самым крепким, самым сильным из семи и он выбрал путь сильного. Не его вина, что даже у самого сильного есть предел силам.

Но почему пошел на это сам Глеб, спокойный, всегда предусмотрительный Глеб, Глеб, который всегда говорил: «бессмысленный риск в туризме то же самое, что операция с завязанными глазами»?

Только недавно, припоминая все ваши вопросы, я поняла, что во всем случившемся виновата я и только я.

Из — за меня вся группа оказалась вне палатки в ураган, из — за меня был этот страшно трудный переход до избушки.

Из — за меня Глеб пошел не к лабазу, а к палатке. Ведь открытые раны были только у меня, а аптечка была в палатке.

Теперь, я кажется, ответила полностью на все ваши вопросы».

28

За вагонным окном белая полярная ночь. Вагон мерно подрагивает на стыках. Болят глаза от чтения. Последним я читаю письмо Новикова, датированное еще прошлым месяцем.

«Я решил удовлетворить Вашу просьбу и дать Вам все материалы, связанные с делом «группы Сосновского». Не скрою, эта мысль появилась у меня уже тогда, когда я прочел Ваш очерк.

«Человеку свойственно ошибаться», — говорили римляне. Любая ошибка может привести к тягостным последствиям, но заблуждение журналиста, которому предоставлена газетная трибуна, — во сто крат хуже...

Печатаю очерк, Вы не знали или не хотели знать, что существует официальное заключение комиссии по «делу группы Г. Сосновского». В нем было сказано:

«Вина Г. Сосновского, как командира группы, заключается в том, что он не предотвратил выхода одного из членов своей группы из палатки в одиночку, что свидетельствует о слабой дисциплине в группе и об отсутствии инструктажа по технике безопасности. Вина Г. Сосновского заключается в том, что он бросил группу в самый трудный для нее час, в то время как правила туризма категорически запрещают в подобных обстоятельствах идти на раскол группы. Вина, наконец, Г. Сосновского заключается в том, что он обманул своих товарищей, решившись подняться к палатке в одиночку, что в тех условиях было равносильно смерти. Так оно и случилось. Сосновский поддался минутному порыву, забыв о своей ответственности за жизнь членов группы, в том числе и своей».

Наверное, Вы и сейчас не согласны со мной в том, что главным виновником трагедии назван командир группы Сосновский. На Ваш взгляд, виновных в этом деле не было и нет. Ознакомившись с протоколами, дневниками и письмом Васениной, Вы можете прийти к выводу, что виноваты все, а больше всего Васенина. Она сама прямо признает это. Конечно, ее роль в трагедии совершенно определена, но ее поступки вызывают скорее сожаление, чем осуждение. Остальных членов группы можно оправдать хотя бы тем, что они подчинялись приказу Сосновского. Поведение же командира группы в ту ночь нельзя назвать не только героическим (как Вы утверждаете в очерке), но даже оправданным.

Я не хотел бы чернить память Сосновского. Мотивы его поведения можно понять, но простить нельзя. Долг следствия был сказать суровую правду, которая бы послужила уроком другим. Сосновскому уже не поможешь, но есть живые, которые знают его и помнят о нем. И от того, что они о нем знают, будет зависеть их собственное поведение в аналогичных обстоятельствах.

Еще раз утверждаю, что действия Г. Сосновского в ночь с пятого на шестое февраля 1962 года, безусловно, заслуживают самого глубокого осуждения. Безрассудная смелость, поспешное решение, минута отчаяния, неоправданный риск — все это, к сожалению, может привести и приводит к потере человеческих жизней. И наш долг, наша святая обязанность — предотвращать подобные случаи всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами. Это и Ваш долг.

Вы можете разбираться в мотивах его поступков — это Ваше дело, но давать оценку его действиям Вы обязаны только по их конечному результату. Только такая оценка правомерна и объективна».

Объективна? «Выслушай обе стороны и оставь свое мнение при себе...» Кто это сказал? А какое это имеет значение — кто и когда сказал слова, которые сохранились в памяти. Важно, что в памяти сохранились...

Поезд уносил меня на юг. Белая полярная ночь сменилась туманным рассветом. Туман был густой и такой плотный, что казался из вагона снегопадом. Сплошной поток снега. Совсем как тогда в лагере, на Малике в феврале 1962 года.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)
[Оставить отзыв о книге](#)
[Все книги автора](#)